

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

На правах рукописи

Онищенко Юлия Викторовна

**СОЦИОФОНЕТИЧЕСКАЯ И ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ВАРИАТИВНОСТЬ СЕГМЕНТНОГО СОСТАВА ФОНЕТИКИ
БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ
РЕЧИ УЧАСТНИКОВ ТОК-ШОУ «ШОУ ГРЭМА НОРТОНА»)**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А. Д. Петренко

Симферополь
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. Теория языковой вариативности в социолингвистическом аспекте....	19
1. 1. Формирование социолингвистического направления: опыт отечественного и зарубежного языкознания.....	19
1.2. Социофонетика и фоностистика как комплементарные векторы изучения произношения.....	29
1.3. Многовекторность и стандарт с точки зрения социолингвистического подхода	39
1.3.1. Дифференциация форм существования языка в русле теории социальной стратификации.....	39
1.3.2. Произносительный стандарт и толерантность в социофонетической парадигме.....	42
1.4. Опыт изучения фонетических изменений в социолингвистических штудиях.....	47
1.5. Развитие теории стилей произношения в отечественной и зарубежной традиции.....	51
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	58
ГЛАВА 2. Произносительный стандарт британского национального варианта английского языка как объект лингвистического исследования.....	58
2.1. Место орфоэпического стандарта в иерархии форм языка, функционирующих в Великобритании.....	61
2.1.1. Многоаспектность термина «вариант» по отношению к формам существования английского языка	61
2.1.2. Характеристика языковой ситуации в Великобритании: место и статус кодифицированной формы произношения.....	64

2.1.3. Социальная стратификация английского общества как совокупность факторов, детерминирующих реализацию произносительного стандарта.....	69
2.2. Произносительный стандарт в современной Великобритании: становление и функционирование.....	72
2.2.1. Формирование произносительной нормы в диахроническом аспекте.....	72
2.2.2. Традиционные и инновационные черты современного британского произносительного стандарта	77
2.2.3. Особенности реализации разговорной формы нормативного произношения на сегментном уровне.....	86
2.3. Характеристика британских масс-медиа с точки зрения социолингвистической вариативности.....	89
2.3.1. Функционирование языка в сфере масс-медиа	89
2.3.2. Языковая специфика британских телевизионных жанров	91
2.3.3. Место комедийного ток-шоу в системе жанров британских СМИ	96
2.3.4. Особенности речевого поведения участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортона»	100
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	104
ГЛАВА 3. Социофонетические и фоностилистические особенности реализации сегментного состава фонетики английского языка в речи участников ток-шоу «Шоу Грэма Нортона».....	107
3.1. Программа и методы исследования.....	107
3.1.2. Этапы и методы проведения исследования.	108
3.2. Особенности реализации сегментного состава гласных ФСП в речи британцев-участников ШГН.....	112
3.2.1. Реализация гласных ФСП.....	112
3.2.1.1. Краткие монофтонги.....	112
3.2.1.1.1. ФСП краткий монофтонг КІТ.....	112

3.2.1.1.2. ФСП краткий монофтонг DRESS.....	115
3.2.1.1.3. ФСП краткий монофтонг TRAP.....	116
3.2.1.1.4. ФСП краткий монофтонг LOT.....	119
3.2.1.1.5. ФСП краткий монофтонг STRUT.....	121
3.2.1.1.6. ФСП краткий монофтонг FOOT	123
3.2.1.2 Долгие монофтонги	126
3.2.1.2.1. ФСП долгий монофтонг BATH	126
3.2.1.2.2. ФСП долгий монофтонг NURSE.....	129
3.2.1.2.3. ФСП долгий монофтонг FLEECE	131
3.2.1.2.4. ФСП долгий монофтонг THOUGHT	134
3.2.1.2.5. ФСП долгий монофтонг GOOSE.....	136
3.2.1.3. Краткий безударный монофтонг HAPPY.....	139
3.2.1.4. Дифтонги.....	142
3.2.1.4.1. ФСП дифтонг GOAT	142
3.2.1.4.2. ФСП дифтонг SQUARE.....	147
3.2.1.4.3. ФСП дифтонг PRICE.....	149
3.2.1.4.4. ФСП дифтонг NEAR.....	141
3.2.1.4.5. ФСП дифтонг FACE.....	155
3.2.1.4.6. ФСП дифтонг MOUTH.....	157
3.2.1.4.7. ФСП дифтонг VOICE.....	160
3.2.1.4.8. ФСП ДИФТОНГ CURE.....	163
3.2.2. Реализация согласных ФСП	165
3.2.2.1. Особенности L-вокализации в речи участников ШГН.....	165
3.2.2.1.1. Влияние L-вокализации на изменения системы вокализма в RP...171	
3.2.2.2. Реализация ФСП [t]	172
3.2.2.2.1. Субституция ФСП [t] гортанной смычкой [ʔ].....	173
3.2.2.2.2. Варианты аллофонических субституций ФСП [t]	181

3.2.2.3. Субституция иных согласных гортанной смычкой	185
3.2.2.4. Опускание и коалесцирование аппроксиманта /j/.....	187
3.2.2.5. Опускание начального /h/.....	189
3.2.2.6. Субституция кластера [st] и аффрикатизация ФСП [t]	190
3.2.2.7. Интрузивные и соединительные согласные	192
3.2.2.8. Аспирация согласных.....	195
3.2.2.9. Ассимиляция согласных.....	195
3.2.2.10. Элизия	198
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	210
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	216
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	247
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	250
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	251
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	252
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	256
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	264
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	266
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.....	268
ПРИЛОЖЕНИЕ 8.....	269
ПРИЛОЖЕНИЕ 9.....	270
ПРИЛОЖЕНИЕ 10.....	272
ПРИЛОЖЕНИЕ 11.....	273
ПРИЛОЖЕНИЕ 12.....	274

ВВЕДЕНИЕ

Глубокое осознание тесной взаимосвязи общественных и языковых структур вышло на передний план в лингвистике давно, и восходит к идеям В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ. Развивается новое научное направление – социолингвистика, в рамках которого изучаются проблемы языковой нормы, кодификации и вариативности языка, формирование национальных языков и пр.

Понимание многовекторности развития языка определяет необходимость анализа не только территориальной, но и социальной вариативности, диверсификации узуса стандартной формы языка, обусловленной факторами ситуативного порядка.

Со второй половины XX столетия лингвистами всесторонне разрабатываются вопросы языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками носителей языка, такими как принадлежность к социальной, профессиональной и возрастной группе, совокупность социальных ролей, характеристики общественного статуса говорящего, уровень образования коммуникантов.

Ведущая роль отводится в исследованиях подобного рода и функционированию национальных вариантов современных европейских языков, региональной вариативности, проблемам просторечия, городского койне и пр. Поскольку социальная лингвистика представляет собой науку о социально значащем выборе альтернативных способов говорения об одном и том же, то данный факт предполагает лингвистический анализ, исходящий из наличия различных возможностей для осуществления коммуникативного намерения в устных и письменных видах речевой деятельности.

В рамках социолингвистики появляются и получают интенсивное развитие такие направления, как социофонетика и фоностилистика.

Принципы функционирования языка в пределах различных территорий, в определенных социальных группах, а также формы существования языка представлены в трудах таких ученых, как В. А. Аврорин, В. М. Алпатов, В. И. Беликов, В. Д. Бондалетов, В. М. Бухаров, Л. А. Вербицкая, В. А. Виноградов, А. И. Домашнев, В. М. Жирмунский, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская, Р. К. Потапова, Н. И. Филичева, Д. А. Шахбагова; ситуативно-стратификационная вариативность речи всесторонне анализируется в исследованиях А. Д. Петренко, М. В. Поповой, В. В. Потапова, А. Д. Швейцера, У. Лабова, П. Традгилла. Фонетические аспекты анализа звучащей речи вызывают интерес у отечественных и зарубежных лингвистов, среди которых Л. В. Бондарко, В. М. Бухаров, С. М. Гайдучик, Е. А. Земская, Л. В. Златоустова, Р. Р. Каспранский, Л. И. Проколопова, Л. В. Щерба, Г. Майнхольд, П. Керсуилл, Дж. Уэллс и многие другие.

Английский язык (далее – АЯ) является одним из наиболее изучаемых в мире, в частности, британский вариант, на основе которого сформировались другие национальные варианты языка, имеет сложный характер диверсификации как в пределах самой языковой нормы, так и в системе территориальных и социальных вариантов. Так, например, учеными изучаются особенности функционирования АЯ в различных регионах Великобритании, при этом, особое внимание уделяется колыбели кодифицированной нормы произношения – южно-британским графствам. Выравнивание между смежными регио- и социолектами, то есть т. н. языковая диффузия, происходит наиболее ярко и интенсивно в речи носителей лондонского произношения, в наикрупнейшей агломерации страны. Многообразие английского произношения, вопросы вариативности произносительной нормы (далее – ПН) и различные аспекты стандартизации отражены в трудах таких лингвистов, как М. В. Безбородова, Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Д. А. Шахбагова, Т. И. Шевченко, У. Альтендорф, К. Аптон,

П. Керсуилл, Д. Кристал, У. Лабов, П. Роуч, П. Традгилл, Д. Уатт, Дж. Уэллс, П. Экерт, П. Фоукс и др.

Функционирование языка в сфере масс-медиа является предметом исследования ряда отечественных и зарубежных лингвистов (С. В. Давыдова, Т. Г. Добросклонская, М. А. Самкова, Б. Гантер, Дж. Стюарт-Смит). Языковая специфика англоязычных СМИ, в частности, язык телевидения и его влияние на формирование культурной и социальной идентичности жителей страны, а также языковая составляющая телешоу как жанра, сконцентрированного на речевой коммуникации, находит отражение в исследованиях К. В. Барановой, Е. Г. Лариной, А. Ю. Салихова, О. Н. Саркисян и др.

Настоящее исследование выполнено в русле научной проблематики, методологии и методики, основы которой заложены профессором А. Д. Петренко и разрабатываются в трудах членов Крымской научной школы социофонетики и фоностилистики. В частности, основные аспекты социофонетической вариативности немецкого и английского языков находятся в фокусе внимания ее ученых, а именно, Л. С. Бор, Н. М. Евстафьевой, Э. В. Лихачёва, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкиной, А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, А. В. Пономаревой, Ю. Б. Федотовой. Проблематика языкового контакта, билингвизма и диглоссии отражена в научных трудах Т. В. Бридко, А. Я. Поповской, Д. М. Храбсковой, Е. А. Устиновича. Обширные полевые исследования речи, проведённые членами научной школы, позволяют использовать непрерывно пополняемый методологический инструментарий для выполнения дальнейших социофонетических штудий, что вносит вклад в развитие теории вариативности национальных языков и позволяет прогнозировать направление языкового изменения.

Актуальность проблемы обуславливает недостаточная разработанность вопросов, связанных с вариативностью современного британского

произносительного стандарта в спонтанной речи (далее – СР) на сегментном уровне фонетики АЯ, а также необходимостью детального анализа тенденций изменения ПН в текущий период развития национального варианта АЯ, функционирующего в Великобритании. Наблюдение за речевым поведением носителей нормы в дискурсе СМИ в жанре комедийного ток-шоу, а также анализ произносительных особенностей в возрастном и гендерном аспектах является актуальным, поскольку дополняет представление о системе английского вокализма и консонантизма, а также вносит вклад в изучение реального функционирования современного АЯ в стилистическом и социальном аспектах.

Объектом исследования выступает СР британцев, владеющих современным произносительным стандартом британского варианта Received Pronunciation (далее - RP).

Предметом исследования является реализация фоностилистических и социостратификационных вариантов вокализма и консонантизма фонетики АЯ в разговорном произношении (с учетом гендерного и возрастного факторов).

Цель данной работы состоит в установлении переменных правил реализации сегментного состава (гласных и согласных) фонетики АЯ в СР участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортонa» (разговорная форма ПН британского варианта АЯ) в возрастном и гендерном аспектах.

Поставленная цель предполагает решение следующих теоретических и практических **задач**:

1. изучить научный опыт социофонетических исследований речи в русле теории языковой вариативности;
2. рассмотреть состояние британской ПН и ее функционирование с точки зрения социальной дифференциации и языковой стратификации;
3. проанализировать специфику функционирования АЯ в жанре ток-шоу на материале комедийного лейт-найт шоу «Шоу Грэма Нортонa»;

4. охарактеризовать социолингвистические параметры целевой группы участников ток-шоу;

5. представить фонемный инвентарь фоностилистических переменных (далее - ФСП) и актуальные тенденции его реализации;

6. осуществить комплексный фонетико-фонологический анализ корпуса данных на материале речи участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон»;

7. выявить особенности реализации ФСП с учетом гендерного и возрастного факторов;

8. интерпретировать полученные результаты в социофонетическом и фоностилистическом аспектах согласно исследованиям ПН в специализированной научной литературе (исследования М. В. Поповой, Р. К. Потаповой, В. В. Потапова, У. Альтендорф, К. Аптона, А. Гимсона, А. Краттендена, Дж. Линдси, П. Роуча, Д. Уатта, Дж. Уэллса).

Материал исследования представляют видео- и аудиозаписи ток-шоу «Шоу Грэма Нортон», включающие СР британцев-носителей стандартного произношения. Корпус данных исследования составлен из фрагментов записей телешоу – записей звучащей речи знаменитостей, родившихся и обучавшихся в Великобритании, владеющих нормативным произношением, в котором диалектные маркеры либо отсутствуют, либо реализованы в минимальном соотношении. Видеофрагменты и субтитры выпусков британского ток-шоу "The Graham Norton Show" отобраны методом сплошной выборки. Суммарная выборка насчитывает эпизоды ток-шоу, транслируемые в 2015 – 2023 гг. (всего 70, или 13,5 Гб в цифровом виде). Общая длительность видеофрагментов, подлежащих анализу, составила 65 часов.

Группы участников составлены в соответствии с их гендером и возрастом, выделены три возрастные группы: младшая от 22 до 35 лет, средняя от 38 до 58

лет, старшая от 70 до 85 лет, в каждой из которых есть подгруппы женщин и мужчин. Для каждого из участников отрезок речи в общем равен 10 – 12 минутам, и представляет от 8 до 15 реализаций каждой ФСП (исключая менее частотные дифтонги [au], [iə], насчитывающие от 3 до 5 лексем-реализаций). Суммарно эмпирический материал представлен 45305 реализациями переменных, а именно, 25155 согласных и 20150 гласных ФСП (318 минут звучащей речи). Общая длительность аудиозаписей, отобранных для составления корпуса фонетико-фонологического исследования, составляет 5 ч. 35 мин. (0,9 Гб).

Обработка записей осуществлялась с помощью звукового редактора Sony Vegas Pro 13.0 (64-bit), обобщение статистических данных проведено в программе Microsoft Excel 2010. Для автоматизированного транскрибирования текстов аудиозаписей использован онлайн-сервис ProTransEdit. Для осуществления экспертного анализа аудиозаписей были привлечены аудиторы – преподаватели Института филологии под руководством профессора А. Д. Петренко (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»).

Методология исследования. Указанная цель и задачи исследования обуславливают применение общенаучных, специальных лингвистических и статистических методов и приемов анализа. На этапе изучения теоретико-методологической базы фонетико-фонологических исследований используется метод *анализа научной литературы*. Для сравнения традиционного произносительного стандарта с его современными демократичными вариантами, включая разговорную форму, применяется *метод сопоставительного анализа*. Сбор материала осуществляется с помощью *метода систематической выборки* и состоит в отборе участников ток-шоу в пределах единой социальной группы. Для выявления маркированных ФСП в СР применяется *ситуативно-стратификационный метод исследования*. При составлении аллофонической транскрипции и маркировании ФСП, отличных от полного стиля произношения,

задействованы *методы аудитивного и аудиторского анализа*. На дальнейшем этапе работы с фонетико-фонологическим корпусом данных применяется *электроакустический анализ* – обработка звукового сигнала с помощью специализированных компьютерных программ (Praat 6.0.20) для установления формантных показателей, долготы, редукции гласных переменных, а также дополнительных признаков согласных ФСП (палатализация, оглушение, вокализация и т. д.). Для количественной обработки данных и построения графиков, иллюстрирующих зависимость от гендерных и возрастных характеристик, используется *статистический и корреляционный анализ*. На завершающем этапе применяется *лингвистическая интерпретация* полученных данных.

Теоретико-методологической базой настоящего исследования послужили научные исследования отечественных и зарубежных ученых в области социальной и территориальной дифференциации языка (О. С. Ахманова, В. П. Коровушкин, А. Д. Швейцер), региональной и социальной вариативности АЯ (У. Лабов, П. Роуч, Дж. Уэллс), вариативности ПН в синхронии и диахронии (А. Д. Петренко, Р. К. Потапова, Л. И. Прокопова), основных положений теории произносительных стилей и ситуативно-стратификационной вариативности речи (С. М. Гайдучик, Л. В. Щерба, Г. Майнхольд, У. Лабов), фонетико-фонологического анализа звучащей речи (Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, С. В. Кодзасов, Л. В. Щерба).

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что в исследовании а) впервые осуществлен комплексный анализ гендерных и возрастных особенностей реализации сегментного состава британского АЯ в речи носителей современного стандартного произношения на материале комедийного ток-шоу; б) анализируются ранее не рассматриваемые лингвистической наукой фонетические характеристики реализации сегментного состава ПН в беглой неподготовленной речи в гендерном и возрастном аспектах; в) приводятся

показатели реализованных гласных и согласных ФСП, а также явлений, свойственных неподготовленной звучащей речи; г) впервые показатели вокализма в речи участников ток-шоу сопоставляются с данными о нормативном кодифицированном произношении, полученными фонетистами ранее (форманты гласных ФСП в речи носителей нормы-участников исследования А. Краттендена 2001 г.); д) определяется возрастная и гендерная специфика реализации произносительных инноваций, проникающих в нормативное произношение, что позволяет установить границы и перспективы распространения авангардных произносительных характеристик, а также установить произносительные тенденции для участников различных возрастных групп.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что для разговорного варианта современной ПН на сегментном уровне фонетики АЯ характерна возрастная и гендерная вариативность реализации переменных. В речь британцев, владеющих нормативным произношением, проникают инновации, ранее не относимые к норме RP, что может означать, что носители нормы участвуют в глобальном процессе диалектного выравнивания, затрагивающего юг Англии и даже крупные города, не имеющие прямого территориального сообщения со столицей.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется его вкладом в развитие теории социально обусловленной вариативности национального языка как целостной структуры на фонетико-фонологическом уровне. На новом языковом материале в работе анализируются теоретические аспекты множественности произносительного стандарта языка, что существенно дополняет теорию социофонетической и фоностилистической вариативности путем решения конкретной научной проблемы, а именно – установления взаимозависимости социальных факторов и выбора вариантов реализации

фоностилистических переменных в СР носителей современной ПН (ее разговорного варианта).

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в теоретическом курсе социолингвистики, спецкурсах по социофонетике и фоностилистике, в лекционных курсах теоретической фонетики АЯ, курсе лингвострановедения англоязычных стран, в теории и практике преподавания АЯ, в частности при изучении фоностилистической вариативности речи на занятиях по разговорной практике, для оптимизации методики изучения произношения, для выпускных квалификационных и дипломных работ. Разработанные и апробированные методологические алгоритмы и исследовательские приемы могут применяться при дальнейшем изучении сегментного уровня фонетики других национальных вариантов АЯ, а также звучащей речи на любом языке.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Современный произносительный стандарт RP в Великобритании претерпевает изменения, источниками которых является ряд территориальных и социальных диалектов, влияющих на ПН вследствие усиления социальной мобильности и взаимодействия между различными социальными группами населения.

2. Речь участников «Шоу Грэма Нортон» представляет собой разговорный вариант современной ПН, относится к неполному стилю произношения, для которого характерны непринужденность, беглость и спонтанность речепроизводства.

3. Для сегментного состава разговорной нормы характерны черты, свойственные не только южно-британскому произношению в целом, но и заимствования, уходящие корнями в Эстуарное произношение, распространенное

в Лондоне и прилегающих к нему графствах, ранее – в социолект Кокни и акцент рабочего класса.

4. Вариативность ряда ФСП в речи участников ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» в разговорном стиле произношения обусловлена действием гендерного и возрастного факторов. Речь молодых женщин характеризуется большей степенью эмоциональности и более частым использованием авангардных вариантов реализации некоторых согласных и гласных переменных, что указывает на лидерство данной подгруппы в распространении произносительных инноваций.

5. Вариативность реализаций ФСП в гендерном и возрастном аспектах находится преимущественно в пределах ПН, однако, фиксируются инновации, находящиеся на периферии нормы, либо признаваемые исследователями за пределами RP.

6. В разговорной норме выделяется ряд произносительных инноваций, происхождение которых на данный момент является предметом открытой дискуссии среди лингвистов. Кроме того, процессы преобразования в системе вокализма, связанные с упрощением артикуляции, цепным сдвигом гласных и аллофонии ряда гласных вследствие L-вокализации, ранее не отмечаемые в стандартном произношении, представляют собой перспективу для дальнейшего изучения, поскольку оказывают влияние на систему вокализма британского варианта АЯ в целом.

Научная достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается всесторонним анализом научной литературы по проблемам диссертационной работы; использованием приемов и методов, разработанных лингвистами в области социолингвистики и объединенных в единый методологический инструментарий, апробированный и применяемый для изучения социофонетической вариативности речи; наличием репрезентативного экспериментального языкового материала.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки): 3. Особенности формирования и функционирования конкретного языка или языковой семьи. 4. Общие и индивидуальные тенденции развития языка или языковой семьи. 5. Фонетический строй языка или языковой семьи (классификация фонем, фонема и звук, фоносемантика и фоностилистика, фонетические категории, фонетическая специфика речи, тон, ударение и интонация). Экспериментально-фонетические исследования языка или языковой семьи.

Апробация работы. Основные положения, фрагменты теоретической части исследования, а также некоторые его практические результаты были освещены в докладах на 18 научных конференциях: на II, VII, VIII, IX Международной междисциплинарной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» (Симферополь, 2018 г., 2022 г., 2023 г., 2024 г.), на III – IX Международном научном конгрессе «Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 2018 – 2024 гг.), на I, III – VII Межрегиональной научной конференции «Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике» (Симферополь, 2018 – 2024 гг.), на LXVI Международной научно-практической конференции «Advances in Science and Technology» (Москва, 2025 г.), обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики перевода и социолингвистики Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (2018 – 2024 гг.); на семинарах и научных конференциях научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2015 – 2024 гг.), а также отражены в 22 публикациях, 3 из которых опубликованы в научных журналах,

входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России для апробации результатов диссертационных исследований соискателей ученых степеней.

Цель и задачи диссертации определили общую логику исследования и **структуру работы**, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, библиографии и 12 приложений. Общий объем исследования составляет 274 страницы. Список источников представлен 286 единицами, включающими перечень литературы, электронных баз данных и Интернет-источников, использованных при написании диссертации.

Во введении мотивируется выбор объекта и предмет исследования, обосновываются актуальность выбранной темы и ее научная новизна, формулируются цель и основные задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, материал и методы его анализа, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

В первой главе осуществляется обзор опыта отечественного и зарубежного языкознания в области социолингвистики, социофонетики и фоностилистики, научных трудов в русле теории социальной стратификации, обозначается круг проблем, связанных с теорией стилей произношения.

Вторая глава посвящена анализу произносительного стандарта британского национального варианта АЯ и особенностям его функционирования на телевидении, в частности, в жанре комедийного ток-шоу. Характеризуется языковая ситуация в Великобритании, место и статус кодифицированной ПН, а также анализируется совокупность факторов, детерминирующих реализацию стандарта в аспекте социальной стратификации английского общества.

В третьей главе представлены результаты анализа вариативности сегментного состава разговорной нормы британского варианта АЯ, а именно реализации и дистрибуции гласных и согласных ФСП в речи британцев-

участников «Шоу Грэма Нортон», указываются параметры гендерной и возрастной вариативности, а также соотношение инноваций, проникающих в произносительный стандарт, в речи участников различных групп. Параметры подсистемы вокализма сравниваются с формантными показателями исследования речи образованных британцев, проведенным А. Краттенденом в 2001 г., что позволяет рассматривать развитие ПН в диахронии.

В заключении изложены результаты диссертационного исследования, обобщены выводы теоретического и прикладного характера, а также намечены дальнейшие перспективы исследований.

В приложениях приведен фонетический инвентарь RP, соотношение стандартных вариантов гласных ФСП, редуцированных гласных и субституций аллофонами, средние частотные показатели реализаций гласных переменных (значения формант F1 и F2, Hz), общая таблица реализаций аллофонов гласных в речи носителей современного RP в разговорном стиле произношения, статистические данные дистрибуции L-вокализации, инновации в южно-британском произношении, современные территориальные диалектные области Великобритании, перечисление участников ШГН и эпизодов, содержащих речь, исследуемую в работе, фрагменты спектрограммы речи, выполненные в программе Praat 6.0.20.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. 1. Формирование социолингвистического направления: опыт отечественного и зарубежного языкознания

Осознание взаимосвязи общественных структур и форм языка, присущих данным структурам, постепенно находило свой отклик в различных частях мира: основу социолингвистического направления в США составили социальная психология и культурная антропология, тогда как в Европе начальный этап развития социолингвистики представляет собой «сплав» языкознания, социологии и философии. В отечественной науке социолингвистическая парадигма также имеет собственную самобытную традицию. Лингвисты в разных частях света приходили к схожему выводу: при существующем в первой половине XX века противоречии между одним из постулатов структурной лингвистики, гласившем о том, что «все говорящие в равной степени владеют языком», и социальной реальностью, в которой ни языки, ни говорящие на них не равны, назрела необходимость в таком подходе, который бы объяснял факты языка неразрывно от общества, которое на нем говорит [Вахтин, Головкин, 2004: 13].

Истоки исследования социальной детерминированности языка восходят к идеям В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, а также И. А. Бодуэна де Куртенэ, который еще в начале XX века указывал на языковую деятельность как сущность языка, а также подчеркивал необходимость изучения языка во взаимосвязи с изучением общества: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» [Цит. по: Виноградов, 1963: 15]. Неразрывную взаимосвязь между общественными и языковыми явлениями отмечает и

М, М. Бахтин: «Язык для живущего в нем сознания, это не абстрактная система нормативных форм, а конкретное разноречивое мнение о мире. Все слова пахнут профессией, партией, определенным человеком, генерацией, возрастом, днем и часом. Каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социальной насыщенной жизнью» [Бахтин, 1975: 166].

Интерес к социальным аспектам изучения языка в России связан с именами таких ученых, как С. И. Карцевский, Р. О. Шор, А. М. Селищев, В. Н. Волошинов, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, что отражено в трудах, созданных в 1910-1920-е года. Начиная со второй половины 20-х годов прошлого века проблематика социальной лингвистики разрабатывается также в трудах К. Н. Державина, Б. А. Ларина, М. В. Сергиевского, М. Н. Петерсона, Н. М. Каринского, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова.

В. Ю. Михальченко выдвигает трехэтапную периодизацию становления социальной лингвистики на отечественной почве:

1. в 1920–1930 годы происходило языковое строительство, сопровождаемое поисками способов развития письменных языков народов России в функциональном аспекте и созданием письменности для бесписьменных языков;

2. в 1970 годы происходит осмысление социолингвистики в теоретическом отношении, в это же время создают основные труды В. А. Аврорин, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, А. Д. Швейцер;

3. на данном этапе разработки социолингвистической отрасли языкознания главным показателем выступает недостаточная разработанность понятийного аппарата; формируется лексикографическое направление работы [Михальченко, 1999: 27–34].

Таким образом, на этапе языкового строительства, благодаря исследованиям, посвященным дифференциации языка в обществе, проведенным Б. А. Лариным, В. М. Жирмунским, Е. Д. Поливановым, формируется социальная

диалектология. Суть глубинного устройства национального языка как целостной системы раскрывается по мере осознания необходимости изучения некодифицированных разновидностей языка [Чемоданов, 1975: 17]. Ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ Е. Д. Поливанов «фактически стал одним из основоположников социолингвистики», в своих трудах рассматривая проблему соотношения внутренних и внешних причин языковых изменений [Алпатов, 2003]. Ученый изложил ряд принципиальных для социолингвистики положений, одним из которых является стремление говорящего к экономии произносительных усилий [Поливанов, 1968: 81], что позже нашло отражение в книге французского языковеда А. Мартине «Принцип экономии в языковых изменениях». Е. Д. Поливанову принадлежит гипотеза, согласно которой темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а также предложение выделить наряду с территориальной диалектологией и социальную [Крысин, 2021: 9].

Среди работ С. И. Карцевского, чьим вкладом в языкознание является учение об асимметрическом дуализме лингвистического знака, существует ряд социолингвистических трудов, в частности, «Язык, война и революция». Многие статьи и книги ученого пронизаны замечаниями о социальной природе языка, исследователь указывает на эмоциональную составляющую речи, стирание в «советском» языке социальных различий между говорящими, роль речевых установок говорящего и речевые стили [Карцевский, 1965; 1923].

Р. О. Шор, которую В. М. Алпатов называет «первой женщиной в отечественной лингвистике», для своего времени занимала ведущее место среди ученых, исследующих историю и социологию языка [Алпатов, 2009: 115-116]. В книге «Язык и общество», вышедшей в 1926 году, исследователь отмечает: «...всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой, всякое языковое изменение должно выражать социальные изменения того коллектива, достоянием которого этот язык является»

[Шор, 1926: 100]. Р. О. Шор рассматривает социальные диалекты и «тайные языки» в их взаимодействии с «общим языком», что отражает групповое самосознание. Автор объясняет те или иные явления языка изменениями в обществе, причем роль экономических факторов (в частности, экономического господства) считает более важной, чем роль политики [Гухман, 1972].

В наследии ученика М. М. Бахтина В. Н. Волошинова находим меткое высказывание об обусловленности социальной организацией построения системы языка как системы знаков: «Чтобы наблюдать процесс горения, нужно поместить тело в воздушную среду. Чтобы наблюдать явление языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и самый звук, в социальную атмосферу» [Волошинов, 1993: 51].

В публикациях 20-х и 30-х годов на материале различных языков были намечены и частично исследованы основные проблемы и задачи социальной лингвистики, и то, что представлялось новым для зарубежного языкознания, было сформулировано и освещено в той или иной степени в советском языкознании, несколько опередив свое время [Чемоданов, 1975: 17]. Несмотря на то, что после 1926 года в отечественной парадигме языкознания развитие получило так называемое «новое учение о языке» Н. Я. Марра, заключавшееся в объяснении фактов языка стадильностью общественно-экономического развития, исследовательская деятельность в социолингвистическом проблемном поле не угасала, а лишь замедлила свой стремительный темп.

С середины 1950-х годов отечественное языкознание пошло по пути структурного изучения языка, а именно, морфологии, фонологии, синтаксиса, а позднее – семантики и типологии. Как отмечают Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин, в данный период социальная сторона проблемы находилась за пределами внимания лингвистов [Вахтин, Головкин, 2004: 23].

Согласно периодизации В. Ю. Михальченко, в 1970-е годы произошло теоретическое осмысление социолингвистики, связанное прежде всего со знакомством научной общественности с трудами зарубежных лингвистов, в частности, опубликованными в серии «Новое в лингвистике» под редакцией ее основателя В. А. Звегинцева (1960-1965 г.) и Н. С. Чемоданова (1975 г.). Данный период связан с именами таких ученых, как В. А. Аврорин, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, А. Д. Швейцер, в трудах которых осмыслена проблематика категорий языковой ситуации и языковой политики государства, как системы действий, направленной на воздействие и формирование определенной языковой ситуации, а также понимание социально-коммуникативной системы как совокупности форм существования языка, функционирующих в синхронии на определенной территории.

Обратимся к истокам социолингвистической мысли в Европе и на Западе: в начале XX века один из основоположников социологического направления в науке о языке А. Мейе выдвинул идею о том, что язык можно понять «лишь с учетом его социальной природы» [Цит. по: Чемоданов, 1975: 5]. Введение в науку социального аспекта изучения языка обосновано представителями социологической школы в лингвистике, членом которой были французский ученый А. Мейе и его ученики; на рубеже 20-30 годов XX века ученые Пражской лингвистической школы разрабатывали теорию литературного языка, который выступает особой формой языка, обусловленной социальными потребностями [Там же: 7, 10].

Становление социолингвистики как самостоятельного направления языкознания в западной парадигме научной мысли определяется не только обращением к наработкам социологии, но и к философским штудиям. Канадский исследователь К. Кернер отмечает, что одним из предшественников современной социолингвистики является первый американский теоретик языкознания 19 в.

У. Уитни. Ученый акцентирует внимание на идее, согласно которой речь является не просто выражением индивидуальности, а отражением общественного сознания, где новации в языке обретают статус всеобщего явления лишь после их интеграции и массового использования в социуме. Преемственность данной теории, унаследованной Ф. де Соссюром от У. Уитни, принятой А. Мейе, а после – от А. Мартине к У. Вайнрайху и его последователю У. Лабову подчеркивается К. Кернером [Koerner, 1991: 57–70].

Преемственность идеи поиска взаимосвязи языковых явлений с той социальной почвой, на которой они возникли, сформировала новое понимание объекта социолингвистики в качестве континуума. Ученица У. Лабова П. Эккерт выдвигает концепцию «трех волн» развития социолингвистических учений. По мнению автора, начало «первой волны» ознаменовало исследование У. Лабова «Социальная стратификация АЯ в Нью-Йорке» в 1966 году, которое послужило стимулом к изучению языков города не только в Северной Америке и Великобритании (Wolfram, 1969, Trudgill, 1974), но и в таких странах, как Иран и Панама. Исследования данного периода раскрывают социальную, в частности, гендерную стратификацию языка, вводят в методологический инструментарий новый «количественный эмпирицизм» [Eckert, 2012: 90]. В это же время в США на разнообразном материале осуществляются обширные полевые исследования и публикуется ряд классических работ, среди которых труды Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца и Дж. Фишмана, опубликованные в 1960-е годы. Интерес к социологическим и этнографическим исследованиям языка привел в американской лингвистике к разделению структурного и социального аспектов изучения явлений языка ко второй половине XX века. Впервые общие положения, характеризующие направление социолингвистических исследований, были сформулированы в сборнике статей «Linguistic Diversity in South Asia» (Языковая неоднородность в Южной Азии) под редакцией Дж. Гамперца и Ч. Фергюсона

[Ferguson, Gumperz, 1960]. Под председательством Ч. Фергюсона также был сформирован Комитет по социалингвистике при Совете социальных исследований Северной Америки.

С разработкой методики полевого исследования У. Лабовым на материале варьирования дифтонга /aw/ в речи жителей о. Мартас-Виньярд (1961 г.) парадигма социалингвистического исследования языка приходит на смену структуралистскому языкознанию. Языковое изменение при этом рассматривается как «результат систематического взаимодействия отношений внутри языковой системы и внешних социалингвистических отношений» [Чемоданов, 1975: 30]. На первый план выдвигается важность прямого наблюдения в рамках определенных правил полевого исследования, которое должно стать методической основой науки о языке.

По мнению одного из классиков американской социалингвистики Дж. Гамперца, языковые изменения могут быть изучены в социологическом контексте, то есть, наблюдения производятся за использованием языка в той степени, в которой оно отражает более общие поведенческие нормы в пределах некой языковой общности [Цит. по: Вахтин, Головкин, 2004: 28]. Дж. Фишман, разрабатывая вопросы социологии языка, почти одновременно с Дж. Гамперцем определил понятие выбора языка из языкового репертуара [Там же: 30]. Согласно точке зрения Дж. Фишмана, социалингвистика является описательной наукой, и изучает нормы пользования языком в определенной группе, тогда как социология языка относится к наукам динамическим [Fishman, 1972].

Исследования «второй волны» обратились к этнографическим методам для более пристального изучения местной динамики социальных процессов и их корреляции с использованием лингвистических переменных [Eckert, 2012: 92]. Ученые сосредоточились на изучении социолектов определенных групп населения, фокусируясь на нестандартных формах языка, носители которых

являются вовлеченными в те или иные социальные отношения [Milroy, 1987, Cheshire, 1982]. В социалингвистике США этнографическое направление представлено работами Д. Хаймса, в концепции которого особенно значительными представляются два момента: понимание относительности языка, т. е. его социальной обусловленности, и обоснование необходимости разработки этнографии речи как нового аспекта в лингвистике [Вахтин, Головкин, 2004: 32].

Становление социалингвистики в Великобритании связано с именами таких ученых, как Дж. Ферс, М. Халлидей и П. Традгил. Дж. Ферс предполагал, что социологическое направление в лингвистике представляет собой серьезное поле для дальнейших исследований, которые должны решать сложную задачу не только описания и классификации типичных контекстов ситуации в контексте культуры, но и описания и классификации типов лингвистических функций в контекстах ситуации [Firth, 1935]. М. Халлидей стал одним из научных руководителей диссертационного исследования Б. Качру, в котором был обоснован статус и локальные особенности индийского варианта АЯ. Данное исследование стало основой лингвометодической парадигмы, которая базируется на дифференциации функционирования региональных вариантов АЯ [Мележик, 2018: 34, 44]. На основе диссертации, в которой к изучению вариативности произношения на Британских Островах применяется парадигма социологического исследования, разработанная У. Лабовым, в 1974 году была опубликована первая книга П. Традгила «Социальная дифференциация АЯ в г. Норвич» (“The Social Differentiation of English in Norwich”) [Trudgill, 1974].

Кроме П. Традгила в развитие социалингвистического направления в Великобритании вклад внесли такие ученые, как Дж. Уэллс, П. Керсуилл, Д. Уатт, А. Краттенден, А. Гимсон и т. д., фонетические исследования которых, согласно периодизации, предложенной П. Эккерт, за исключением трудов П. Традгила, возможно отнести ко второй и третьей волнам развития направления. Одним из

фундаментальных трудов, на который по сей день опираются лингвисты, исследующие английское произношение как на территории Великобритании, так и за ее пределами, является “Accents of English” – трехтомный труд Дж. Уэллса, изданный в 1982 году [Wells, 1982].

Центральной проблемой исследований «третьей волны», хронологически отделенной от предыдущего этапа рубежом тысячелетий, выступает категория стиля в языковой практике. На данном этапе стиль рассматривается как осознанный выбор говорящего, осуществляемый в зависимости с убеждениями индивида, а также причастностью к определенной социальной группе. По мнению П. Эккерт, труды последних десятилетий характеризуются подходом к вариативности как к «отражению социальной идентичности в языковой практике, в которую погружаются говорящие в определенном социальном ландшафте с помощью того или иного стиля» [Eckert, 2012: 94-95].

На современном этапе развития в российской социалингвистике, стремительно расширяющей круг разрабатываемых проблем и вопросов, выделяется несколько направлений, связанных с функционированием научных центров в различных городах страны. Центры социалингвистических исследований существуют в крупнейших городах и вузах России, где лингвисты активно разрабатывают проблемы вариативности звучащей речи, в частности, современного АЯ [Потапов, 2017: 9-40]. В Европейском университете в Санкт-Петербурге научно-исследовательская деятельность ведется такими учеными, как Н.Б. Вахтин, К.С. Федорова, Е.В. Головкин, С.А. Штырков и их ученики. Научный поиск петербургских лингвистов включает языкового сдвига, креолистки, и этноязыковые стереотипы и отношение к языку, билингвизм и переключение кодов, языковая ситуация в новых государствах постсоветского пространства, вариационная модель языковых изменений, и т. д. [Гулида, Вахтин, 2010: 109].

С именами М. В. Панова, Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской связана Московская школа функциональной социалингвистики, которая занимается исследованиями функциональной стороны русского языка, а также его прагматическими и коммуникативными свойствами. Вопросами зарубежной социалингвистики занимаются члены Школы социофонетического анализа в МГЛУ, среди которых Т. И. Шевченко, Е. А. Бурая, М. В. Безбородова, Е. И. Галочкина, Попова М.В., чьи труды посвящены изучению когнитивного, социокультурного и межкультурного аспектов звучащей речи как английского, так и современного немецкого языка [Попова, 2020].

В Нижнем Новгороде также сложилось свое направление исследований фонетического уровня языка, а именно, научная школа «Фонетическое варьирование: социалингвистический и прагматический аспекты» под руководством В.М. Бухарова, А.И. Домашнева, А.В. Иванова, Р.Р. Каспранского на базе кафедры немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова.

Социальная диалектология находит отражение в исследованиях представителей Пермской школы социалингвистики, основанной в 70-е годы прошлого века, у истоков которой стояли Ф. Л. Скитова, Л. А. Грузберг и Т. И. Ерофеева [Ерофеева, 2014: 160–171]. Вопросы взаимодействия языков, исследование пермского региолекта, объединяемые в общую область лингвистической контактологии, находят отражение в трудах Т. И. Ерофеевой, Н. В. Боронниковой, М. В. Гаранович, Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеевой, М. А. Кропачевой, Е. С. Литвиновой и т.д. Проблема локальной вариативности языка до сих пор является ключевой для понимания деятельности школы. Идеи ученых Московской социалингвистической школы, а именно, А. Н. Баскакова, В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючковой, М. И. Исаева, и Пермской школы психолингвистики находят отклик в Уфимской школе социалингвистики и

психолингвистики. В Республике Башкортостан исследуется социальная и коммуникативная основа языков в крупных полиэтнических районах, например, Краснокамском и районах Зауралья. Труды ученых посвящены изучению языковой ситуации в регионе (Л. Л. Аюпова, В. Р. Галимьянова, Н. Г. Искужина, Ф. Х. Гарипова), психолингвистическому подходу к изучению двуязычия (Э. А. Салихова).

Таким образом, на протяжении всего прошлого и настоящего веков русло социолингвистического направления исследований языковой вариативности наполнялось и расширялось за счет эмпирических наблюдений, проводимых в различных странах, с помощью совокупности методов, сформировавших единую методологию социолингвистического исследования, которая помогает ученым выявить и описать механизмы корреляции социальных структур и форм языка, которыми пользуются сообщества, владеющие данными формами. В фокусе внимания современной социолингвистики стоят такие непростые задачи, как исследование языковой политики и функционирования языков, вопросы языковых контактов и билингвизма. Российская социолингвистика сегодня развивается во множестве научных центров страны, которые занимаются проблематикой этноязыковых стереотипов, креолистикой и изучением языковой ситуации в государствах постсоветского пространства. Выполняются исследования на стыке социолингвистики и психолингвистики, разрабатываются аспекты вариативности звучащей речи.

1.2. Социофонетика и фоностилистика как комплементарные векторы изучения произношения

Социофонетика как научная дисциплина объединяет и интегрирует в свое проблемное поле принципы, техники и теоретическую базу таких разделов языкознания, как фонетика и социолингвистика. Наряду с социофонетической

стратификацией речи языковедами разрабатываются аспекты стилистической дифференциации произношения, распределение речевого материала по соответствующим стилям в зависимости от социальной ситуации [Петренко, 2018: 16].

Направление социолингвистических исследований, изучающее взаимосвязь произносительных характеристик говорящих от социальных, со временем выделилось из социолингвистического русла как самостоятельная дисциплина – социофонетика. В то же время, в фонетико-фонологической парадигме исследования в отдельную отрасль выделяется фоностилистика – область изучения стилей произношения, в фокусе внимания которой выбор говорящими того или иного набора произносительных черт под воздействием ситуативного фактора. Однако и социофонетика, и фоностилистика имеют обширную методологическую базу, основанную на исследованиях эмпирической фонетики и фонологии.

Впервые термин «социофонетика» был использован Д. Деше-Лафонтен в 1974 году в диссертации, посвященной вариативности французского языка в Канаде, выполненной под руководством А. Гимсона в русле обоснованной У. Лабовым методики исследования вариативности. Автор обращается к термину «социофонетика» для привлечения внимания именно к фонетической стороне исследования, а не к лексическим или синтаксическим особенностям речи [Deshaiies-Lafontaine, 1974]. Социально обусловленная вариативность на произносительном уровне оказалась в фокусе внимания У. Лабова, который на материале варьирования дифтонга /aw/ в речи жителей о. Мартас-Виньярд (1961), а также исследования вариативности произношения жителей Нью-Йорка (1963) разработал методологию и понятийный аппарат исследования фонетических аспектов вариативности социолингвистического порядка [Лабов, 1975].

Британские лингвисты П. Фоукс, Дж. Скобби, Д. Уатт указывают на распространение термина «социофонетика» для обозначения отдельного направления лингвистических исследований с определенного события – проведения Международного конгресса фонетических наук в 1979 году [Foulkes, Scobbie, Watt, 2010: 703]. Девять статей, опубликованных под заголовком «социофонетика» в журнале-сборнике материалов конгресса, были объединены общим подходом к рассмотрению центральных вопросов социолингвистики в ракурсе фонетической вариативности, среда которых труд У. Лабова о нормализации гласных [Labov, 1972], исследование С. Ромейн о вариативности и изменении шотландского [r] [Romaine, 1978] и т.д. Впервые в исключительно социофонетическом русле было выполнено исследование немецкого языка в Вене под названием «Sociophonological methods in the study of sociolinguistic variation in Viennese German», где сами авторы определили исследование как «социофонологическое» [Dressler, Wodak, 1982]. Спустя три десятилетия, в 2003 году, в журнале Международного конгресса фонетических наук было опубликовано около 90 трудов, в центре внимания которых оказалась проблематика вариативности, стилистики произношения, языковых изменений, проведения полевых исследований, подразумевающих осведомленность социальных групп. В фокусе исследований оказались такие темы, как произношение заимствований, анализ разговорной речи, методы разработки обширных корпусов данных, психолингвистические эксперименты по обработке информации и т.д. [Kerswill, 2010: 5].

Как справедливо замечает П. Фоукс и его коллеги, в течение нескольких десятков лет стремительной динамики развития базисный методологический аппарат дисциплины адаптировал как элементы инструментария фонетики и социальной лингвистики, так и методы смежных областей (психолингвистика, клиническая лингвистика), вобрал приемы теоретической фонологии,

вычислительной и компьютерной лингвистики, исследовательские приемы направлений, изучающих овладение родным и вторым языком [Foulkes, Scobbie, Watt, 2010: 704]. По мнению авторов, синтез методов и подходов как лингвистических, так и нелингвистических дисциплин не препятствует самостоятельности социофонетики как науки и не лишает исследования четкого практического фокуса концентрации [там же: 704-705].

Интерес исследователей к вопросам определения источников звуковых изменений послужил импульсом к формированию отдельного направления социолингвистических исследований и на отечественной почве – социофонетики, истоки которой восходят к экспериментальной фонетике И. А. Бодуэна де Куртенэ и деятельности Московской и Ленинградской фонологических школ. Оба направления различались трактовкой наследия И. А. Бодуэна де Куртенэ, и в течение 1950-х годов развернувшаяся дискуссия о фонологии способствовала активному развитию и становлению концепций, формированию теоретических постулатов каждой из школ, которые обменивались опытом, что порой приводило и к синтезу научных подходов [Реформатский, 1970]. Московская фонологическая школа связана с именами Р. И. Аванесова, М. В. Панова, А. А. Реформатского.

На основе учения о фонеме Л. В. Щербой основана Ленинградская фонологическая школа (ЛФШ), где впоследствии трудились и заведовали фонетической лабораторией М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндер. Представители направления ЛФШ, среди которых Л. В. Бондарко, М. В. Гордина, Л. А. Вербицкая, В. Б. Касевич, решали задачи теоретического и эмпирического характера, а именно, исследование фонетики и фонологии СР, изучение фонетики различных языков с целью выявления общих закономерностей использования материальных средств, а также занимались прикладными аспектами исследования речи [Бондарко, 2004].

Направление фонетико-фонологического исследования языка связано с именем Л. В. Златоустовой, которая основала научную школу экспериментальной фонетики в Московском университете. Л. В. Златоустова, чьи труды опубликованы в 50-80-х годах прошлого века, в частности, монография «Фонетические единицы русской речи» [Златоустова, 1981], разрабатывала метод сегментации речи различных структурных единиц в области типологии фонетических слов в языках разных систем, проводила экспериментально-фонетические исследования в области ритмики русского стиха и пения. Ряд публикаций связан с акустическим и перцептивным анализом и автоматическим распознаванием речи. Соавтором ученой является Р. К. Потапова, труды которой составляют вклад в разработку проблематики произношения немецкого языка, а также экспериментальной фонетики, корпусной лингвистики, методологии инструментального исследования фонетико-фонологического уровня языка [Потапова, 2017]. Проблематика нормы и вариативности произношения в социолингвистической перспективе разрабатывалась Л. А. Вербицкой, в кругу исследовательских интересов которой находились аспекты прикладного изучения СР («Фонетика спонтанной речи», соавторы: Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, И. И. Гейльман, Н. Д. Светозарова, А. С. Штерн, Л. Г. Александров и др., 1988 г.), фонетика русского языка, орфоэпия, обучение русскому произношению. Социальная дифференциация языка также занимает центральное положение в трудах таких ученых, как Т. И. Ерофеева, Н. Б. Мечковская, Л. Б. Никольский, А. Д. Петренко, В. А. Хомяков, Д. А. Шахбагова А. Д. Швейцер, и др.

Среди лингвистов, повлиявших на становление социофонетического направления исследований, назовем М. В. Панова, в учебнике которого один из разделов посвящен социофонетике наряду с разделом об орфоэпии [Панов, 1979: 207]. Троичная классификация фонетических стилей и взгляды на ПН в трудах ученого вызывают интерес у современных фонетистов.

Во второй половине XX века определенное Л. В. Щербой направление получило развитие в Киеве, где на базе Киевского университета им. Т. Г. Шевченко его ученицей И. П. Сунцовой была основана лаборатория экспериментальной фонетики, где под руководством И. П. Сунцовой исследованиями украинской речи занималась Л. И. Прокопова. Монография исследовательницы «Приголосні фонемі сучасної української літературної мови», изданная в 1958 году, стала одной из первых научных работ лаборатории. Под руководством Л. И. Прокоповой, заведующей кафедрой немецкой филологии в Киевском университете им. Т. Г. Шевченко, выполнено диссертационное исследование А. Д. Петренко на тему «Тенденции развития немецкого произношения в студенческой среде ГДР». Защита данного труда в 1986 г. положила начало нового направления исследований в русле социолингвистики, а именно, изучения социально обусловленной фонетико-фонологической вариативности национального языка как целостной структуры. Позиции направления разработаны и доказаны на обширном эмпирическом материале в докторской диссертации А. Д. Петренко «Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии», дата защиты которой считается точкой отсчета существования Крымской научной школы [Петренко, 2017: 41].

Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко ведет научно исследовательскую деятельность в различных направлениях, основанных на понимании характера взаимодействия социальных и языковых явлений. Учеными разрабатывается проблематика билингвизма и языковых контактов [Бридко, 2011, Евстафьева, 2017, Поповская, 2019, Устинович, 2008, Храбскова, 2007]. Языковая ситуации в условиях городской коммуникации отображена в трудах Л. С. Бор, А. В. Пономарёвой, Ю. Б. Федотовой [Бор, 2013, Пономарева, 2013, Федотова, 2014]. Одним из направлений является исследование контактного предметно-ориентированного

АЯ [Мележик, 2018]. Методика проведения компьютерно-опосредованного исследования сегментного и суперсегментного состава фонетической системы шотландского варианта АЯ и просодического уровня фонетики немецкого языка детально изложена в исследованиях Н. М. Евстафьевой и Э. В. Лихачёва [Евстафьева, 2017; Лихачев, 2017].

В рамках исследовательской парадигмы Крымской научной школы социофонетики и фоностилистики выполняются исследования, в полной мере освещающие проблемы социофонетической вариативности. Явления, свойственные фонетико-фонологическому уровню языковой системы, изучаются с целью наблюдения языкового изменения и прогнозирования эволюции ПН национального языка. Ряд вопросов, связанных с аспектами билингвизма и языковых контактов, становления и функционирования того или иного социолекта, вариативности ПН и её кодификации, рассматривается в русле многоаспектного подхода к изучению социально структурированной вариативности национального языка.

Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической традиции, предметом социофонетических исследований выступает социально обусловленная вариативность системы языка на фонетическом уровне, установление, объяснение источников, места возникновения, параметров, коммуникативных функций социально структурированной вариативности. В фокусе внимания социофонетики находится такой аспект систематической фонетической вариативности, где бы экстралингвистический фактор выступал в той или иной степени продуктом и отражением структуры общества [Foulkes, Docherty, 2006: 412].

Данная проблематика обуславливает задачи социофонетики, среди которых объяснение природы, путей выявления и способов измерения языковой вариативности [Лабов, 1975]; поиск источников системных изменений в языке [Петренко, 1998], поиск эффективных методов изучения социально

структурированной вариативности звуковой системы языка и того, каким образом информация об этой вариативности когнитивно сберегается, субъективно воспринимается, оценивается и перерабатывается в процессе производства и перцепции звучащей речи [Kerswill, 2010].

Говоря о частнонаучной методологической базе социофонетики целесообразно подчеркнуть взаимосвязь ситуативного и стратификационного параметров при исследовании социальной дифференциации языка: при учете данной взаимосвязи возможно изучать речь не только в различных ситуациях общения, но и особенности поведения информантов из различных социальных групп в сходных ситуациях общения [Петренко, 2018: 15].

Таким образом, для наиболее исчерпывающего описания произносительной вариативности того или иного национального языка необходимо учитывать как социальную, так и стилистическую вариативность, что обусловлено дифференциацией системы языка. Наиболее точно языковую дифференциацию в синхронии можно представить как своеобразную «трехмерную» структуру, состоящую из следующих уровней: диатопическая (диалектная, горизонтальная), определяемая региональными факторами диалекты, региональный разговорный язык и т.д.; диастратная (социолектная, вертикальная) определяемая социальным положением говорящего, специфическая для отдельных групп и представленная разными такими формами, как социолекты; диафазная (стилистическая, функциональная) определяемая ситуативными факторами, например, различные стилистические уровни. [Петренко, 1998]. Масштабные исследования произношения с помощью разработанной социолингвистами методологии сбора языкового материала и его комплексного инструментального анализа, разработанного фонетистами, изучающими, в частности, СР и особенности ее сегментации, очертили пути развития фонетико-фонологического исследования речи не только в срезе территориальной и социальной стратификации языка

(социофонетическая парадигма), но также и диафазной, или стилистической дифференциации (фоностилистическая парадигма).

Как известно, под «стилистикой» в лингвистической литературе часто подразумевают функциональную стилистику, уходящую корнями к риторике, зародившейся в V веке до н. э. Становление функциональной стилистики как раздела языкознания приходится на 50-е года прошлого века. Аспекты изучения употребления и функционирования языка освещены ранее в работах таких отечественных исследователей, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, М. М. Бахтин, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, М. Н. Кожина, И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин.

Функциональную стилистику принято определять как науку о средствах речевой выразительности и закономерностях функционирования языка, приводящих к использованию тех или иных языковых единиц в коммуникативной ситуации [Кожина, 2011: 34]. В фокусе внимания фонетической стилистики находятся фонетические процессы и явления в аспекте их стилистической обусловленности с учетом сочетания факторов, оказывающих влияние на вариативность звуковых единиц в речи, а также выбор говорящими того или иного произносительного стиля [Петренко, 2015: 56]. Таким образом, выводы современной фоностилистики основаны на тесной взаимосвязи языковых структур, представленных фонетическим строем, и внеязыковых надстроек, которыми является ситуация общения и ее компоненты.

Еще в середине прошлого века И. Р. Гальперин подчеркивал связь стилистики речи и орфоэпии, а именно, утилитарность понимания стиля речи как системы обучения корректности речи. В работах, посвященных стилистике речи, появляются определения, сводящие категорию стиля к правилам пользования формами языка с целью достижения ясности речи. «Под стилем обычно

понимается способность говорить или читать грамматически правильно, ясно, и так, чтобы вызвать интерес читателя или слушателя» [Гальперин, 1958: 12].

Однако, традиционная трактовка орфоэпии как науки о нормативности меняется в 1960-е года XX века, после того, как У. Лабов в своем исследовании произношения жителей Нью-Йорка доказал тесную взаимосвязь социальных и языковых структур. Социофонетика интересуется тем, «как говорят», а орфоэпия дает ответ на вопрос «как нужно говорить». Подводящей к пониманию сути социофонетических исследований является точка зрения А. Д. Петренко и Д. А. Петренко, основанная на изучении немецкой ПН: «Следовательно, социальная фонетика призвана, с одной стороны, опережать кодификацию, устанавливая степень распространенности того или иного произносительного явления, а с другой стороны, экспериментально проверить, насколько реальное произношение людей соответствует нормативным произносительным правилам» [Петренко, 2015: 27].

Социально обусловленная вариативность на произносительном уровне пребывает в фокусе внимания зарубежных и отечественных исследователей. Рассматривается роль таких факторов, как возраст, пол, социальный статус, этническая принадлежность информанта, немало внимания уделяется стилистической парадигме вариативности. Исследованием распределения фонетических средств в контексте коммуникативной ситуации занимается отдельное направление языкознания – фоностилистика. Данное направление опирается на тесное взаимодействие языковых (фонетический строй) и внеязыковых (ситуация общения) структур, которые, коррелируя между собой, формируют различные произносительные стили, представляющие ситуативно обусловленный аспект вариативности языка, который, в совокупности с территориальным и социальным уровнями, отображает дифференциацию того или иного национального языка.

1.3. Многовекторность и стандарт с точки зрения социолингвистического подхода

1.3.1. Дифференциация форм существования языка в русле теории социальной стратификации

Язык выступает целостной системой с высокой степенью взаимозависимости и взаимообусловленности его уровней и подсистем, что не следует, впрочем, отождествлять с однородностью, или гомогенностью. Соглашаясь с мнением Л. П. Крысина, подчеркнём, что единство языка не сводится к однородности, а проявляется в многообразии его форм. Язык как единое целое включает в себя не только литературные стандарты, но и такие формы, как диалекты, жаргоны, койне, каждая из которых обусловлена региональными, социальными, культурными, историческими и ситуативными факторами [Крысин, 2003]. Гетерогенность становится ключевой характеристикой языка, отражающей его структурное и функциональное многообразие в различных коллективах [Антропова, 2005].

В. А. Аврорин определяет форму языка через следующие критерии: относительную самостоятельность внутри общего языкового пространства, иерархическую структуру, основанную на общем «языковом материале», различие сфер применения и отсутствие полного тождества в универсальности и степени совершенства [Аврорин, 1975].

Концепция пространственной (горизонтальной) и социальной (вертикальной) дифференциации языка была заложена И. А. Бодуэном де Куртене. В современной лингвистике выделяют следующие типы языковых вариантов: национальные (например, формы английского языка в разных странах), этнические (этнолекты), территориальные (диалекты), а также социальные (социолекты) [Михайличенко, 2006: 35].

В соответствии с теорией Н. Б. Мечковской, разнообразие языка проявляется через особые его разновидности, которые служат для коммуникации в рамках этнических, социальных и профессиональных групп, включая географические диалекты; наддиалектные явления (например, койне); социальные языковые варианты, такие как профессиональная лексика, уличное сленговое общение (арго), секретные языки корпораций и каст. Кроме того, в этот контекст включаются простонародный язык, сленг молодежи, повседневная разговорная речь и литературное произношение [Мечковская, 2000].

Диверсификация языковых сообществ по географическим и социальным признакам формирует уникальные особенности каждого варианта языка. В системе литературного русского языка, особенно на уровне произношения, наблюдается наибольшая вариативность, определяемая нормами [Вербицкая, 1983]. Таким образом, национальный язык представляет собой сложную иерархическую структуру, где все его формы существования занимают своё место в этой структуре (Рис. 1).

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально-деловые стили	Научно-технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
			Устная публичная речь		
	РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ				
	Нелитературные формы существования языка	Некодифицированная устная речь	Просторечие	Молодежное арго, сленг	
			Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные арго.	

Рисунок 1 – Функциональная структура общенародного (национального) языка [Мечковская, 2000]

Перечисленные формы различаются между собой составом языковых средств, социальным статусом (кругом функций, сферами употребления),

степенью и характером нормирования, образуя в совокупности общенародный язык. Высшей формой существования языка является ЛЯ как образцовая, нормализованная форма [Мечковская, 2000: 32].

П. Традгил указывает на взаимосвязь социальной дифференциации и релевантных аспектов системы языка: различия в грамматике составляют диалект социального класса (social-class dialect), которые, вероятно, будут сопровождаться фонетическими и фонологическими различиями, образующими акцент социального класса (social-class accent) [Trudgill, 1983].

Ученый справедливо замечает, что долгое время подходу лингвистов было свойственно изучение идиолекта как отображения речи всего сообщества, либо изучение речи сельских жителей пожилого возраста как носителей более правильной формы языка по сравнению с современной. Поиск «правильного», «чистого» гомогенного варианта языка оказался мифической концепцией, поскольку все формы языка подвержены стилистической и социальной дифференциации, равно как и все человеческие сообщества функционально дифференцированы и гетерогенны. Так, все варианты языка подвержены изменению, и элемент дифференциации можно найти даже в самом изолированном сельском диалекте [Trudgill, 1983].

Рассматривая формы существования языка, А. Д. Петренко говорит о вертикальном членении системы языка, на первом уровне которой располагаются диалекты, на высшей ступени – литературный язык (далее – ЛЯ), в пространстве между ними – разговорно-обиходный язык [Петренко, 1998: 80]. В совокупности данные формы составляют национальный язык – не отдельную форму существования языка, но «определенный исторический этап в развитии всех форм его существования» [Петренко А. Д., Петренко Д. А., 2014].

Кодифицированная норма языка (ЛЯ), как отмечает Л. А. Вербицкая, выступает в качестве престижной, полифункциональной в социальном аспекте

формой, будучи противопоставленной иным формам языка, среди которых территориальные диалекты, говоры и т.д. [Вербицкая, 2001: 12-18].

ЛЯ обычно формируется на основе того или иного диалекта или их совокупности, расширяя сферу функционирования и постепенно охватывает и повседневное общение в непринужденной атмосфере. Так, литературная форма языка выступает как престижным, так и удобным вариантом общенародного языка, предоставляя говорящим самые надежные и широко принятые, то есть, самые устойчивые, и, вместе с тем, самые разнообразные экспрессивные возможности [Мечковская, 2000: 35].

Национальный язык существует во множестве проявлений, составляющих его формы, что определяется гетерогенностью как неотъемлемым свойством языка. Концепция о пространственной (горизонтальной) и социальной (вертикальной) дифференциации языка находит отражение в работах ученых с середины прошлого века. Особой формой языка является ЛЯ, которому также свойственна диверсификация, или появление допустимых нормой вариантов, имеющих отличия на различных языковых уровнях. Стилистическая и социальная дифференциация характерна для всех форм языка, поскольку все сообщества функционально дифференцированы в той или иной степени. ЛЯ является социально престижной, полифункциональной формой языка, имеющей разговорную разновидность, которая функционирует в повседневной речи образованных людей, а также кодифицированную норму, зафиксированную в словарях и специальных пособиях.

1.3.2. Произносительный стандарт и толерантность в социофонетической парадигме

Известно, что амбивалентность определения нормы возникает тогда, когда в системе языка появляется два или более способов реализации одной единицы или

сочетания единиц, при этом принципиальным является разграничение таких терминов, как вариативность, вариантность и варьирование. Так, вариативность – «обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им» [Вербицкая, 2001: 14]. К примеру, фонетическая вариативность может быть обусловлена позицией фонемы в слове, местом по отношению к ударению, влиянием окружающих звуков, а также индивидуальными особенностями произнесения [Там же: 15]. Вариативность не ведет к появлению новой сущности, но предполагает и изменчивость, и постоянство, выступая как единство изменчивого и постоянного [Солнцев, 1984: 32]. В то же время, вариантность представляет собой разные способы реализации одной единицы или сочетания единиц [Вербицкая, 2001: 15].

Д. А. Шахбагова отмечает: варьирование следует рассматривать как процесс, сопровождающий развитие языка, в то же время, выступающим условием данного процесса является вариативность свойством, и, в свою очередь, вариантность проявляется в существовании вариантов языка как в результате процесса [Шахбагова, 1986: 6]. Согласно точке зрения В. М. Бухарова, особенность структуры языка заключается одновременно как в наличии форм языка, общих для всех говорящих, так и в существовании вариаций, принятых отдельными группами языкового сообщества [Бухаров, 1995].

Вариативность как характеристика способа существования и функционирования языка в синхронии подразумевает противопоставление варианта и инварианта. Как отмечает В. М. Солнцев, понятия «вариант» и «инвариант» вошли в фонологию благодаря работам представителей Пражского кружка, британского фонетиста Д. Джоунза и его учеников [Солнцев, 1984: 31]. Вариантами являются конкретные объекты, составляющие группу или класс при том, что к ним может быть выведен инвариант – абстракция, понятие, в котором отображены общие свойства класса объектов, присущие данному классу в

определенный отрезок времени (фонема-фон, морфема-морф). При этом каждый вариант имеет в себе инвариантные черты. Так, вариантно-инвариантное строение языка моделирует вариантно-инвариантное строение мира [Солнцев, 1984: 32-33].

Нормативному аспекту вариативности языка уделяется внимание в трудах В. М. Бухарова, В. Г. Гака, Л. А. Вербицкой, А. И. Домашнева, Л. П. Крысина, Н. Б. Мечковской, А. Д. Петренко, В. М. Солнцева, Д. А. Шахбаговой. Исследователи сходятся во мнении о том, что норма всегда диктует выбор одного из вариантов, однако, и сама она определяется явлениями, которые формируют данные варианты. Согласимся с мнением Н. Б. Мечковской о том, что явление нормы создается таким основным фактором, как наличие у говорящих так называемого языкового идеала, что объясняет единую природу языковых норм в литературном языке и в диалектах. Функциональная дифференциация языковых средств приводит к формированию у носителей языка представлений о «правильном» и «ненормативном», «частные» нормы отдельных стилей формируют представления о «должном» и «недолжном» в различных сферах общения (официально-деловой, научной, профессиональной и т.д.) [Мечковская, 2000: 32–36].

Выделяют также психологический аспект существования норм языка, а именно, их обязательность для определения границ того или иного коллектива. Грубое нарушение норм означает для говорящих обособление от своего коллектива и приводит к психологическим трудностям.

Двойное понимание нормы восходит к работам уругвайского лингвиста Э. Косериу: норма предстает в дескриптивном аспекте (то, как говорят в данном обществе) и прескриптивном (как надо говорить) [Косериу, 1963: 175]. В. Г. Гак говорит о существовании нормы как более абстрактного уровня и узуса как более конкретного, индивидуального уровня [Гак, 1984]. Л. П. Крысин разграничивает узкое и широкое понимание языковой нормы. В узком смысле норма связана с

понятием литературного языка и его кодификацией, и в данном смысле понятие нормы не применимо к диалектам, так как они не подвергаются кодификации. В широком понимании норма представляет собой языковой обычай, то, как принято говорить, и существует для каждой формы языка. Данный подход отождествляет норму с языковым узусом, или речевой практикой [Крысин, 2021: 175].

Н. Б. Мечковская выделяет ряд основных различий между двумя аспектами языковых норм, одной из которых выступает литературный язык:

- литературный язык имеет генетическую связь с локальной диалектной базой, но формируется в качестве наддиалектной формы;

- нормы литературного языка наиболее престижны в обществе вследствие наибольшей социальной значимости;

- норма литературного языка превосходит конкурирующие нормы и является более дифференцированной по сравнению с нормами территориальных диалектов и социолектов. Для литературного языка характерна тенденция к преодолению нефункционального варьирования;

- представления о правильной речи говорящих наиболее осознаны коллективом, который следит за распространением литературной нормы. Нормы ЛЯ сводятся в словари, грамматики и т.д. [Мечковская, 2000: 32].

То есть, в синхронии в границах ЛЯ различаются две его разновидности: 1) более строгая, отображенная в нормативных грамматиках и словарях – кодифицированный ЛЯ; 2) некодифицированный ЛЯ, или разговорная речь, в повседневном обиходно-бытовом общении [там же: 32–33].

Л. П. Крысин отмечает, что по отношению к литературному языку различают три сущности: 1) систему (набор) возможностей, предоставляемых языком для выражения смыслов, 2) норму, или совокупность правил отбора способов и средств выражения, принятых в данном обществе в данное время, и

признаваемых наиболее пригодными для определенного ситуативного контекста, 3) речевую практику, или узус [Крысин, 2021: 176].

В традиции отечественной социолингвистики языковую норму определяют как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Бондарко, 2004: 14]. По определению О. С. Ахмановой, «Норма – это принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова, 2004: 46].

Разграничивая объективную и кодифицированную норму, Л. А. Вербицкая подчеркивает, что образование объективной нормы не зависит от воли людей, тогда как кодификация связана с сознательным воздействием на язык, с языковой политикой. По мнению автора, вариантность в языке имеет лингвистическую и психолингвистическую стороны, тогда как выбор одного из вариантов является проявлением социологической стороны: «...самое сложное – понять, почему закрепляется один, а не другой вариант, почему социально более сильным, более престижным оказывается один способ выражения, а не другой» [Вербицкая, 2001: 18-19]. Согласно Н. Б. Мечковской, в становлении нормы языка на первый план выходит социальный аспект языкового узуса, то есть, авторитетность носителей языка, употребляющих тот или иной вариант, определяет его будущее. Победа может быть за первоначально малоупотребительным вариантом в том случае, если он отвечает внутренним тенденциям развития языка [Мечковская, 2000: 30].

Принимая во внимание рассмотренные точки зрения, представляется возможным прийти к следующим выводам. Вариативность, характеризующая существование форм языка в синхронии, проявляется как единство изменчивого и постоянного, или наличие варианта и инварианта. Исследователи приходят к

мнению о схожести природы языковых норм как для литературного языка, так и для некодифицированных форм, поскольку само явление языковой нормы обусловлено наличием у говорящих «языкового идеала». Подразумевая под нормой традицию, или то, что уже сказано, мы говорим о языковой норме в широком смысле, поскольку каждая форма языка обладает своим сводом устоявшихся правил, о которых осведомлены ее носители. Узкое понимание нормы означает кодифицированную литературную форму языка, связанную с сознательным воздействием на язык, что тесно связано с особенностями языковой политики государства. В становлении нормы языка на первый план выходит социальный аспект языкового узуса, поскольку после этапа существования свободных вариантов одной и той же формы, один из них уходит на второй план как менее социально престижный, а на передний план выходит вариант, отвечающий тенденциям развития языка в данный период времени.

1.4. Опыт изучения фонетических изменений в социолингвистических штудиях

Центральной для исследований в социофонетическом русле представляется проблема фонетических изменений в их развитии. Как отмечает А. Д. Петренко, необходимость поиска источников языковых изменений и возможность объяснения данных процессов с помощью как постоянных элементов, так и или переменных признаков социальной системы привели исследователей к изучению более тесных и тонких взаимоотношений языка и общества [Петренко, 1998].

Взгляды на причины языкового изменения находят отображение с 30-х годов прошлого века в трудах таких ученых, как А. Мейе, Л. Блумфилд, А. Мартине. Сформулированный А. Мартине в 1960 году принцип экономии в языке, относится не только к произношению, но включает как ликвидацию бесполезных различий, так и появление новых различий, и сохранение

существующего положения. Таким образом, экономия в языке представляется как синтез действующих сил [Мартине, 1960: 130]. Дальнейшие исследования показали, что повсеместно фиксируются изменения в артикуляции, приводящие к ее усложнению, что тем самым противоречит принципу экономии, тем не менее, не отвергая его полностью.

В 1988 году в статье «О причинах фонетических изменений» М. В. Панов выступает новатором в отечественном языкознании, описывая принципы звуковых изменений. Среди них ученых называет принципы экономии произносительных усилий, симметрии, экономии фонем и их различительных признаков [Панов, 2004: 440-445]. В данной теории экономия связана с новой для говорящего артикуляцией, расходующей больше сил. В таком контексте при изучении иной формы языка (либо овладении новым языком) экономия представляется как сохранение произношения, к которому носитель языка привык и для которой не требуется перестраиваться. Константность звучания для говорящих предпочтительнее звучанию непривычному, потому «не жалко усложнить артикуляцию» [Панов, 2004: 441].

Т. В. Медведева обращает внимание на идею М. В. Панова об исторически неизбежном снижении уровня информации, заложенной в отдельных сегментах состава звучащей речи, связанном с упрощением. Такое упрощение в итоге приводит к утрате того или иного дифференциального признака, что влечет нейтрализацию фонем и, в свою очередь, возникновение омофонов [Медведева, 2015: 151]. Появление сложностей при различии таких омофонов запускает механизмы, компенсирующие данное упрощение. Так, сокращение гласных на фонетическом уровне приводит, к примеру, к росту различительных признаков в консонантизме.

Американский лингвист Уильям Лабов выделил любопытный парадокс в изучении речевых особенностей городского населения Северной Америки: вместо

ожидаемой унификации произношения под влиянием масс-медиа, происходит обратная динамика – усиление языкового разнообразия. Вместо сближения (конвергенции) диалектов наблюдается их углубляющаяся дифференциация [Labov, 2006]. Анализируя нью-йоркский диалектный спектр, Лабов выделил двухуровневую модель фонетических изменений: «сверху-вниз» и «снизу-вверх» [Лабов, 1975: 223–225].

Так, изменение «сверху вниз» распространяет языковую инновацию на всех членов той или иной социальной подгруппы; при этом, последующие поколения демонстрируют более высокую частотность показателей ее реализации, нежели их предшественники. Переменная распространяется на принимающие ее подгруппы, постепенно находя положительный отклик у всех членов языкового коллектива. Теперь она становится маркером и варьируется в стилистической парадигме. Запускается сдвиг, или перегруппировка, элементов в иных областях фонологического спектра. Это влечет последующие звуковые изменения, которые новыми для языкового коллектива подгруппами воспринимаются как часть нормы, и тогда более поздние изменения становятся новой начальной ступенью. Однако, если группа-источник инновации не занимает высокого положения, зачастую члены привилегированной группы посредством СМИ осуждают измененную форму.

У. Лабов приходит к выводу о цикличности языковых изменений: «Этот сдвиг циклов представляется мне первичным источником непрерывного возникновения новых изменений. В последующем развитии второе звуковое изменение может быть проведено новой группой на более высоком уровне, чем первое изменение» [Лабов, 1975: 224].

Вторую стадию, или преобразование «сверху», представляет собой корректировка, приближение к престижным формам-ориентирам, которыми владеет сообщество на вершине социальной иерархии. Здесь переменная может

быть стратифицирована на регулярной основе как в стилистическом, так и социальном аспектах. Корректность речи может продвигаться даже дальше уровня, рекомендуемого установленной нормой, что представляет собой феномен гиперкоррекции «сверху» в официальных сферах коммуникации. Негативное восприятие произносительной инновации на этом этапе может заставить ее либо вовсе исчезнуть, либо продолжить существовать в форме отрицательного стереотипа, связанного с определенными носителями [Лабов, 1975: 225].

У. Лабову принадлежит разработка принципов возникновения и классификации фонетических изменений. В концепции ученого выделяются сдвиги, ослабление, стирание (исчезновение), слияние и расщепление. Языковое изменение также имеет причину, которой может быть 1) принцип наименьшего усилия, или экономии; 2) ускорение темпа речи; 3) частотность явления; 4) языковые либо диалектные контакты; 5) оптимизация в аспекте коммуникативной либо системы правил языка; 6) имитация; 7) дифференциация либо выравнивание социальных групп [Labov, 1994].

Представляется актуальным привести «общие принципы цепного сдвига» гласных для выполнения текущего исследования. Закономерности изменения гласных подробно рассматриваются во вступительной статье к диалектологическому атласу АЯ в Северной Америке («The Atlas of North American English», 2006 г.). Ученый говорит о том, что в системных сдвигах 1) долгие гласные сужаются (повышаются), 2) краткие гласные и ядра восходящих дифтонгов расширяются (понижаются), 3) гласные заднего ряда продвигаются вперед [Labov, 2006: 16]. Указанные принципы могут сочетаться и формируют модели цепных сдвигов, применяемые к Южному сдвигу гласных, сдвигу гласных в северных штатах, характеризуют современный вокализм на юго-востоке Англии, и даже в Австралии и Новой Зеландии [Безбородова, 2016: 31]. Примером может

послужить одно из наиболее отмечаемых продвижений гласного вперед в г. Норидже (Норфолк), а именно, фронтинг краткого монофтонга [ʊ].

Наддиалектная форма АЯ «Popular London dialect» (акцент рабочего класса пригорода и Кокни в Лондоне), охарактеризованная в трудах Дж. Уэллса теорией передвижения дифтонгов в 1982 году, приведена на схеме [цит. По: Altendorf, Watt, 2004: 189].

London Diphthong Shift (adapted from Wells 1982: 308, 310)

RP:	i:	eɪ	aɪ	ɔɪ	ɑʊ	əʊ	u:
	↘	↘	↘	↘	↙	↙	↙
PL:	ɨi	ʌɪ	ɑɪ	ɔɪ	æʊ	ʌʊ	ʊɪ
	↘	↘	↘	↘	↙	↙	↙
Cockney:	əɪ	aɪ	ɔɪ	oɪ	æ:	a - ʊ	əɪ - u:

Рисунок 2 – Сдвиг дифтонгов в диалекте Лондона (Дж. Уэллс, 1982)

Таким образом, причины звуковых изменений, их траектория и характер освещаются по-новому в русле современных работ в области социофонетических и фоностилистических исследований, что также влечет за собой переосмысление проблематики орфоэпической нормы и категоризации и классификации стилей произношения. Единая модель, объясняющая происходящие фонетические изменения в национальном языке на современном этапе развития лингвистики, отсутствует. Принципы и модели фонетических преобразований на сегодняшний день описывают процессы, происходящие в ПН, свидетельствуя о сложности и неоднозначности наблюдаемых преобразований.

1.5. Развитие теории стилей произношения в отечественной и зарубежной традиции

Точка зрения на норму языка, которая не только допускает вариативность в пределах языкового стандарта, но и называет данную вариативность обязательным свойством нормативной парадигмы, обеспечивающим непрерывную эволюцию

языка, позволяет говорить о выборе, с которым сталкивается каждый говорящий. Данный выбор обусловлен рядом социолингвистических параметров, или факторов социального характера, среди которых пол, возраст, уровень образования говорящего. Кроме того, инвентарь фонетических средств представляет для говорящего пространство возможностей для выбора, который, в свою очередь, подчиняется воздействию совокупности факторов ситуативного порядка.

Согласимся с точкой зрения А. Д. Петренко о том, что для фонетических средств языка характерны психологические формы воздействия, и данные формы воспринимаются собеседниками в социологической взаимосвязи. Нередко, по нескольким произнесенным фразам можно получить самое общее представление о характере, эмоциональном состоянии и социальном положении носителя языка, а благодаря нашей субъективной оценке акустических особенностей речи собеседника мы отмечаем его настроение [Петренко, 1998].

Как указывает Л. Л. Буланин, понятие стилей произношения было выдвинуто в конце XIX в. французским лингвистом П. Пасси. В русскую фонетику категорию стиля ввел Л. В. Щерба, который определил стиль произношения как вид речи, характеризующийся определенными особенностями, обусловленными степенью четкости и темпом говорения [цит. по: Буланин, 1970].

Совокупность средств языка, характеризующая речь на фонетическом уровне, в научных работах обозначается различными терминами. В нашем исследовании для достижения практических задач мы опираемся на точку зрения А. Д. Петренко, который отмечает, что в контексте исследования устной коммуникации целесообразно остановиться на понятии „произносительный стиль“, называемый учеными такими терминами, как „стиль произношения“, „фоностиль“, „контекстуальный стиль“, „тональность“, „тип произнесения“

(фонетическая характеристика элементов речи). При этом, данные термины трактуются схожим образом [Петренко, 1998].

Фонетисты Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, Л. Б. Касевич разграничивают, вслед за Л. В. Щербой, полный и разговорный (неполный) стили произношения, определяя их как общую характеристику высказывания. Для детальной фонетической характеристики элементов речи, вплоть до характеристики сегментов фонемной протяженности, авторы предлагают использовать термин «тип произнесения». Критерием определения полного типа является однозначное распознавание фонемного состава соответствующего отрезка речи, что обеспечивается сохранением в произнесении основных фонетических характеристик (согласно Л. В. Щербе «идеальный фонетический состав») [Бондарко, 1974, 64-65].

В ранних работах У. Лабова стиль рассматривается как категория, определяемая степенью самоконтроля или самонаблюдения. Критериями для различения стилей, вытекающими из степени формальности ситуации общения, являются темп речи и степень внимания говорящего. Соотнесение между этими двумя критериями обратно пропорционально: чем быстрее темп речи, тем меньше степень контроля над произношением. В зависимости от того, насколько внимательно говорящие контролируют собственную речь, выделяют повседневную (неформальную) и тщательную (формальную) стилистические парадигмы [Labov, 1974].

Известно, что говорящие приспособляются, регулируют фонетические параметры собственной речи не только в зависимости от уровня самоконтроля, но и в ответ на изменение ряда внешних факторов, среди которых тема, физическая обстановка, аудитория. Другими словами, в пользу более стандартного варианта произношения говорящий склоняется тогда, когда считает его более приемлемым по отношению к слушающему. Подобное явление может происходить как из-за

формальности самой обстановки, так и потому, что слушатель, по оценке говорящего, в большей степени готов к восприятию и пониманию стандартного варианта, чем разговорного или регионального [Foulkes, Docherty, 2005]. Исследователи О. Л. Михалева и О. М. Зайцева отмечают: «Один и тот же носитель языка, общаясь с разными людьми, может сознательно выбирать те из представляемых языком вариантов, с помощью которых он надеется достичь определенного коммуникативного комфорта в соответствующей среде» [Михалева, Зайцева, 2009].

Понятие «стиль произношения» тесно связано с ситуативным фактором общения. Так, на психофизиологическом уровне происходит перестройка среды организма, отображающаяся в акустических эквивалентах, запускаемая переменами ситуаций общения [Жинкин, 1958, 128]. Данная перестройка отображается как на уровне слоговой организации высказывания, так и на супрасегментном уровне [Бондарко, 1988].

Различными являются критерии классификации стилей произношения, а также обстоятельства, которые формируют определенный набор произносительных стилей того или иного говорящего [Петренко, 2015: 53]. Стиль произношения определяется в конкретном идио-, социо-, сексо- или аннолекте благодаря четкому представлению социального или демографического «портрета» говорящего. Кроме того, важную роль играет музыкальный слух [Петренко А. Д., Петренко Д. А., 2014: 151].

Среди критериев, упорядочивающих иерархию и классифицирующих фоностили, исследователи опираются в основном на отчетливость произнесения звуков, степень внимательности к собственной речи, а также темпоральные характеристики речи. Одним из ключевых постулатов для понимания сути фонетического стиля является тезис о ступенчатости, постепенному переходу от

одного «полюса» к другому, которыми являются полный-неполный стиль (Л. В. Щерба), *relaxed – careful speech* (разговорная – тщательная речь) (У. Лабов).

Развернутой классификацией Л. В. Щербы можно считать систему стилей Г. Майнхольда, в которой ученый выделяет: - декламацию стихотворений, торжественную речь, научный доклад перед большой аудиторией; - речь на радио; - спокойный деловой разговор, дискуссия, в которой принимают участие много людей; - доклад перед небольшой аудиторией, не требующий большого напряжения; - непринужденную беседу [Цит. по Петренко, 2014].

Исходя из идеи о множественности переходных стадий, ряд ученых придерживается трехчастной классификации стилей произношения.

Трихотомическая классификация стилей произношения находит отражение в концепции британского лингвиста Д. Кристала, который выделяет между эмфатическим (цитирование) и неформальным стилем (повседневная беседа) в качестве промежуточной категории формальный стиль (отрывки звучащей речи на выступлении, лекции, интервью при устройстве на работу). Неформальный произносительный (быстрый, беглый, аллегро, естественный, спонтанный, разговорный) стиль является наиболее распространенным и естественным регистром, используемым говорящими [Crystal, Davy, 1969]. Д. Джоунз, теоретик стандартизации британской ПН, отмечает: «...даже лучшие ораторы обычно используют больше, чем один стиль. Существует беглый разговорный стиль и формальный ораторский стиль, тогда как между этими крайностями расположено много оттенков. В стандартное произношение следует включить промежуточный стиль (*intermediate style*), который можно определить, как тщательный разговорный стиль (*careful conversational style*)» [Jones, 1909]. Британский фонетист Дж. Чешир определяет стиль как вариативность, проявляющуюся в речи одного и того же говорящего в различных ситуативных контекстах [Cheshire, 1992: 324].

В отечественной стилистике такими исследователями, как Р. И. Аванесов, Л. Л. Буланин, М. В. Панов было введено понятие «нейтрального стиля». Авторы подчеркивают, что ситуативные позиции обуславливают тот или иной стилистический регистр (высокий – нейтральный – разговорный/сниженный) [Аванесов, 1972; Буланин, 1970; Панов, 1963].

Тем не менее, традиция отечественного языкознания в аспекте дифференциации произносительных стилей опирается на теорию Л. В. Щербы, различавшем полный и неполный (разговорный) стили произношения [Щерба, 1974]. Кроме того, существует взгляд на произносительный стиль как коррелирующий с функциональным стилем при первостепенности ситуативного фактора. На материале немецкого языка фонетист С. М. Гайдучик выделяет торжественный, стиль научной деятельности, официальной деятельности и повседневный (бытовой), либо фамильярный (непринужденный), стили [Цит. по Vrabel, 2009: 22].

П. Экерт, вслед за своим учителем У. Лабовым рассматривая распределение стилей по оси «формальность – неформальность», указывает на то, что стиль – это способ «persona-construction», создания образа, которому говорящий хочет соответствовать в восприятии адресата коммуникации, его стремление и способ стать частью определенного сообщества. Автор замечает, что варианты не появляются в речи со статичными смыслами, но приобретают смысл в процессе конструирования стиля. П. Экерт полагает, что «стиль (как и язык) это не вещь, но практика. Это деятельность, в которой люди создают социальный смысл, так как стиль является видимой манифестацией социальных смыслов» [Eckert, 2004: 3].

Основываясь на своих наблюдениях за речевым поведением носителей немецкого языка, Д. А. Петренко приходит к выводу о том, что «основными стилеобразующими факторами являются: 1) темп речи; 2) уровень

экспрессивности; 3) тип речевой ситуации (монолог-диалог); 4) степень речевого самоконтроля говорящего» [Петренко, 2015: 55].

Таким образом, функционирование языка определяется ситуацией, социальным контекстом этого функционирования, а выбор говорящим произносительного стиля зависит от ряда факторов, стимулирующих перестройку организации высказываний на фонетическом уровне, проявляющуюся в акустических изменениях речи. Классификация фоностилей не имеет унифицированного алгоритма, однако в рамках данного исследования целесообразно будет использовать, вслед за традицией ЛФШ, дихотомию Л. В. Щербы, опирающуюся на дифференциальный признак тщательности, разборчивости проговариваемых сегментов, что, в свою очередь, неотъемлемо от темпоральных характеристик и иных признаков, относимых к социальному контексту коммуникативной ситуации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Становление социолингвистики как направления языкознания, объясняющего сложный коррелятивный механизм, существующий между явлениями лингвистического и социального порядка, прошло по-разному в американской, европейской и отечественной лингвистике. Преемственность идеи о том, что язык принадлежит обществу и отображает происходящие в нем изменения, пронизывает всю парадигму языкознания прошлого века и уходит корнями к трудам теоретика американского языкознания У. Уитни, опубликованным в XIX веке. Пройдя долгий путь от Ф. де Соссюра до А. Мейе, от А. Мартине к У. Вайнрайху и его ученику У. Лабову, понимание взаимосвязи явлений языка с обусловившей их социальной почвой дало толчок формированию социолингвистики в США и странах Европы. В отечественной традиции изучение социальной дифференциации языка занимает ключевую позицию начиная со второй четверти прошлого века. Идеи таких талантливых ученых, как С. И. Карцевский, Р. О. Шор, А. М. Селищев, В. Н. Волошинов, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, К. Н. Державин, Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов не утрачивают своей актуальности и сегодня.

2. Языковая дифференциация в синхронии представляет собой многомерную структуру, имеющую диатопический, диастратный и диафазный уровни, и наделяет каждую форму языка местом в географическом, социальном и стилистическом континуумах. Социофонетика как отрасль социолингвистики, изучающая произносительную вариативность, рассматривает первые два уровня дифференциации, тогда как фоностилистические исследования дополняют изучение стилей произношения в рамках того или иного ситуативного контекста в пределах социальной группы с учетом таких факторов, как пол, возраст, профессия и уровень образования говорящего.

4. Целью социофонетических исследований является поиск причин языкового изменения и непосредственное его наблюдение. Языковедами очерчен ряд причин для объяснения фонетических изменений. Одним из концептов, оказавших влияние на фонетико-фонетические исследования, является принцип экономии в языке, выдвинутый А. Мартине. Классификации, характеризующие изменения на произносительном уровне, разработаны рядом ученых, среди которых М. В. Панов, У. Лабов и др. В изучении фонетических изменений АЯ лингвисты опираются на «общие принципы цепного сдвига» У. Лабова, объясняющие количественные и качественные преобразования системы вокализма на материале вариантов АЯ, функционирующих в различных «странах внутреннего круга» (согласно модели А. Качру), а также выдвинутая Дж. Уэллсом для описания региолектной области юго-востока Англии, в частности, Лондона и прилегающих к нему территорий, теория передвижения дифтонгов.

5. Наблюдение за социально структурированной вариативностью и языковым изменением выполняется с помощью ситуативно-стратификационного подхода. Единицей произносительных вариантных структур на сегментном уровне является фонологическая переменная. Средние значения данных показателей составляют переменные правила реализации сегментного состава для определенной формы языка и являются факультативными правилами, выступающими надстройкой над нормативными.

5. Выбор говорящим произносительного стиля зависит от ряда факторов, стимулирующих перестройку организации высказываний на фонетическом уровне, то есть, функционирование языка определяются социальным контекстом этого функционирования. Существует ряд классификаций фонетических стилей, однако, исследователи сходятся во мнении о том, что стили произношения представляют собой единый континуум, где крайними точками являются тщательная речь, в которой различим каждый сегмент речевого отрезка, и беглая

речь с минимальной степенью отчетливости артикуляции, обеспечивающей понимание высказывания реципиентом.

б. Социофонетические и фоностилистические исследования обращаются также к проблематике нормы и вариативности на произносительном уровне системы языка. Языковая норма трактуется двояко: 1) как норма литературного языка, образец, зафиксированный в словарях и пособиях по орфоэпии, рекомендуемая и кодифицированная форма языка, так и 2) языковая традиция, существующая отдельно для каждой формы языка, и играющая важную роль для идентификации и самоидентификации носителей того или иного территориального или социального диалекта, что способствует формированию чувства принадлежности к определенному дискурсивному сообществу, осознанию психологической коллективной идентичности среди носителей общей формы языка.

ГЛАВА 2. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Место орфоэпического стандарта в иерархии форм языка, функционирующих в Великобритании

2.1.1. Многоаспектность термина «вариант» по отношению к формам существования английского языка

В лингвокультурных сообществах функционируют различные варианты АЯ, что обусловлено рядом политических и экономических факторов. Данные факторы, в свою очередь, привели к процессам дивергенции и конвергенции в пределах АЯ на глобальном уровне, что способствует возникновению новых вариантов АЯ, а также диверсификации в пределах существующих национальных вариантов.

Разработка теории языковой вариативности находит отражение в трудах А. И. Домашнева, Ю. А. Жлуктенко, А. Д. Петренко, В. М. Солнцева, Д. А. Шахбаговой, А. Д. Швейцера, где в понятие «вариант языка» включены не только присущие ему специфические черты и особенности, но также и нормированный характер, наличие кодифицированной нормы [Домашнев, 1983; Жлуктенко, 1981; Петренко, 2011; Солнцев, 1984; Шахбагова, 1986]. Различие между вариантом языка и социолектом, таким образом, заключается в нормированности и кодификации. Согласно определению, приводимому А. Д. Петренко, социолект представляет собой основную единицу социальной стратификации языка, или некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, обладающих общностью социальных признаков [Петренко, 2013: 86].

Как утверждает Н. Б. Мечковская, варианты начиная от конкурирующих языков до вариантов ПН называются социолингвистической переменной, или единицей анализа в социолингвистических исследованиях, когда социальные аспекты языка подразумеваются социально обусловленным варьированием [Мечковская, 2000: 3].

Подход Б. Качру к классификации национальных и региональных вариантов АЯ в едином языковом континууме как «мировых английских языков» (World Englishes) привел к созданию оригинальной модели глобального АЯ в 1985 году [Kachru, 1985]. Данная модель состоит из трех концентрических кругов, в каждом из которых находятся страны, где АЯ выполняет различные культурно-политические функции. Первый, внутренний круг, содержит страны, в которых АЯ имеет статус доминирующего национального языка, второй, или внешний, круг охватывает национально-государственные сообщества, связанные с Великобританией исторически и сохраняющие институциональную и объединяющую роль АЯ в своей государственной и общественной структуре. В третьем, или расширяющемся, кругу находятся страны, где АЯ выступает инструментом международного и межнационального общения и изучается в качестве иностранного языка [Kachru, 1985: 12-19]. Согласно данной модели, пользователи АЯ разделены три группы в зависимости от той роли, которую выполняет для них язык: 1) АЯ является родным и используется почти во всех функциях 2) АЯ не является родным, но выступает в качестве институционального второго языка 3) АЯ не является родным и определяется как иностранный, а набор ситуаций, в которых он используется, ограничен [Jones, Bradwell, 2007]. Как отмечает К. А. Мележик, исследователем не учитывается то, что речевое поведение носителей АЯ проявляется в региональной, диалектной и социолектной вариативности, для пользователей АЯ из стран внешнего круга – в национальной и территориальной вариативности, в то время, как для расширяющегося круга

коммуникативный процесс порождает расхождения между нормой носителей АЯ и языковой компетенцией всех остальных говорящих. Так, сообщество, пользующееся тем или иным социолектом, может одновременно состоять из представителей стран всех «трех кругов» [Мележик, 2018].

Взгляд на деятельностный аспект коммуникативного сообщества и функционирующую в его рамках форму языка раскрывает такое понятие, как сообщество практики (community of practice). Концепция деятельностного сообщества была предложена когнитивным антропологом Дж. Лейв и педагогом Э. Уэнгером в 1991 г. для названия вовлеченных в совместную деятельность группы людей [Lave, Wenger, 1991: 29]. Термин также характеризует группы людей с общими интересами, профессией или видом деятельности [Мележик, 2013: 110]. В трудах Э. Уэнгера выделены следующие структурные характеристики сообщества практики: общая сфера знания (общая почва, которая вдохновляет и направляет участников), сообщество как коллектив людей (общность, где поощряется взаимодействие и открытость), практическая деятельность. Сообщество, объединенное общей сферой деятельности, развивается и вносит вклад как в создание идентичности участников, так и в отрасль знания, на которую нацелена их деятельность [Wenger, McDermott, Snyder, 2002].

Таким образом, подход к изучению вариативности АЯ, а именно, к классификации его национальных и региональных вариантов, определяется концепцией единого языкового континуума, в котором место АЯ обусловлено его функционированием не столько в территориально-социальном отношении, сколько в зависимости от принадлежности его носителей к тому или иному дискурсивному сообществу. На первом плане оказывается деятельностный аспект, что отображено в понятии «сообщество практики» и функционирующей в деятельностном сообществе форме языка.

2.1.2. Характеристика языковой ситуации в Великобритании: место и статус кодифицированной формы произношения

Современный АЯ насчитывает более 1 млрд говорящих и выступает в роли лингва франка для многих государств и народов мира [<https://www.ethnologue.com/language/eng>]. АЯ является наиболее изучаемым языком, имеющим официальный статус в более чем 60 независимых странах, а также родным языком для 360 млн человек. Существуют как национальные стандарты АЯ, так и возникающие на основе английского креольские языки, количество которых возрастает.

Основными языками Соединённого Королевства выступают английский, валлийский, ирландский гаэльский и шотландский гаэльский и скотс. Главенствующее положение АЯ является устоявшимся исторически, по традиции британской нации (de facto). 98% населения страны владеют АЯ, и относительно небольшое количество населения (31%) может говорить на двух языках. Для 20% учеников младших школ АЯ является дополнительным предметом [<https://www.britannica.com/topic/English-language>].

По результатам опросов, 49 миллионов жителей страны считают английский основным языком в государстве [<https://www.nomisweb.co.uk>]. Ключевым для понимания статуса АЯ среди других языков, функционирующих на территории Великобритании, является смена вектора языковой политики государства за последнее столетие. Если в XIX веке с целью признания АЯ как единственного приемлемого средства общения предпринимались меры по исключению региональных языков из различных сфер общественной жизни, то языковая политика XX века в Великобритании характеризуется прежде всего возрождением региональных языков. 1930-х годах запускается радиовещание на валлийском языке, после чего в 1967 году законодательно утверждаются определенные возможности использования языка в делопроизводстве, а с 1993 года закон о

валлийском языке впервые уравнивает его с английским во всех сферах общественной жизни. По статистике на 2022 год 901 тыс. человек (29,5% населения региона) в Уэльсе говорят на валлийском, а на гаэльском в Шотландии – 58 тыс. человек (1,7% населения), по другим данным – 90 тыс. человек. В Северной Ирландии 11% населения понимают ирландский гаэльский, при этом свободно владеют данным языком около 3,7%. В современном шотландском ареале наблюдается большая диалектная дробность, особенно в горных районах и на островах. Н. М. Евстафьева отмечает, что между стандартным английским и традиционными шотландскими диалектами существует большое количество промежуточных форм от регионального английского до городских шотландских диалектов, в которых большое количество исконной лексики заменено английскими эквивалентами. Так, формами языка, присущими шотландскому населению формами языка являются – шотландский гаэльский, скотс, шотландский вариант АЯ (Scottish Gaelic, Scots, Scottish English) [Евстафьева, 2017: 24-32].

Шотландский гаэльский, несмотря на проводимую с начала XXI века политику языкового возрождения и свой официальный статус в Шотландии, все еще находится в опасности. Германский шотландский (скотс) представлен 1,5 млн носителей, однако имеет спорный статус и не является официальным. На сегодняшний день в Лондоне можно услышать более 300 языков. Вопреки активно реализуемой политике языкового возрождения, по данным за 2011 год, 92,3 % населения владеют валлийским и/или английским языками как основными, что составляет 91,1% населения на 2021 год (при общем приросте населения). Другими наиболее распространенными языками в Англии и Уэльсе являются польский (612 тыс. носителей), румынский (472 тыс.), панджаби (291 тыс.). Лондон и прилегающие к нему территории лидируют по количеству населения, которое в графе «основной язык» отмечает языки, не являющиеся коренными для жителей

страны. Обучающиеся в школах все чаще выбирают изучение испанского языка, тогда как изучающих немецкий и французский языки становится все меньше. С 1994 года иммиграция в Британии набирает обороты, к примеру, в 2023 году 1,2 млн человек иммигрировали в Великобританию, тогда как покинуло страну около полумиллиона человек [Migration Statistics]. По мнению исследователей, 85-88% населения Британии говорит на формах АЯ, которые отличаются от стандарта, а носителями Home dialect (южно-британский стандарт) являются 12-15% населения, тогда как нормативным произношением RP владеет 3% населения страны [Trudgill, 2002].

Глобализационные процессы, затронувшие Европу на уровне национальных границ государств и локально приводящие к растворению государств в надгосударственных структурах, заставили британцев обратить пристальное внимание на проблему сохранения нации. Для сохранения целостности на структурном уровне, стране требуется культивировать богатство национальных традиций коренных народов, населяющих британские острова, включая языковое разнообразие. Понятие «Englishness», отражающее идею национального самосознания как «английского», сменяется на «Britishness» – концепцию британского, мультикультурного самосознания. Для продолжения своей консолидирующей миссии носителям АЯ на уровне некогда неприкосновенной языковой и ПН приходится стать более толерантным к разнообразию акцентов, диалектов, и даже других языков, существующих в тесной взаимосвязи с английским. «Всебританское», мультикультурное сознание сохраняет концепцию целостности, принадлежности своей родине в сознании британцев [Игнатова, 2019: 15].

Обратимся к некоторым событиям, затронувшим не только экономику, но и повлиявшим на демографический состав и языковую политику страны, в частности, решению Великобритании покинуть Евросоюз. Для обозначения

выхода Великобритании из ЕС, который официально состоялся в 2020 году по результатам проведенного в 2016 году референдума, существует специальный термин «brexit» (Britain+exit). Последствия выхода Британии из Евросоюза оцениваются неоднозначно. В частности, данное событие не могло не повлиять на языковую картину внутри самого Евросоюза. Вопреки прогнозам, АЯ в европейском пространстве продолжает выполнять роль универсального лингва франка и остается одним из официальных и рабочих языков ЕС, обладая уникальным качеством доступности для изучения и являясь попросту удобным инструментом межнациональной коммуникации [quora.com]. Однако, два других рабочих языка, немецкий и французский, несколько вытесняемые английским в две первые декады XXI века, после «Брекзита» используются все больше, в частности, политиками и участниками международных программ и проектов, что говорит о возможном изменении языкового баланса в ЕС в будущем. Сегодняшние реалии, тем не менее, свидетельствуют о том, что перед британцами стоит непростая задача, состоящая не только в возрождении национальных языков страны, но также в изучении европейских языков, а также и других языков мира, являющихся лингва франка в сфере деловых взаимоотношений и сотрудничества, поскольку вследствие выхода из ЕС статус АЯ более не является исключительным, а его носители теряют свои привилегии и обязаны говорить с работодателями и деловыми партнерами на их языках [Абдусаламов, 2022].

Функционирующие на территории Великобритании варианты АЯ традиционно делятся на следующие группы: English English (в Англии), Scottish English (шотландский АЯ), Welsh English (уэльский АЯ), Hiberno English (вариант АЯ в Северной Ирландии). English English, в свою очередь, разделяют на 7 северных диалектов, Западный и Восточный Мидленд, (подразделяющийся на четыре диалекта), диалекты южной Англии (четыре диалекта, включая лондонский, в рамках которого выделяют Кокни и Jafaican/MLE – Лондонский

мультикультурный английский), западные диалекты (включают 6 городов). В настоящее время наблюдается выравнивание, или нивелирование диалектов в Великобритании. Относительно изолированные местные сообщества, в которых общение происходило с ограниченным кругом людей в течение жизни человека, сменяются «обширными плавильными котлами», в которых люди ежедневно пребывают среди большого количества людей, смешиваясь с ними, взаимодействуя и общаясь, усваивая новые формы речи и избавляясь от старых сельских вариантов. Достижения в развитии коммуникации и эффекты урбанизации вносят свой вклад в диалектное нивелирование – термин, который употребляется по отношению к потере оригинального традиционного диалектного разграничения [Culpeper, 2005].

Произносительный стандарт образованной Англии RP символизирует надлежащее воспитание, происхождение и принадлежность к высшим социальным слоям. Парадоксально то, что стандарт, которому подражала вся британская нация, начиная с периода его становления, датируемого XVII-XVIII веками, вплоть до первой половины XX века, уже в конце XX века не насчитывал более 3% говорящих на нем, отвергался прогрессивной молодежью, наделяющей его носителей такими качествами, как надменность, высокомерие, желание казаться лучше остальных [Rosewarne, 1994]. В более общем смысле тип произношения, распространенный в «home counties» (юго-восточные графства – те, что располагаются ближе всего к Лондону) считается стандартным английским произношением.

В аспекте социально обусловленной вариативности языковую ситуацию на Британских Островах можно считать экзогlossной, несбалансированной и полилингвальной, характеризующейся вариативностью как в территориальном отношении, так и в стратификационно-стилистическом. Высокая степень вариативности АЯ наблюдается как в территориальном, так и социально-

ситуативном отношении. Языковая ситуация в стране характеризуется как разнообразием исторически сложившихся диалектов и социолектов, отражающих изменение в иерархии общества вследствие активной миграции населения и высокого уровня социальной мобильности, так и множественностью стандартов, имеющих расхождения на произносительном и других (лексическом, грамматическом) уровнях языка.

2.1.3. Социальная стратификация английского общества как совокупность факторов, детерминирующих реализацию произносительного стандарта

Для функционирования АЯ на Британских островах характерно отсутствие региональных меркеров в речи представителей высших социальных слоев, тогда как в США, в речи элиты общества, напротив, можно услышать региональный акцент [Honey, 1989]. Исторически сложившимся является значительное влияние социального класса на структуру общества Великобритании, данное утверждение не потеряло силу и сегодня. Структуру общества Англии в основном классифицируют двумя способами. Менее развернутая иерархия представляет собой совокупность следующих страт: низший класс, рабочий класс (подгруппы – неквалифицированный, низкоквалифицированный, квалифицированный рабочий класс), средний класс (подгруппы – низший средний класс, средний класс, высший средний класс), и высший класс [Biressi, Nunn, 2013].

Телекомпания BBC при участии научных экспертов разработала классовый обзор «The Great British Class Survey», который провела в 2011 году. Результаты данного обзора, основанные на информации о 160 тыс. жителей страны, были опубликованы в журнале «Sociology» под редакцией SAGE Publications (онлайн). В качестве измеряемых параметров для установления классовой градации, авторами выделены количество и род экономических, культурных, социальных

ресурсов, а также данные о личном материальном капитале. Экономическим капиталом выступала совокупность дохода и банковских активов, культурным – количество и вид интересов и культурной деятельности, социальным – количество и социальный статус друзей, членов семьи, личных контактов и деловых связей [Savage, Devine, 2013]. По результатам опроса британское население было разделено на следующие классы:

1. The Elite (элита);
2. Established middle class (утвердившийся средний класс);
3. Technical middle class (технический средний класс);
4. New affluent workers (новые финансово благополучные рабочие);
5. Traditional working class (традиционный рабочий класс);
6. Emergent service worker (работники аварийных служб);
7. Precariat (нестабильный пролетариат, социально уязвимые слои населения, незащищённые в виду частичной занятости, «вольных» форм трудоустройства).

Слово является неологизмом, основанном на соединении слов «precarious» (неустойчивый, шаткий) и «proletariat» (пролетариат) [Savage, Devine, 2013].

Как известно, каждый социальный класс имеет либо собственный социолект, либо особенности формы языка, находящиеся под воздействием того или иного «соседнего» социолекта. Так, исследователи выделяют произносительную форму Scouse, являющуюся одновременно и диалектом, и социолектом рабочего класса Ливерпуля. В столице функционирует Кокни, акцент некогда исключительно рабочего класса, а также MLA, или «Jafican», гибридная форма, возникшая в Лондоне в конце прошлого века, с заимствованными чертами языков Карибского бассейна. Некоторые ученые предполагают, что эта форма АЯ в будущем заменит Кокни [Kroes, 2017].

Средний класс широко использует эстуарный английский (Estuary English, далее – EE), о возникновении которого стали говорить с 80-х годов XX века. Границы EE не всегда обозначаются четко, исследователи рассматривают переход от Кокни к EE и от EE к RP, скорее, как континуум [Altendorf, 2003]. Более того, за последние десятилетия демократизация ПН позволила авангардным чертам из менее престижных социолектов проникать в стандарт и «оседать» в нем. Термин «Posh language» обозначает язык элиты, который более близок к социолекту, нежели к произносительной форме. Используя произносительные черты RP, «Posh» имеет определенные лексические особенности, характерные для высшего класса общества, семантически связанные с реалиями быта и материального достатка.

В традиционном британском обществе никакое количество материальных благ не может сделать человека представителем высшего класса общества, поскольку для того, чтобы обладать данным положением, нужно быть рожденным в семье соответствующего класса и быть воспитанным соответствующим образом, соблюдая ценности, традиции и культурные нормы высшего класса. Высший класс, как правило, ассоциировался с аристократией, правящими семьями, титулованными особами и религиозной иерархией, наследуемой земельной собственностью, тогда как в США аналогичный класс общества определяется через возможность получать огромные доходы посредством управления капиталом и его вложениями [Biressi, Nunn, 2013]. В культурном плане «элитарность» более не является структурным элементом общественного уклада, но выступает стереотипом, который нередко служит предметом шутки у самих представителей высшего социального класса. К высшему среднему классу традиционно относят высококвалифицированных граждан, которые имеют высшее образование и являются выходцами из семей с высоким достатком. В высших слоях среднего класса, преимущественно населяющих пригороды

Лондона и наиболее густонаселённые южные города, часто встречается использование стандартного варианта RP. Указанные слои общества активно участвуют в культурной жизни, часто занимая лидирующие позиции. Связанность с аристократией у некоторых представителей данной группы подчёркивается наличием фамильных гербов, а также статусом сквайра или лорда, хотя имущественные права в данном случае не сохраняются [Delingpole, 2011].

Участники телешоу, владеющие произносительным стандартом, в основном принадлежат к высшему среднему классу, а по некоторым классификациям — к элите общества. Знаменитости, особенно из старшего поколения (например, Иэн Маккеллен, Джуди Дэнч, Эмма Томпсон, Мэгги Смит, Хелен Миррен, Джули Эндрюз, Патрик Стюарт и другие), часто получают почётные титулы, что служит дополнительным подтверждением их статуса.

Сложное взаимодействие разнообразных факторов, определяющих структуру английского общества, формируется через рост территориальной и социальной подвижности населения. Это влечет за собой модификацию произносительных норм в среде различных групп и сообществ, что неизбежно сказывается на статусе языковой нормы. Параллельно с этим сохраняет влияние традиционная система социального разделения британского общества. Для каждой страты этой системы характерны специфические языковые формы, распространение которых определяется экономическими, политическими и культурными аспектами, формирующими их престижность.

2.2. Произносительный стандарт в современной Великобритании: становление и функционирование

2.2.1. Формирование произносительной нормы в диахроническом аспекте

Как отмечает Д. Кристал, начало стандартному варианту АЯ было положено во времена приобретения областью-треугольником «Лондон-Оксфорд-Кембридж»

экономического и социального влияния. Обладающая престижем форма языка, на которой говорила знать и королевский двор, стала проникать в язык жителей юго-востока страны и постепенно превратилась в более желаемый инструмент общения, чем какие-либо другие языковые варианты [Crystal, 2014].

Как известно, языковой климат общества меняется, когда возникает стандартный язык. Ставший престижным диалект называется «правильным», «надлежащим», тогда как нестандартные варианты, в частности, региональные, высмеиваются и принижаются. В Британии оппозиция стандартной и остальных формам языка заявила о себе в полной мере лишь к концу XVIII века, когда классовое различие было выражено в манере человека говорить как никогда ранее. Во второй половине века возникли большие словари (Dr Johnson) и грамматики (Bishop Lowth), руководства по произношению (John Walker), настала эпоха предписаний, и только человек, соблюдающий правила из перечисленных книг, мог считаться образованным. Промышленная революция усилила классовые различия в английском обществе, дальнейшие контрасты развивались уже между формами языка различных социальных групп, с возрастающим уровнем противопоставления городских диалектов сельским. Так, в этот период и сформировались городские акценты, существующие до сих пор. Более того, к концу XVIII века происходил заключительный этап формирования стандарта не только Британского варианта АЯ, но и становления форм АЯ за пределами Британских островов, в США и ещё семи странах: на Карибских островах, в Канаде, Австралии, Южной Африке, Южной Азии, Западной Африке, Юго-восточной Азии. Во всех этих странах АЯ был адаптирован к новым условиям функционирования и личности говорящего. Со свежими волнами иммиграции новые акценты и диалекты стали проникать в страну-родину языка [Crystal, 2014].

Убеждение, сохранившееся с XVIII века о том, что одна произносительная форма должна быть более престижной и свойственной лишь элите, привело к

возникновению произношения вежливого лондонского общества. К 1830-м годам писатели советовали провинциалам говорить так, как жители Лондона, и к концу XIX века произносительный вариант получил название Received Pronunciation (в буквальном переводе «полученное, принятое произношение») – вид произношения, переданный одним образованным поколением следующему.

RP вскоре стал ассоциироваться с образованием, получаемым в общественных школах Оксфорда или Кембриджа. Акцент широко распространился среди представителей профессий, перспективу успешной карьеры в которых открывало подобное образование: в гражданской и дипломатической службе (в частности, за границей, по мере того, как империя расширялась), и посредством англиканской церкви. С учреждением радиовещательной компании BBC этот акцент стал произношением дикторов, под различными ярлыками в течение всего XX века оставаясь акцентом образованных людей: «Oxford accent» (Оксфордский акцент), «BBC accent» (акцент BBC), «King's/Queen's accent» (королевский акцент), и «public-school accent» (акцент общественных школ) [Roach, 2009].

Однако, едва ли сформировавшись окончательно, стандарт RP, как и любая другая форма языка, не избежал диверсификации. Уже к началу XX века в RP отчетливо отображались возрастные различия между говорящими, тем не менее, RP сохранял свою коннотацию отнесенности к высшему или высшему среднему социальному классу, будучи супра-региональным стандартом. С 1960-х годов RP постепенно оказывался под влиянием растущего числа региональных форм, приводя к возникновению региональной окраски – феномен, который сейчас имеет название «modified RP» – модифицированный стандарт. Позже, в 1980 году А. Гимсон, выделяет «консервативный» (используемый старшим населением), «общий» (используемый преобладающим количеством людей, обладающий широкой популярностью), «продвинутый» (используемый молодежью) варианты

стандарта [Schmitt, 2007], а Дж. Уэллс почти в то же время предлагает термины «mainstream RP» и «U-RP», или универсальный стандарт [Wells, 1982]. Область страны, где RP был признан стандартом, сужается, а в кельтоговорящей части Британии RP никогда не находил широкого признания. После получения автономии Уэльсом, Шотландией и Северной Ирландией, RP сохранился только в речи наиболее образованных людей с выраженной региональной модификацией.

В 1970-х годах происходит ряд социальных процессов, имевших последствия для функционального распределения форм языка, присущих жителям столицы и прилегающих областей. Продвижение вверх по социальной иерархии представителей некогда рабочего класса Кокни, повышение уровня их материального достатка, приводит к интенсификации их социальных контактов с представителями более «высоких» уровней. Такое продвижение «снизу вверх» происходит одновременно с продвижением «сверху вниз» представителей элиты, которые, в свою очередь, стремятся к менее аристократичному самовыражению, и произношение снобов из высшего класса, или «posh language», приобретает более демократичный характер.

В 1980-е годы исследователи и журналисты заговорили о возникновении нового диалекта, акцента жителей Лондона, или Эстуарном английском (EE). Так, образованные жители страны все чаще говорят так, как «простые люди», и традиционная ПН начинает получать негативную коннотацию, тогда как ее вариации с элементами Эстуарного произношения либо региональные модификации признаются более дружескими. В различных географически отдаленных друг от друга областях также отмечаются те или иные черты «нового» произношения, иными словами, запускается процесс диалектного нивелирования, который позже будет находиться в центре внимания многих фонетистов. Д. Кристал комментирует данный процесс идеей Дэниэла Джоунза о том, что будущее английского языка тесно связано со смещением в сторону Кокни, если

никакие особые силы не подключатся, чтобы этому воспрепятствовать [по Crystal, 2014].

Ученый справедливо отмечает, что стремление к стандартизации языка в 18 в. ставило перед собой две невозможные цели: остановить изменения в системе языка и исключить вариативность узуса. Следствием их поражения и доказательством необратимости диверсификации является исключительное разнообразие, наблюдаемое сегодня, так как природа языка состоит в том, чтобы изменяться и проявлять вариативность. Более того, это разнообразие нередко развивается в непредвиденном направлении [Crystal, 2014].

Языковое изменение не происходит в один момент – существуют тенденции, которые рассеиваются в той или иной степени географически и социально. Темп диффузии зависит главным образом от гендера и возраста людей. Спецификой исторического развития британской ПН является длительное сдерживание такого естественного процесса, как развитие вариативности произношения, что обусловлено социальной неоднородностью, демографическими процессами вертикального и горизонтального перемещения социальных групп, что со второй половины прошлого века стало в полной мере отображаться через соответствующие процессы в языке населения Британских островов, постепенно проникая в произносительный стандарт. По мере того, как каждый говорящий осуществляет выбор между консервативной формой или инновацией, стандартным или региональным произношением, и решает, быть ли хранителем традиций, либо идти в ногу с продвинутой молодежью, происходит эволюция кодифицированной формы произношения, в частности, ее разговорной вариации.

2.2.2. Традиционные и инновационные черты современного британского произносительного стандарта

Известно, что произносительный стандарт Великобритании RP употребляется говорящими с растущим количеством модификаций и инноваций. В различных диалектах АЯ насчитывается от 39 до 44 фонем [Upton, 2004: 225]. Под фонемой мы, вслед за М. В. Евстифеевой, опирающейся на определение, разработанное ЛФШ, понимаем минимальную абстрактную единицу языка, реализуемую в форме звука речи, противопоставляемую другим фонемам того же языка с целью различения значений морфем и слов [Евстифеева, 2012: 20].

В систему вокализма британского нормативного произношения входят 6 кратких ([ɪ] kit, [ʊ] foot, [e] dress, [æ] trap, [ʌ] strut, [ɒ] lot) и 5 долгих ([i:] fleece, [u:] goose, [ɜ:] nurse, [ɔ:] thought, [ɑ:] bath) монофтонгов, безударный нейтральный гласный [ə], 8 дифтонгов, среди которых 3 восходящих (closing) ([eɪ] face, [aɪ] price, [ɔɪ] choice) и 5 нисходящих (centering) ([aʊ] mouth, [əʊ] goat, [ɪə] near, [eə] square, [ʊə] cure), отдельно выделяются безударные [i], [u] [Jones, 2011: 7]. Согласно К. Аптону, выделяющему традиционный (trad-RP) и современный стандарт (RP), следует отображать изменения в произношении некоторых гласных в транскрипции: [e]~[ɛ] dress, [æ]~[a] trap, [ɜ:]~[ɛ:] nurse, [aɪ]~[ʌɪ] price, [ʊə]~[ɔ:] cure [Upton, 2004] (см. Приложение 2).

Артикуляция гласных британского варианта АЯ в ВП отражена на трапециях из орфоэпических трудов П. Роуча (приведены ниже); показатели формант F1 и F2 из исследования А. Краттендена 2001 года приведены в Приложении 4.

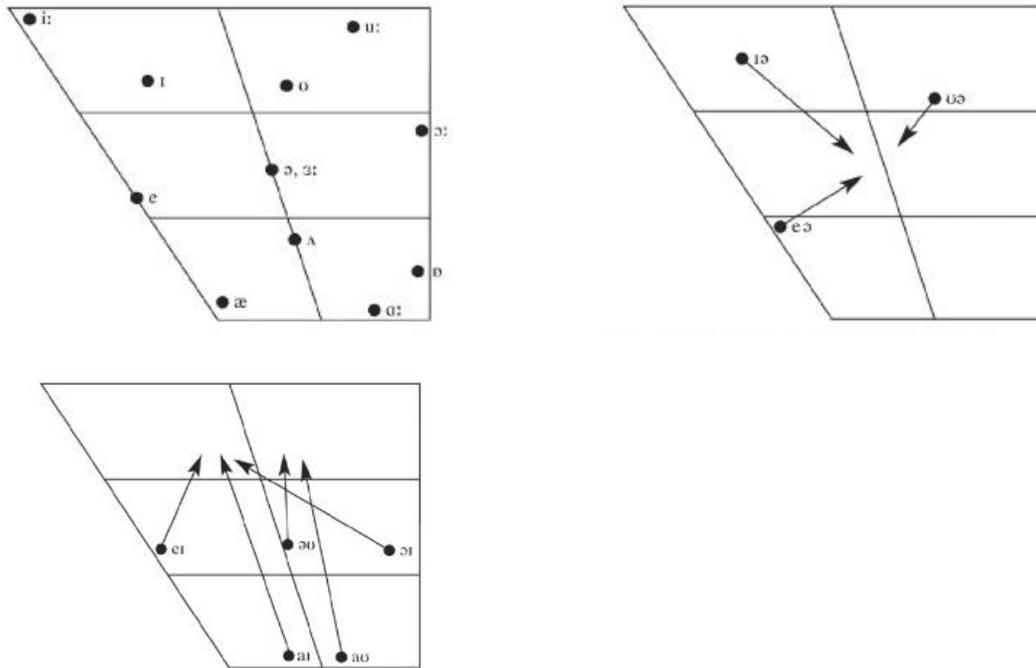

Рисунок 3 – Система вокализма британского нормативного произношения: монофтонги, восходящие и нисходящие дифтонги [Jones, 2011: 6]

Фонетисты-авторы 18 издания словаря EPD отмечают изменения в произношении гласных, происшедшие за последние десятилетия. Гласный [æ] TRAP стал более открытым, чем ранее, и более уместным было бы использовать символ [a], однако, традиционное обозначение сохранено в словаре с целью унификации и соответствия гласному в американском варианте АЯ (где произошло передвижение «против часовой стрелки» и [æ] приблизился к более закрытому [e]). В ранние годы существования словаря, вплоть до середины прошлого века, гласный STRUT артикулировался британцами как гласный заднего ряда, что более не соответствует действительности, поскольку монофтонг продвинулся к центральному ряду, что, как отмечают авторы, может быть отображено в будущих изданиях произносительного словаря. В речи молодого поколения говорящих гласные [u:], [u], [ʊ] продвинулись вперед и артикулируются с меньшей лабиализацией, в частности, после [j] [Jones, 2011: 7].

Сдвиг гласного [æ] «против часовой стрелки» (вправо и вниз в пределах трапеции), отодвигание к среднему ряду и расширение по направлению к гласному [a] упоминается в описании стандартного произношения уже полвека назад. В то же время, фиксируется также продвижение вперед монофтонгов [u:] и [ʊ] [Wells, 1982: 291-292]. К. Аптон в своем труде, опубликованном в 2004 году, говорит об общей тенденции к понижению кратких гласных переднего ряда (KIT, DRESS и TRAP) [Upton, 2004: 227]. Новейшие исследования обращают внимание на скорость процесса продвижения узких гласных в британском варианте АЯ: если Великий сдвиг гласных занял около 200 лет, то продвижение гласных [u:] и [ʊ] занял несколько десятилетий [Тарева, Бурнакова, 2024: 141-142]. В 60-х годах прошлого века продвинулись вперед гласные [ʌ] и [a:]. Существует тенденция «централизации» гласных, сужению ВП, что происходит вследствие снижения тщательности артикуляции в беглой СР, неосознанной нейтрализацией контрастов гласных. Сдвига гласных к центру ВП более выражен у мужчин, чем у женщин, стремящихся говорить к более тщательно и корректно [Cruttenden, 2001, Шевченко, 2017].

Наиболее часто в фонетической литературе прошлого века языковедами обсуждается замена аллофоном [a] традиционного [æ]. Ряд авторов полагает, что данная переменная привнесена в RP из нестандартных северных диалектов [Kerswill, 2002: 201]. В восприятии жителей юга страны различие фонем [ʌ] и [æ] может стираться и даже исчезать [Wells, 1982: 291-292].

Кроме того, многие образованные британцы артикулируют [ʌ] как более центральный [a:], в числе инноваций отмечается более высокая позиция сонанта, отдаление от центра ВП. Проявлением гиперкорректного произношения жителей севера является замена [ʊ]→[ʌ] не только в STRUT [strut], но и в артикуляции монофтонга FOOT: [fʊt]→[fʌt]. Долгий GOOSE [u:] в рафинированном RP

отодвинут к заднему ряду во всех позициях, в более демократичном только – перед [ɪ] [Upton, 2004: 225-227].

Согласно точке зрения Дж. Уэллса, носитель произношения, близкого к стандартному, или near-RP, отличается от говорящего на RP тем, что в его речи отсутствуют фонемные оппозиции, свойственные RP, и наоборот, присутствуют нехарактерные для стандарта оппозиции [Wells, 1982: 297]. К примеру, ФСП BATH [a:] становится более кратким и продвинутым к центру [a]. В речи британцев может отмечаться свободное варьирование аллофонов различных для нормы гласных TRAP и BATH. ФСП CLOTH [ɒ] – краткий монофтонг заднего ряда, на современном этапе не выделяется как самостоятельная ФСП и совпадает с кратким LOT. Долгий аллофон в словах с гласным CLOTH считается признаком рафинированного RP. ФСП NURSE также претерпевает изменения: все более распространенным считается более закрытый вариант [ɜ:], чем более традиционный [ɜ:] [Upton, 2004: 229].

В артикуляции дифтонгов также выделяют ряд особенностей. На трапеции отмечено ядро, с которого начинается звучание гласного дифтонга, указано направление скольжения, или глайда. По мнению П. Роуча и коллектива авторов 18 издания словаря EPD, было бы неверным указывать необходимую финальную точку как цель конечной фазы артикуляции, поэтому обозначено лишь направление элемента скольжения дифтонга [Jones, 2011: 7].

П. Роуч, Дж. Сеттер и Дж. Эслинг отмечают о прогрессирующую монофтонгизацию нисходящих дифтонгов, к примеру, устоявшаяся субституция [ʊə] монофтонгом [ɜ:]. Нисходящие дифтонги [ɪə] и [eə] некоторых говорящие заменяют на [ɪ:] и [e:] [Jones, 2011: 8]. К. Аптон отмечает, что ФСП GOAT [əʊ] движется от средней позиции, но в консервативной ПН встречается артикуляция [ou]. В демократичной норме фиксируется ретардация [aɪ] до [lɪ]. В классическом RP ядро дифтонга [aʊ] отодвинуто назад более, чем в современном произношении.

Наряду с варьированием [a]~[æ] в TRAP, сохранение артикуляции [εə] в SQUARE различает традиционное и современное произношение. В демократичном варианте SQUARE – монофтонг, долгий [ε:]; также отмечена замена CURE: [ʊə]→[ɔə], [ɔ:] [Upton, 2004: 227].

Трифтонгами называются сочетания восходящих дифтонгов и нейтрального гласного, и подобные сочетания являются не отдельной фонемой, а комбинацией сегментов. Сложность в восприятии и понимании слов с трифтонгами состоит в том, что носители АЯ могут произносить сочетание с ослаблением артикуляции как в части глайда дифтонга, так и нейтрального гласного, что приближает трифтонг к долгому монофтонгу в беглой речи (*Ireland* ['aɪələnd]→['a:ələnd]). Ритмика определяется морфологическим и семантическим критериями: двусложная артикуляция трифтонга наблюдается в тех случаях, когда нейтральный гласный входит в состав отдельной морфемы, также находится в составе иностранных слов и низкочастотных лексических единиц (например, терминологическая лексика). Перед аппроксимантом [r] разница между трифтонгом и дифтонгом может и вовсе нейтрализоваться [Jones, 2011: 7-8]. Среди носителей традиционного RP фиксируется монофтонгизация в трифтонге FIRE, а также у всех британцев-носителей АЯ в беглой речи [Upton, 2004: 227].

Следует также коснуться «новых» безударных гласных [i] и [u]. В труде, датированном 2004 годом, фонетист К. Аптон отмечает более напряженное и долгое звучание безударного гласного [ɪ] в HAPPY [Upton, 2004: 227]. Коллектив авторов 18 издания EPD отмечает, что появление ФСП [i] и [u] можно считать следствием нейтрализации качества долгих гласных [i:] и [u:], однако, в конце слов данные аллофоны выступают вариантами других фонем, [ɪ] и [ʊ]. В составных словах аллофон [i] сохраняется (*busybody*). Таким образом, статус безударных гласных [i] и [ʊ], реализуемых в конце слова, является спорным [Jones, 2011: 17].

Фонетисты П. Роуч, Дж. Сеттер и Дж. Эслинг выделяют ряд особенностей коартикуляции гласных. Так, монофтонг [æ] по сравнению с другими краткими монофтонгами звучит значительно дольше перед и согласными [b], [d], [g], [dʒ], [m], [n], [ŋ]. Сонанты звучат более кратко перед глухими согласными, к примеру, в *bead* гласный вдвое дольше, чем в *beat* [Jones, 2011: 8]. Кроме того, гласный дольше звучит в ударном слоге и укорачивается по мере увеличения слогов, таким образом, наиболее долгий гласный артикулируется в односложном слове [Шевченко, 2017].

Среди особенностей британского нормативного произношения авторы 18 издания «Словаря английского произношения» Д. Джоунза под руководством П. Роуча выделяют отсутствие поствокального [r], что влияет на произношение гласных, при ретрофлексном [r] в американском варианте (*car*: BBC [ka:], GA [ka:r]) [Jones, 2011: 6].

Согласно классификации МФА, согласные в АЯ делятся по месту образования на губно-губные (билабиальные), губно-зубные (лабиодентальные), межзубные (дентальные), альвеолярные, постальвеолярные, палатальные, велярные, гортанные (глоттальные). По способу образования преграды выделяют взрывные (пловивы), аффрикаты, щелевые (фрикативные), назальные и аппроксиманты.

Назовем некоторые особенности произнесения согласных в слове, а также рассмотрим позиционное варьирование аллофонов, связанное с коартикуляцией. Взрывные [p], [t], [k] обычно сопровождаются аспирацией, в частности, в начале слова перед ударным гласным, но в сочетаниях [sp], [sk], [st] теряют придыхание, а перед аппроксимантами произносятся как щелевые, или спيرانтизируются. Другой характеристикой, не указанной в транскрипции произносительного словаря EPD, является глоттализация. Так, после [p], [t], [k], в частности, если они

закрывают ударный слог, возникает глоттальная пауза (смыкание связок), как и в случае аффрикаты [tʃ].

В конце слова перед паузой может происходить глоттализация согласных [p], [t], [k], [tʃ]. Говоря об особенностях подсистемы согласных фонем, отмечается широкий диапазон вариативности реализации ФСП [t], в частности, замена согласного гортанной смычкой, которая присутствует в речи младшего поколения говорящих и заключается в артикуляции смычки вместо согласного на границе ударного и безударного слогов (*getting better* [geʔɪŋ beʔə]) [Jones, 2011: 10].

Будучи распространенной в нелитературных произносительных вариантах британского английского, субституция ФСП [t] гортанной смычкой все больше привлекает внимание исследователей. Несколько десятилетий назад замена [t]→[ʔ] не была свойственна RP только в интервокальной позиции в середине слова, однако, повсеместно фиксировалась в беглой речи перед согласным в таких типах коартикуляционного окружения, как [CʔC] и [VʔC]: *rat trap, postbox, tentpeg, catflap, Rottweiler* [Ramsaran, 1990: 181].

Мнения фонетистов относительно дистрибуции одноударного аллофона [ɾ] (flap/tap) не однозначны. Ряд исследователей фиксирует использование аллофона преимущественно в американском варианте АЯ [Eddington, 2007; Онищенко, 2018: 132]. Однако, мнения фонетистов расходятся: Л. Шокни отмечает реализацию [ɾ] в беглой речи во многих вариантах АЯ на территории Британских островов. В одной из вступительных статей к 18 изданию словаря EPD упоминается реализация еще одного аллофона ФСП [t]. Так, частым явлением для речи жителей юго-востока Англии выступает неполная фаза смыкания связок при артикуляции взрывных согласных после ударного слога перед безударным, что приводит к звучанию, подобному фрикативному звуку, при этом фаза размыкания связок становится неразличимой. Фонетист Л. Шокни указывает на данное явление как переход [t] в ретрофлексный [ʂ] ([mætə]→[mæʂə]) [Jones, 2011: 31].

Когда согласный [r] в британском варианте потенциально реализуется между гласными на стыке слов и отсутствует перед паузой, говорят о соединительном [r]. Интрузия [r] появляется в интервокальном контексте на стыке слов, однако, может также появляться в середине слова (*sawing* [sɔ:ring]). Несмотря на то, что данное явление присутствует в речи говорящих, оно все ещё многими считается «субстандартным», и поговаривают, что BBC все еще получают жалобы от слушателей на «*loranorder*» (вместо *law and order*) дикторов [Jones, 2011: 18]. К. Аптон отмечает, что интрузия [r] после нейтрального гласного в интервокальной позиции свойственна демократичному RP и не рекомендуется изучающим АЯ к усвоению [Upton, 2004: 227]. Авторский коллектив словаря EPD также не рекомендует обучающимся практиковать произношение с r-интрузией [Jones, 2011: 18].

Гортанная смычка также реализуется в качестве интрузивного согласного на границе слогов между двумя гласными, если второй гласный ударный: *deactivate* [dɪʔ'æktiveɪt]. Примечательно, что говорящие на trad-RP прибегают к использованию смычки переменной с целью избегания интрузивного [r]. Для носителей демократичного RP вставка [r] для разделения гласных является распространенной чертой. И наоборот, trad-RP реализует интрузию [r], когда в середине слова таким способом можно избежать неприемлемой гортанной смычки (в *drawing*) [Upton, 2004: 228].

Согласный [l] имеет два аллофона: «чистый» перед гласными и «темный» перед согласными или паузой [Jones, 2011]. Дж. Уэллс во втором томе труда «*Accents of English*», впервые опубликованном в 1982 году, говорит о реализации вокализованного аллофона [ɫ]→[u] в целом за пределами нормативного произношения, определяя L-вокализацию как черту, характерную для near-RP и pop-RP, однако, вокализованный аллофон периодически встречается в RP, в частности, после лабиального (*careful, table*) [Wells, 1982: 295]. L-вокализация не

рассматривается К. Аптоном в разделе «Received Pronunciation» (2004 г.), следовательно, не рассматривается ученым как присущая стандарту черта [Upton, 2004].

Следует уделить внимание явлению ассимиляции, которое выступает неотъемлемым свойством звучащей речи и влияет на артикуляционные признаки сегментов фонетической цепочки, проявляясь в коартикуляционных взаимодействиях звуков как в произнесении изолированных слов в чтении, так и – в наибольшей степени – в беглой неподготовленной речи. Наиболее частым явлением является изменение места артикуляции альвеолярных [n], [t], [d], как в *footprint* [t]→[p]. Аналогично, происходит изменение [s]→[tʃ] или [s]→[ʃ]. Подобная ассимиляция не обязательна. Если назальным [n] оканчивается приставка, действует морфологический принцип: если слово существует без приставки, ассимиляция факультативна, если приставка выступает неотъемлемой частью слова, ассимиляция является обязательной [Jones, 2011: 16-17].

Согласно мнению К. Аптона, аффрикатизация сочетаний [dj], [tj] свойственна демократичному RP в часто употребляемых лексических единицах. И, напротив, в редко используемых лексических единицах носитель демократичного RP будет артикулировать [ju] как [u], к примеру, в слове *pendulum* [Upton, 2004: 229]. В последнем издании произносительного словаря EPD (2011 г.) сочетания [dj], [tj] транскрибируются как аффриката в общеупотребительной лексике (*reduce*, *tune*).

К новым тенденциям, или инновациям, причисляют черты, свойственные «общепринятому» нормированному произношению (General RP), не большинству носителей нормы (по данным А. Краттендена, опубликованным в 2001 г.). Назовем некоторые из них:

1) монофтонгизация сужающихся дифтонгов: [ɪə], [ʊə] → [i:], [u:] (*beer*, *sure*); причем, [u:] конкурирует с [ɔ:];

2) делябиализация гласных [u:], [v] сочетается с их фронтированием, что приводит к артикуляции [i:], [ɪ] в словах *soon, good*, причем, продвижение долгого звука по ряду произошло гораздо раньше и причисляется к орфоэпической нормы;

3) артикуляция [r] без контакта кончика языка с альвеолами изначально свойственная ЕЕ распространена и в RP;

4) на супraseгментном уровне слишком часто встречается высокий восходящий тон в утвердительных предложениях говорящего, к примеру, когда он проверяет, слушает ли его собеседник.

К инновациям на грани принятия в RP ученый причисляет следующие:

5) вокализация непалатализованного («темного») [ɪ] → [v];

6) предударная и препаузальная глоттализация [t]: *go(t) ice* [Cruttenden 2001].

Перечисленные характеристики заимствованы образованными британцами у носителей Эстуарного произношения, что свидетельствует об изменении «снизу вверх», подпитывающем развитие британской литературной нормы. Корни инноваций уходят еще глубже к Кокни, лондонскому диалекту рабочего класса.

2.2.3. Особенности реализации разговорной формы нормативного произношения на сегментном уровне

Следует уделить внимание явлениям артикуляции, присутствующим в разговорной СР. Р. Клодвелл, чьему авторству принадлежит одна из вступительных статей к 18 изданию словаря EPD, справедливо отмечает, что произношение в СР отличается от произношения при чтении отдельных слов ритмической организацией высказывания. Качество ударности/безударности изменяется во всей фразе, что приводит к редукции гласных и нейтрализации качества и долготы гласного даже в ударном слого. Таким образом, «...нормой для произнесения слов в СР является их объединение в ритмичные взрывы,

состоящие из нескольких слов, единиц речевого потока, который по своей природе непрерывен, и имеют нескончаемые варианты для таких свойств, как скорость, громкость, высота интонации и тон. Слоги могут опускаться, первичное и вторичное ударение может становиться неуловимым, начальные, средние и конечные сегменты могут варьироваться в соответствии с отношением того или иного слова к своему окружению» [Jones, 2011: 20]. Так, слово, выученное только по форме изолированного чтения, может быть неузнаваемым в СР вследствие отсутствия ударения, поскольку в момент говорения от выбора информанта зависит, делать ли явным ударение на ударном слоге, или нет.

По мнению британской исследовательницы Л. Шокни, сокращения в СР вызывают значительные затруднения у собеседников, для которых АЯ не является родным. Носителями языка сокращения делаются неосознанно, при этом они обычно неохотно признаются, что говорят с сокращениями, дабы не показаться небрежными. Слитное произношение слов происходит в речи не только тогда, когда информант говорит быстро, несмотря на расхожий стереотип о том, что речь является более плавной в стремительном темпе [Shockney, 2011: 30].

Представляется возможным указать на два фактора, из-за которых существует тенденция к сокращениям в звучащей речи на АЯ: наличие сложных последовательностей согласных в структуре слогов, а также сильный контраст между ударными и безударными слогами. Учитывая то, что наиболее естественная для человеческой артикуляции структура слога представляет собой сочетание CV (гласный + согласный), и то, что в АЯ существует возможность функционирования слов со структурой CCCVCCC (к примеру, *scrimped* [skɹɪmpɪt]), выпадение и сокращение сегментов в потоке речи представляется естественным. При этом, согласные в заударном положении и/или в конце слова более склонны к опущению, чем начальные сочетания. К примеру, использование гортанной смычки в подобных случаях оправдано даже в формальных ситуациях и

используется носителями многих вариантов АЯ, выступая упрощением артикуляции, поскольку при субституции смычкой не задействованы никакие дополнительные органы речи, работа артикуляции заключается только в смыкании и размыкании голосовых связок, и сегмент по-прежнему является согласным [Jones, 2011: 30-31].

Кластеры согласных становятся уязвимыми в конце слогов, когда следующий слог также начинается с согласного, к примеру, *first place, cold plate*. В сочетании [nt] согласный [n/ŋ] выпадает, а предшествующий ему гласный назализируется (*can't go*). В некоторых служебных словах выпадения наиболее часты, к примеру, чаще всего отмечены в слове *and*. Межзубный звонкий [ð] не всегда артикулируется в полном качестве, когда ему предшествует альвеолярный согласный, но приобретает качество предыдущего звука, сохраняя при этом дентальность: *and then* [əŋ̥ en]. Часто в литературе упоминаются опускания начального [h] в личных местоимениях в сравнении с редким указанием опускания [ð] [Jones, 2011: 30-31].

Сочетания с *you, yes* в середине фразы могут произноситься с фрикативным согласным вместо аппроксиманта: *guess your weight* [gef:ə weɪt], *said yes* [sedʒes]. Кроме нейтрализации гласных в безударном положении может также происходить их полная редукция. К примеру, союз *and* имеет много вариаций в речи, к примеру, может быть произнесен как [ænd], [ənd], [ən], [ə̃] и даже [m], как в *eggs and bacon*.

Рассмотрим следующий пример преобразования акустической формы высказывания в крайней степени неполного стиля: в каноничной транскрипции (полном стиле) фраза «*And that's not all that's the matter*» [ænd 'ðætʰs nɒt 'ɔ:l ðætʰs ðə mətə] может значительно отличаться от произнесения в неформальном стиле речи: [n'æs nɒt 'ɔ:l ðætʰə 'mætʰə]. Так, в быстром темпе разговорной речи наблюдается как частое выпадение [ð] в артикле *the* и регрессивная ассимиляция

[ð] в указательных местоимениях *this, that*, так и аллофония альвеолярного смычного взрывного согласного [t], а именно, замена одноударным и ретрофлексным аллофоном.

Аллофоническая вариативность и потенциальные границы сокращений сегментов в беглой СР как правило не отображены в произносительных словарях, поскольку это потребовало бы как дополнительного использования символов, так и дополнительных знаний от читателя. Исключениями в ЕРД являются случаи использования диакритического символа для одноударного [t] для GA, велярного [x] для шотландских заимствований, обозначение назализованных аллофонов гласных в некоторых словах французского происхождения, включение безударных [i] и [u], которые авторы не выделяют в качестве отдельных ФСП. Тем не менее, осведомленность о подобных сокращениях является существенной для понимания речи носителей языка. согласимся с мнением фонетистов о том, что «...важно не только проверять произношение тех или иных слов в словаре, но и быть готовым к вариативности воспринимаемой речи – задействовать как глаза, так и уши» [Shockney, 2011: 31].

2.3. Характеристика британских масс-медиа с точки зрения социолингвистической вариативности

2.3.1. Функционирование языка в сфере масс-медиа

С середины прошлого века как отечественные, так и зарубежные ученые обращают внимание различные аспекты, дифференцируемые в парадигме функционирования языка в СМИ, что привело к активному изучению лингвостилистических, прагматических и функционально-семиотических свойств медиаречи. Такие исследователи, как А. Н. Васильева, Т. Г. Добросклонская, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева, Ю. В. Рождественский, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, Г. В. Степанов, Д. Н. Шмелев, А. Белл, Т. Ван Дейк,

М. Монтгомери, Н. Фейерклаф рассматривали проблематику языкового обеспечения процессов массовой коммуникации. Как отмечает С. В. Давыдова, структуре и содержанию медиаречи посвящены исследования, выполненные в рамках разных школ и направлений, а именно, в русле социолингвистики, прагматики, семиотики, психолингвистики, функциональной стилистики, дискурсивного анализа, контент-анализа, когнитивной лингвистики. Язык масс-медиа определяется автором как весь корпус производимых и распространяемых в СМИ текстов, функционирующих как устойчивая внутриязыковая система с определенным набором лингвостилистических свойств и признаков. Так, язык масс-медиа представляет собой специфическую знаковую систему смешанного типа, которой свойственно определенное соотношение вербальных и аудиовизуальных составляющих, присущих каждому СМИ (печати, радио, телевидению, Интернету) [Давыдова, 2011: 94].

Т. Г. Добросклонская отмечает, что расширение понятия «язык массовой информации» со временем привело к выделению в нем вербального и медийного (аудиовизуального) уровней. Рассмотрение языка СМИ как знаковой системы смешанного типа, сочетающей в себе вербальные и аудиовизуальные коды, позволило, в свою очередь, определить языковую специфику каждого конкретного средства массовой информации [Добросклонская, 2005: 11]. Исследователи приходят к мнению о том, что язык СМИ играет одну из первостепенных ролей в развитии языка, поскольку в первую очередь реагирует на способствующие развитию общества инновации и популяризирует новые названия и понятия. Обогащение словарного запаса языка с помощью иноязычных слов и заимствований из идиолектов также происходит через СМИ. В сфере масс-медиа постоянно происходит противостояние между языковой нормой, кодифицированным литературным языком, и наплывом нелитературной лексики (грубая лексика, просторечие, жаргон), избыточным употреблением иноязычных

слов, что является средством демократизации языка и тенденции к расширению границ нормы. Современные СМИ, в частности, сеть Интернет, удовлетворяют запросы слоев населения, которые не желают ограничиваться литературным языком как субкодом в сфере массмедиа. С. В. Давыдова отмечает, что «язык средств массовой информации влияет на речевой портрет современного поколения. Демократизация СМИ влечет неизбежное изменение повседневного, обыденного лексикона» [Давыдова, 2011; 96].

Таким образом, языковую составляющую сферы СМИ следует рассматривать неотъемлемо от аудиовизуального комплекса, или кода, который, наряду с вербальным, отражает современного человека, в том числе и с его речевыми особенностями.

2.3.2. Языковая специфика британских телевизионных жанров

Развитие британского телевидения началось с созданием вещательной компании в 1930-х годах, а BBC был единственным телеканалом, транслируемым на юге страны в 1936 году. Коммерческое телевидение начинает трансляцию в 1955 году с запуском канала ITV, а к 1982 году телезрителю предоставлялся выбор между BBC One, BBC Two, ITV и Channel 4. В наши дни аналоговые, цифровые, спутниковые и сетевые вещательные компании насчитывают около пятисот, из которых наиболее влиятельны и популярны BBC One, BBC Two, BBC Three, BBC Four. Многосерийная видеопродукция современного британского телевидения приспособлена к любому зрительскому вкусу и включает документальные программы, «мыльные оперы», детективы, реалити-шоу, экстремальные реалити-программы, молодежные комедии, игровые шоу, танцевальные соревнования, шоу талантов, ток-шоу, новости и передачи о спорте. Многие из перечисленных типов передач возникли в Великобритании и США и вдохновили на создание аналогов

другие страны мира, как, например, произошло с реалити-шоу «Big Brother» [Dwankowski, 2017; Мележик, 2009].

По мнению филологов, культурологов, журналистов, изучающих организацию и функционирование СМИ, британское телевидение имеет ряд уникальных особенностей. К примеру, в британском телевидении отсутствует реклама в течение выпуска телешоу, и даже после окончания эпизода зрителю будет продемонстрирован анонс будущих шоу либо предложена к просмотру информация о благотворительных кампаниях. Подобная структура вещания многосерийной продукции коренным образом влияет на содержание серий, ведь зрительское внимание нужно, с одной стороны, удержать, а с другой – соблюсти целостность повествования, которое длится, соответственно, на несколько минут дольше. Количество серий в одном сезоне драматического и комедийного сериала, как правило, не превышает шести, что, по мнению американских журналистов, крайне мало для продукции подобных жанров. Объяснение данной особенности состоит в том, что процесс создания британского многосерийного продукта отличается от американского. Американский сериал – результат продюсерского творчества, так как продюсер разрабатывает идею, персонажи и первый сценарий. Затем шоу передают в руки коллектива авторов, которые воплощают задуманное и развивают дальнейшие сценарии. Британская комедия – писательский жанр. Сценарий практически в каждом случае полностью написан и разработан одним или двумя авторами, затем коллектив актеров и специалистов по монтажу переходит непосредственно к съемке. Некоторые авторы выполняют и работу режиссера, что является крайне трудоемким процессом. Традиции британской комедии перерождаются в новые жанры, так, существует разновидность телешоу, где юмористы сидят друг напротив друга и соревнуются в остроумии. «Мыльные оперы», которые на американской почве часто имеют шуточный оттенок, в Великобритании подразумевают драматичность сюжета (одно из названий –

continuing dramas), и являются наиболее популярными передачами. Подобные шоу повествуют о неординарных судьбах средних жителей страны, часто выходцев из рабочего класса, и находят большой отклик у зрительской аудитории («East-Enders», «Coronation Street») [bbc.america, 2017].

Подобно телевидению, британский кинематограф имеет тесную взаимосвязь с театром и радио. Так, телеканал ВВС получил развитие на основе радиовещания, и в наши дни на национальном радио транслируются постановки, наиболее популярные из которых в дальнейшем становятся программами на ТВ. Значительное количество киноактеров совмещают игру на сцене театра, озвучивание документальных передач на ТВ, запись аудиокниг с исполнением ролей в кинофильмах, которые приобрели мировую популярность.

Необходимо отметить, что консервативные британские масс-медиа долгое время строго следили за произношением ведущих радио- и телепрограмм, а предъявляемым диктору основным требованием было отсутствие региональных произносительных черт. В наши дни на официальном сайте канала ВВС можно встретить высказывание о том, что зрители, слушатели и ведущие телеканала говорят с различными региональными акцентами, ни один из которых не лучше по своей природе, чем какой-либо другой. Единственным весомым препятствием для акцента является неразборчивость для понимания аудитории [bbc.co.uk, 2013].

Радиовещанию и телевидению в Великобритании изначально была отведена не только развлекательная, но и образовательная роль, и звучащие в СМИ региональные варианты считались признаком недостаточной образованности и являлись недопустимыми. Сегодня познавательные передачи, транслируемые на британских телеканалах, нацелены как на носителей АЯ, так и на тех, кто пользуется им в различных коммуникативных целях. Материалы для обучающихся вносят значимый вклад в развитие АЯ как лингва франка [Mayor, 2014].

Британскими лингвистами и психологами проводится ряд исследований, направленных на выявление воздействия СМИ на психологические особенности аудитории, формирование когнитивной репрезентации индивида, которую авторы называют идентичностью. Изучение роли масс-медиа в развитии личности свидетельствуют о том, что непрерывный поток информации, обеспечиваемый телевидением и сетью Интернет, служит для молодежи руководством по «социальному сравнению» [Aronson, Wilson, Akert, 2010]. Таким образом, аудитории, в частности, подростковой, постоянно приходится выбирать, какой личностью они хотят стать, на кого быть похожими, культивируя в себе стремление к подражанию, однако, без осознания того, что действительность, преподносимая масс-медиа, может быть искаженной [Worsham, 2011].

Интерес исследователей также привлёк вопрос о взаимодействии масс-медиа и системы языка как таковой. Британские фонетисты Дж. Стюарт-Смит, К. Тимминс, Гв. Прайс и Б. Гантер заинтересовались влиянием сериала «EastEnders», телевизионной «мыльной оперы», на возобновление тенденции к фронтингованию [ð] и L-вокализации в диалекте г. Глазго. Развитие данной тенденции в речи молодых шотландцев подводит к выводу о том, что северная молодежь начинает ассоциировать себя с жителями южного Лондона и подражает им, в то время как между данными социальными группами не существует ни географических, ни иных системных контактов [Stuart-Smith, Pryce, Timmins, Gunter, 2013: 509]. Адаптация вариантов речи, звучащей с телеэкранов к собственному произношению, подражание речи известных персонажей с экранов ТВ были описаны ещё в 80-х годах П. Традгиллом и в 90-х годах П. Керсуиллом. Существующие исследования наблюдают языковое изменение не только при прямых контактах групп населения вследствие географических или социальных диффузий, но также и дистанционно, под влиянием массовых коммуникаций.

Традиционно начало языкового изменения связывают с определенной социальной группой и/или определенным географическим регионом страны, однако более глубокий взгляд на ход такого изменения позволяет говорить о том, что стремительные изменения в системе языка представляются следствием совокупности факторов, срабатывающих одновременно. Таковыми могут быть как усиление возможностей географической мобильности, так и ассоциации смыслов, сформированных в том или ином социуме, коррелирующих с деятельностью человека в сообществе практики вплоть до развития социального самоопределения. О таком комплементарном факторе в процессе языкового изменения, как роли телевидения, заставляют задуматься схожие фонетические преобразования, одновременно происходящие на большом расстоянии друг от друга или их потенциального источника. О распространении языковых форм посредством СМИ говорят тогда, когда 1) ограничена возможность прямой коммуникации носителя и реципиента, 2) затрагивается грамматический уровень языка, 3) сообщество-преемник осуществляет перенос релевантных социальных смыслов на собственную почву [Stuart-Smith, Pryce, Timmins, Gunter, 2013: 509].

Работы, посвященные установлению положительных и отрицательных аспектов влияния телевидения и сети Интернет как самых популярных СМИ среди молодой аудитории, также обращают внимание на произносительный аспект языкового изменения. С одной стороны, просмотр любимых телешоу может способствовать усовершенствованию произношения. Однако, с другой стороны, лингвисты и журналисты высказывают мнение о том, что аудитория, предпочитающая просмотр реалити-шоу, рискует усвоить грамматически некорректную структуру предложений и бедный словарный запас, препятствующий дальнейшему развитию лексикона. Важность образовательной функции свойственна британскому телевидению с момента его появления, и в наше время высоко оценивается жителями страны. По мнению журналистки Леды

Дуглас из Лондона, реалити-шоу «культивируют примитивные сюжеты... Зритель оказывается втянутым в лексический кошмар, лишенный образовательного содержания, развивающего мышление» [Douglas, 2016].

В целом, следует отметить, что влияние масс-медиа на поведение внутри отдельных сообществ выступает объектом эмпирических исследований, обоснованных также с позиций психологической науки, что не отрицает противоречивости и недостаточной освещенности изменений, происходящих в системе языка под воздействием деятельности СМИ.

2.3.3. Место комедийного ток-шоу в системе жанров британских масс-медиа

Исследователи справедливо отмечают, что язык средств массовой информации (и язык телевидения в первую очередь) приобрел господствующее положение в иерархии сфер функционирования языка, вобрав в себя и ассимилировав ресурсы всех функциональных стилей, став моделью национальных языков. Изучению роли языка в сфере масс-медиа посвящены работы таких ученых, как А. Г. Акопян [2019], С. В. Давыдова [2011], Т. Г. Добросклонская [2005], В. И. Карасик [2002], Е. Г. Ларина [2004]. Однако, наиболее сосредоточенным на речевом аспекте человеческого взаимодействия как таковом, несомненно является жанр ток-шоу.

Как известно, ток-шоу называют вид телепередачи, в котором один или несколько приглашенных участников ведут обсуждение предлагаемых ведущим тем, нередко с привлечением зрителей в студии и у телеэкранов посредством вопросов из зала, телефонных звонков [Салихов, 2014]. Е. Г. Ларина, рассматривает ток-шоу как яркий динамичный спектакль [Ларина, 2004].

В фокусе внимания ученых такие аспекты изучения телевизионного дискурса ток-шоу, как риторические стратегии, используемые ведущими [Баранова, 2006], способы манипулирования ведущим психологической

дистанцией, гендерные аспекты комического на телевидении, особенности юмора в речи мужчин и женщин на материале ток-шоу [Саркисян, 2014], особенности дискурсивной организации. Тем не менее, исследованию вариативности произношения в рамках ток-шоу уделено недостаточно внимания.

Комедийные ток-шоу, подобные исследуемому нами «ШГН», имеют высокий рейтинг, характеризуются наличием особого формата, юмористическим характером, харизматичной личностью ведущего или ведущей, актуальностью обсуждаемых тем, популярностью среди телезрителей разного возраста. «Жанр ток-шоу является перспективным для исследования в силу того, что неизбежные и закономерные изменения в языке и культуре находят свое отражение в первую очередь в средствах массовой информации» [Саркисян, 2014: 3].

Популярность продукции комедийного характера в СМИ объясняется природным стремлением человека к смеху как психофизиологическому явлению и комедии как эстетическому. Помимо выполнения развлекательной роли, «с помощью юмора на телевидении можно контролировать и снижать социальную напряжённость, информировать и даже обучать, воспитывать, а также направлять жизнедеятельность людей» [Ремизов, 2016: 95]. Юмористический контент на отечественном телевидении представлен разнообразными жанрами, для российских и зарубежных комедийных передач существуют отдельные телеканалы. Отечественные комедийные шоу подразделяют на такие жанры, как скетч-шоу, эстрадное юмористическое шоу, ситуационная комедия («ситком»), стенд-ап (stand-up comedy show), развлекательные ток-шоу [Ремизов, 2016: 96-97]. Проявления комедийного в сфере масс-медиа исследуются как философское явление, однако проблематика языковых особенностей юмористических жанров недостаточно разработана. Дополним данную классификацию так называемым лейт-шоу (late night show), которые транслируются американскими и

европейскими телеканалами в вечернее или ночное время, предусматривая нацеленность на взрослую аудиторию.

Следует обратить внимание на то, что на данном этапе развития телевидение постепенно отходит от монологического типа вещания и становится преимущественно интерактивным, т.е. диалогическим, коммуникация осуществляется за счет канала двусторонней связи, участники процесса могут повлиять как на его ход, так и на результат [Саркисян, 2014]. Так, К. В. Баранова выделяет такую особенность ток-шоу, как наличие двойного адресата, которым являются интервьюируемые и массовый зритель [Баранова, 2006: 4]. О. Н. Саркисян говорит о том, что «структура развлекательных телевизионных ток-шоу отличается гибридностью, включая самые разные формы порождения комического: от монолога, комбинации монолога и видео, диалога до включения в ток-шоу различных невербальных средств, служащих вспомогательным инструментом создания комического эффекта» [Саркисян, 2014: 4]. Популярность ток-шоу объясняется их гибридностью, гармоничным балансом информативной насыщенности и психологической разгрузки, достигаемой за счет комического эффекта. Подобная комбинация является привлекательной для огромного количества молодежи, отдающей предпочтение развлекательному жанру, но также желающих идти в ногу с происходящим в окружающем мире. В то же время, формат комедийного ток-шоу требует дополнительного просмотра новостных каналов, поскольку бывает трудно понять юмор ведущих без фоновых знаний и фактической информации.

Анализ телевизионных программ "The Daily Show with Jon Stewart" и "Chelsea Lately" выявляет уникальную способность американских ток-шоу к жанровой гибридизации, где элементы новостей, развлечений и рекламы тесно переплетаются. Формат этих шоу отличается инновационной структурой, сочетая разнообразные подходы к задействованию аудитории: от монологов и

«псевдожурналистики» до интервью, использования невербальных сигналов, визуальных эффектов. Юмор в данных передачах достигается через пародирование акцентов, стилевых особенностей речи различных социальных групп, применение иронии, обращений, прямой речи, намеков, политической и общественной сатиры. Особое место занимают сатирические выпады в адрес знаменитостей и обывателей, где нередко используются остроумные оскорбления, нецензурная лексика, контрасты и противопоставления [Саркисян, 2014].

Язык ток-шоу является актуальным для изучения, поскольку, благодаря специфичной для подобных шоу правдивости в глазах аудитории, зритель верит в реальность гостей, их проблем и остроту обсуждаемых ситуаций, зачастую воплощающих политические или общественные проблемы [Tolson, 2014]. Основной ток-шоу является его жанровая сосредоточенность на самом речепроизводстве, на акте коммуникации. Слушатель сконцентрирован на той речи, которая раздается в студии, в центре внимания разговор между ведущим и гостями, преимущественно речь является способом привлечения внимания к той или иной знаменитости, способом межличностного взаимодействия и своеобразной самоцелью, поскольку комедийное ток-шоу зачастую лишено политического и социально мотивирующего подтекста.

Е. Г. Ларина подчеркивает, что явления устно-разговорной речи отличают стиль теледискурса от многих других, составляют главную особенность жанра ток-шоу. Включение элементов разговорности производит определенный коммуникативный эффект, «способствует установлению контакта между субъектами телевизионной коммуникации, привлекает и удерживает внимание телезрителей, вызывает познавательный интерес, подталкивает к размышлению и, следовательно, к диалогу между телекоммуникатором и аудиторией» [Ларина, 2004: 13].

Таким образом, ток-шоу является одним из самых популярных жанров развлекательных телевизионных передач, и единственным жанром, сосредоточенным на коммуникации между участниками. Личность коммуниканта в рамках ток-шоу раскрывается преимущественно через его речевое поведение, что привлекает внимание исследователей СР, позволяя выявлять корреляции между особенностями речевого поведения участников и тех социальных ролей, с которыми они себя отождествляют, а также наблюдать различия в гендерном и возрастном аспектах.

2.3.4. Особенности речевого поведения участников ШГН

Данная работа посвящена исследованию особенностей произношения участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортона» (далее – ШГН), в частности, специфике речи британских участников. По мнению телекритиков, «ШГН» это «английская версия ночного (late-night) ток-шоу, которая обязательно понравится всем любителям британского английского. <...> Ироничные, по-настоящему британские диалоги и отличная подборка гостей – все это ожидает вас на шоу Грэма Нортона» [Лучшие ТВ-шоу для изучения АЯ].

Трансляция «The Graham Norton Show» началась на канале BBC Two 22 февраля 2007 года, а в октябре 2009 года переместилась на BBC One, где по сей день транслируется каждую пятницу в вечернем эфире. Каждый выпуск шоу состоит из небольшого юмористического монолога ведущего, Грэма Нортона, продолжается беседой с гостями, англоязычными знаменитостями в сфере искусства, реже – политики – на «красном диване» до периода пандемии, с 29 мая 2020 года в целях соблюдения социальной дистанции гости сидят в креслах, расставленных полукругом, напротив зрителей. В период локдауна (с 10 апреля по 29 мая 2020 г.) ток-шоу не остановило вещание, а проходило в онлайн-формате, часто показывая знаменитостей в домашней обстановке. Так, в ток-шоу по сей

день связь с некоторыми гостями происходит в видеоформате, что облегчает участие знаменитостей, по тем или иным причинам не имеющих возможности присутствовать на записи шоу в студии, а также делает атмосферу еще более непринужденной и расслабленной.

Каждый эпизод завершается музыкальным выступлением, после чего исполнитель приглашается присоединиться к гостям и побеседовать, завершает шоу рубрика «Big Red Chair» – рассказ о смешном эпизоде из жизни гостя из аудитории, сидящего в отдельной комнате в большом кресле. В процессе рассказа гостям или ведущему разрешается решить, достаточно ли история хороша для того, чтобы позволить рассказчику уйти самому. В случае фиаско используется рычаг, который «роняет» кресло.

Обращаясь к «Шоу Грэма Нортон» представляется возможным получить представление о современном речевом поведении носителей британской ПН в жанре неформальной беседы, для которого характерно неподготовленное речепроизводство и неполный (разговорный стиль произношения). Некоторые исследователи полагают, что участники теледискурса осознанно снижают степень самоконтроля за своей речью, превращая данный процесс в стилистический прием. Е. Г. Ларина говорит о том, что «телевизионная речь, в которой наблюдаются элементы разговорности, не становится разговорной речью, а по своему строению напоминает разговорную речь» [Ларина, 2004: 8]. В рамках данного исследования является целесообразным подчеркнуть отсутствие тождества между понятиями «разговорность» и «спонтанность» речи. Так, речь участников «ШГН» является спонтанной, так как представляет собой импровизированную ведущим беседу, в которой он задает участникам как заранее обговоренные, так и неожиданные вопросы, и их реакция, порой замешательство и смущение, привлекает внимание аудитории, поскольку позволяет узнать ту или иную знаменитость как обыкновенного человека с его подлинными эмоциями.

Однако, разговорные элементы вводятся намеренно, осознанно, так как говорящие в совершенстве владеют нормативным вариантом британского АЯ и осознанно переключаются с одного стилистического кода на другой. Следует отметить также готовность гостей ШГН-знаменитостей обсуждать вопросы, связанные с происхождением, особенностями произношения и становления в профессиональной среде, что свидетельствует о положительном отношении к многонациональному разнообразию, и проявляемом рядом участников нежелании причислять себя к элите общества. Примечательно, что одной из отличительных черт женской речи на лексическом уровне является более частотное употребление сниженной лексики, чем у мужчин.

Ряд исследований ток-шоу посвящен анализу речи телеведущих. Ведущий программы — Грэм Нортон является шестикратным обладателем премии «BAFTA TV Award» в номинации «Best Entertainment Performance» и двукратным лауреатом «British Comedy Award» за лучшее комедийно-развлекательное ток-шоу. Исследователи, которые анализируют основную тактику ведения беседы Нортона, отмечают, что «он внимательно выслушивает ответы гостей программы, кивает головой и всем своим видом выражает заинтересованность, позволяя себе добавлять некоторые комментарии к речи участников. В общем, речь Г. Нортона можно охарактеризовать как грамотную, яркую и четкую. Его речь выразительна, доступна для понимания, доходчива, произношение и интонации в высшей степени правильны и ясны» [Гильмутдинова, Биктемирова, Самаркина, 2017: 12]. В то же время, ведущим используется «так называемый разговорный стиль речи, что делает его речь наиболее понятной для восприятия аудиторией». Авторы отмечают не только преобладание общеупотребительной лексики, сокращений, но и слов, имеющие в словарях пометку «бранное» (*moron, God damn it!*). «Следует отметить, что употребление таких выражений в эфире, использование разговорного стиля речи, приближенного к «реальной жизни», соответствует

концепции развлекательного ток-шоу, направленного на привлечение большого количества зрителей» [Гильмутдинова, Биктемирова, Самаркина, 2017: 12].

«Шоу Грэма Нортонa» – комедийно-развлекательное «late-show», поскольку юмор ведущего и участников нередко рассчитан на аудиторию старше 18 лет, что оправдано поздним временем трансляции. Так, «лейт-шоу» является юмористической программой разговорного жанра, выходящей в позднее время и подразумевающей наличие ведущего, гостей и аудитории. Одной из отличительных особенностей ШГН является разнообразие тем для обсуждения, что привлекает как гостей с множества стран мира, так и зрителей, даже не владеющих АЯ, которые смотрят ток-шоу с субтитрами или переводом на родной язык [Ильиных, 2019]. Непринужденная атмосфера и юмор ведущего, затрагивающий все сферы жизни, включая злободневные политические события, помогает раскрепоститься и выразить эмоциональный посыл участникам ток-шоу, что делает программу оригинальной и самобытной, и в то же время типично британской.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. На современном этапе развития языков на первый план выходит точка зрения на ту или иную форму языка с точки зрения ее функционирования в деятельностном аспекте. Различая понятия «социолект» как основную единицу социальной стратификации языка и «национальный вариант» как кодифицированную форму, в конце прошлого века лингвисты пришли к необходимости осмысления функционирования различных национальных вариантов АЯ для тех, кто пользуется им в различных целях. Данное осмысление привело к разработке концепции «мировых английских языков» с одной стороны, а с другой – пониманию ключевой роли сообществ, объединенных по признаку совместно осуществляемой деятельности, что отразилось в концепции сообществ практики.

2. Изменение языковой политики Великобритании в XX веке привело не только к возрождению национальных языков коренных народов страны, но и к переосмыслению роли АЯ. После выхода страны из Евросоюза носители АЯ, для продолжения консолидирующей миссии и сохранения концепции целостности в сознании британцев, становятся все более толерантными к разнообразию произносительных черт, проникающих в некогда консервативный стандарт из смежных территориальных и социальных диалектов. В то же время потеря оригинального диалектного произношения, усвоение жителями сельских районов новых городских акцентов приводит к диалектному выравниванию, или нивелированию, по всей стране.

3. Несмотря на то, что элитарность в культурном отношении является сегодня ничем иным, как клише, традиционно сложившаяся система социальных классов влияет на британское общество определенным образом, в частности, находя отражение в специфике форм языка того или иного социального класса. Каждому уровню социальной системы присущи формы языка, распространение

или затухание которых зависит от экономических, политических и культурных составляющих, что, в свою очередь, определяет уровень престижа данных форм.

4. Сформировавшийся к концу XVIII века произносительный стандарт RP с середины XX века постепенно оказывался под воздействием региональных форм, что привело к диверсификации, не выходящей за пределы нормативной парадигмы. Исследователи стали говорить о таких разновидностях стандарта, как консервативный, продвинутый, универсальный, и т.д. В последнем десятилетии прошлого века в Лондоне распространяется Эстуарное произношение, а язык аристократии приобретает негативную коннотацию.

5. Изменения, отмечаемые фонетистами, находят отображение в произносительных словарях и справочных изданиях, и имеют дескриптивный и рекомендательный характер. Лингвисты указывают на сдвиг гласных против часовой стрелки, тенденцию к сужению вокалического пространства, монофтонгизацией нисходящих дифтонгов, а также явления, свойственные беглой разговорной речи. Ряд данных явлений (элизия, редукция, выпадение согласных, аффрикатизация, сращение, ассимиляция) выступает неотъемлемым свойством звучащей речи и влияет на артикуляционные признаки сегментов фонетической цепочки, проявляясь в коартикуляционных взаимодействиях звуков как в произнесении изолированных слов в чтении, так и – в наибольшей степени – в беглой неподготовленной речи. Особый интерес представляет распределение черт, некогда не причисляемых к стандарту, в речи современных носителей нормативного произношения, аллофоническая вариативность и границы сокращений сегментов в быстром темпе.

6. Аудиовизуальный код, отражающий человека в СМИ, неотъемлем от вербальной, или языковой составляющей сферы масс-медиа. На смену консервативности британских СМИ пришло понимание того, что ни один региональный либо социальный акцент не является лучшим, чем какой-либо

другой, пока не препятствует пониманию аудиторией. Образовательная ориентированность телевидения проигрывает развлекательному контенту, в то же время, влияние телевидения продолжает быть настолько сильным, что не только воздействует на формирование когнитивной репрезентации молодежной аудитории, но и служит источником распространения языковых изменений.

7. Ток-шоу является одним из самых популярных жанров развлекательных телевизионных передач, и единственным в своем роде жанром, сосредоточенным на коммуникации между участниками. Личность коммуниканта в рамках ток-шоу раскрывается преимущественно через его речевое поведение, что привлекает внимание исследователей СР, позволяя выявлять корреляции между особенностями речевого поведения участников и тех социальных ролей, с которыми они себя отождествляют, а также наблюдать различия в гендерном и возрастном аспектах. Обращаясь к «Шоу Грэма Нортон» представляется возможным получить представление о современном речевом поведении носителей британской ПН в жанре неформальной беседы, для которого характерно неподготовленное речепроизводство и неполный (разговорный) стиль произношения.

ГЛАВА 3. СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЕ И ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕГМЕНТНОГО СОСТАВА ФОНЕТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ УЧАСТНИКОВ «ШОУ ГРЭМА НОРТОНА»

3.1 Программа и методы исследования

В исследовании проанализированы специфические черты реализации переменных сегментного состава фонетики британского варианта АЯ в речи участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» (ШГН), владеющих нормой – современной разговорной формой стандарта RP. Формат ток-шоу и его жанровые особенности предусматривают возможность наблюдать за речевым поведением носителей языковой нормы в неформальной обстановке, а также зафиксировать особенности разговорного стиля в SR.

Материалом исследования является речь британцев-участников юмористического ток-шоу «Шоу Грэма Нортон».

Корпус данных исследования составлен из фрагментов записей телешоу – записей звучащей речи знаменитостей, родившихся и обучавшихся в Великобритании, владеющих нормативным произношением, в котором диалектные маркеры либо отсутствуют, либо реализованы в минимальном соотношении. Участники эксперимента отобраны согласно критериям отнесенности к высшему среднему и образованному среднему классу (см. 2.1.3.), а также общей профессиональной деятельности, а именно, телеведущие, актеры театра и кино. Одним из критериев выступает минимальное соотношение элементов территориальных вариаций в произношении; тем не менее, традиционно ПН связана с югом страны, что объясняет связь участников со столицей: факт рождения или проживание (в прошлом, а также на данный момент) в Лондоне либо «Home Counties» – одном из юго-восточных графств.

Видеофрагменты и субтитры выпусков британского ток-шоу «The Graham Norton Show» отобраны методом сплошной выборки. Суммарная выборка насчитывает эпизоды ток-шоу, транслируемые в 2015 – 2023 гг. (всего 70). Общая длительность видеофрагментов, подлежащих анализу, составила 65 часов (имена информантов и номера выпусков ток-шоу приведены в Приложении 8).

Группы участников составлены в соответствии с их гендером и возрастом, выделены три возрастные группы: младшая от 22 до 35 лет, средняя от 38 до 58 лет, старшая от 70 до 85 лет, в каждой из которых есть подгруппы женщин и мужчин. Для каждого из участников отрезок речи в общем равен 10 – 12 минутам, и представляет от 8 до 15 реализаций каждой ФСП (исключая менее частотные дифтонги [ау], [яэ], насчитывающие от 3 до 5 лексем-реализаций). Суммарно эмпирический материал представлен 45305 реализациями переменных, а именно, 25155 согласных и 20150 гласных ФСП (318 минут звучащей речи).

3.1.2 Этапы и методы проведения исследования

Исследование выполнено с помощью общих научных и частных специализированных методов, нацеленных на выявление особенностей дистрибуции ФСП, дальнейшую систематизацию данных, социофонетическую и фоностилистическую интерпретацию результатов.

1. 1. Первый этап работы представляет собой отбор эпизодов комедийного телешоу с участием британцев, чья речь в полном стиле произношения (сценическая, торжественная, ораторская речь) признана британскими лингвистами и СМИ нормативной, максимально лишенной региональных черт, что выявлено с помощью анализа биографий участников шоу и критики их творчества в СМИ.

1. 2. Говорящие разделены на 6 групп по гендерному и возрастному показателям. Выпуски телешоу, содержащие записи монологов или диалогов, сгруппированы соответственно выделенным группам говорящих.

1. 3. Из полных выпусков отсегментированы фрагменты, содержащие максимально длинные монологи участников. К каждому фрагменту звучащей речи подобраны соответствующие субтитры, размещенные на сайте subsaga.com (по 2018 г. включительно), либо дополнены/составлены нами.

2. 1. Полученный текст транскрибирован с помощью сервиса phostransedit.com/online. В случае фиксации неоднозначных с точки зрения нормативности произносительных форм использован Кембриджский словарь (онлайн-версия www.dictionary.cambridge.org), а также произносительный словарь English Pronouncing Dictionary (EPD).

2. 2. На этапе фонетического анализа звучащей речи на основе фонематической транскрипции составлены две фонетических транскрипции: первая – аудиторными – профессиональными фонетистами по результатам перцептивного аудиторского анализа, вторая – по результатам электроакустического анализа спектрограммы аудиодорожки в программе Praat. Для анализа звуковых файлов в Praat видеофрагменты были преобразованы в формат flac. и сегментированы на более мелкие фрагменты (если это требовалось для облегчения процедуры), сгруппированы в программе Sony Vegas Pro 13.0.

2. 3. В процессе электроакустического анализа были получены частотные и темпоральные показатели сегментов (показатели формант гласных и некоторых согласных ФСП, долгота гласных, установление границ ядерного элемента и глайда у дифтонгов, дополнительные сведения о качестве звуков, к примеру, «затемнённость» аллофонов [l] для установления границ L-вокализации и т.д.).

3. Для выполнения следующего этапа исследования, а именно, обработки полученных данных и статистического подсчета аллофонов ФСП, был выполнен

ряд процедур по классифицированию и стратифицированию эмпирического материала.

3. 1. Для классификации полученных данных и удобства их подсчета были разработаны таблицы, объединяющие ФСП по таким признакам, как изменения долготы и качества, редукция гласных; глоттализация и иные субституции ФСП [t], L-вокализация, аффрикатизация, сращение и опускание [j], L-вокализация, опускание [h]. Также были отмечены другие явления, присущие звучащей речи: реализация интрузивных и соединительных согласных, ассимиляция, озвончение, оглушение, элизия, выпадение сегментов и слогов, кластеров согласных.

3. 2. Для регистрации значимых особенностей варьирования гласных ФСП значения формант гласных звуков фиксировались в таблице, после чего вычислялось среднее значение для каждой переменной у говорящих индивидуально, затем данные были усреднены для каждой группы. Составлены графики распределения стандартных вариантов реализаций ФСП для сравнения по возрастному и гендерному признакам. Также осуществлен подсчет аллофонов ФСП в различных контекстах для выявления количественных и качественных изменений реализации переменных. Все данные для удобства сравнения предоставлены в процентном соотношении.

4. Интерпретация полученных данных в социофонетической и фоностилистической парадигмах выполнена с использованием «Стандартных лексических наборов Уэллса» [Wells, 1982]. Осуществлен анализ произношения британцев-участников «Шоу Грэма Нортон», который представляет собой разговорный вариант произносительного стандарта, указаны релевантные корреляционные черты современного нормативного произношения RP, параметры которого описаны К. Аптоном и П. Роучем, основные тенденции произношения юго-востока Англии, основные данные об Эстуарном произношении, представленные в исследованиях У. Альтендорф и Д. Уатта. Современная

орфоэпическая норма отражена в пособии для изучающих британский вариант АЯ П. Роуча [Roach, 2009], а также в словаре EPD (18 издание) где отображены наиболее полные сведения о британском произносительном стандарте как в полном, так и в разговорном стилях произношения.

Выбор «Шоу Грэма Нортон» как источника материала обусловлен несколькими причинами. Жанр неформального интервью, в котором реализуется неполный стиль произношения, представлен не только аудиозаписями, но и видеоматериалами ток-шоу, в более полной мере регистрирующими поведение участников, что позволяет установить взаимосвязь между вербальным и невербальным уровнями коммуникации. Общение происходит в атмосфере дружеской беседы, юмористический характер вопросов ведущего нацелен на создание непринужденного разговора и провоцирует ответную реакцию знаменитостей и аудитории. На подобных шоу в телестудии, как правило, присутствует зрительская аудитория, и ШГН не является исключением. Периодически участники шоу обращаются к сидящим в зале зрителям, что располагает к ощущению неформальной атмосферы общения и сокращению психологической дистанции между говорящими и реципиентами. Так, ШГН является одним из наиболее известных передач в жанре комедийного лейт-найт шоу не только в Великобритании, но и на англоязычном телевидении во многих странах мира. Знаменитости, речь которых является материалом настоящего исследования, принадлежат преимущественно к высшему среднему классу британского общества.

3.2. Особенности реализации сегментного состава гласных ФСП в речи британцев-участников ШГН

Для того, чтобы охарактеризовать особенности британской ПН (contemporary RP), речь участников была проанализирована по следующим параметрам модификаций сегментного состава СР, обобщенным в Таблице 1:

Согласные ФСП	Гласные ФСП
1. Вариативность ФСП [t]	1. Монофтонги
2. Глоттализиция согласных (кроме [t])	1.1. Изменение долготы
3. Аффрикатизация, сращение и опускание [j]	1.2. Изменение качества
4. L-вокализация	1.3. Дифтонгизация монофтонгов
5. Опускание [h]	1.4. Редукция
6. Реализация интрузивных и соединительных согласных	2. Дифтонги
7. Ассимиляция, озвончение, оглушение согласных	2.1. Монофтонгизация дифтонга
	2.2. Варьирование элементов дифтонга
	2.3. Редукция
Явления, затрагивающие кластеры согласных и гласных ФСП: Элизия, выпадение сегментов, слогов и кластеров	

Таблица 1. Особенности реализации сегментного состава современной ПН АЯ (британский вариант)

3.2.1 Реализация гласных ФСП

3.2.1.1 Краткие монофтонги

3.2.1.1.1 ФСП краткий монофтонг КИТ

Монофтонг [i] реализован преимущественно стандартным вариантом (далее СВ) – ненапряженным гласным переднего ряда верхнего подъема (87-95%), 1-6% ФСП редуцировано, 4-7% реализаций выражено аллофонами. Наименьшее количество редуцированных и аллофонных реализаций выявлено в речи мужчин старшей группы, наибольшее – у женщин младшей группы (см. Приложение 3).

Средние значения формант F1 и F2 стандартных вариантов реализаций отображены в таблицах (см. Приложение 4) и представлены на графике. При

анализе групповых показателей наблюдается системное распределение частотных характеристик по гендерному и возрастному признакам.

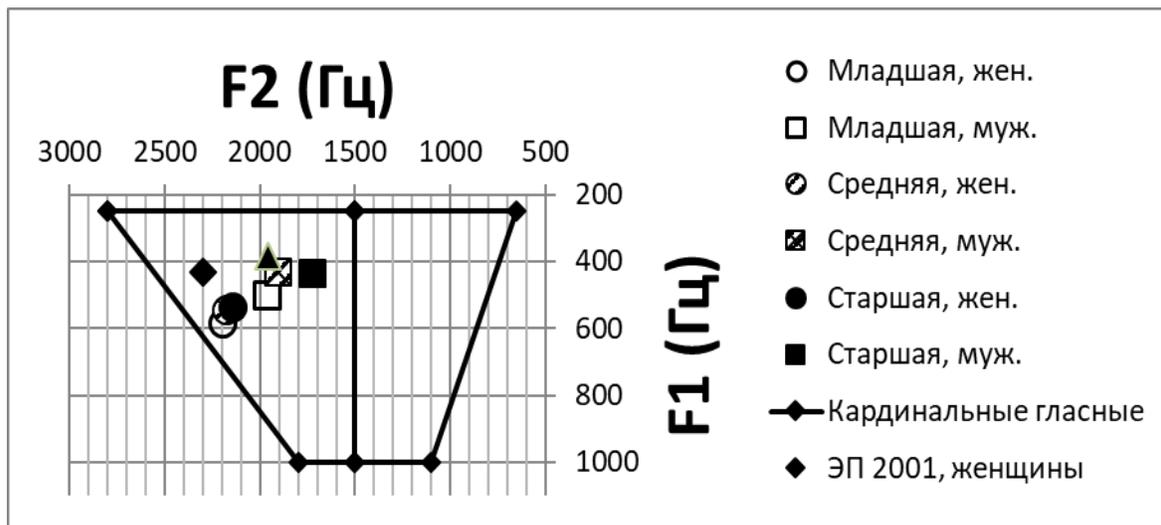

Рисунок 4 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга КИТ

Наиболее продвинутым и заниженным монофтонг [i] выступает в речи женщин младшей возрастной группы [i]. В средней группе женщин ФСП [i] выше по подъёму, несколько ближе к центру, в старшей группе отмечен вариант незначительно выше по подъёму и ближе к центру по сравнению со средней группой. Тенденция к повышению подъёма и отодвиганию по ряду характерна и для мужчин за исключением участников старшего возраста, которые реализуют ФСП более низким по подъёму вариантом, чем представители средней группы. Для ФСП [i] в большей степени характерна гендерная, нежели возрастная, вариативность. Среди мужчин старшая группа реализует ФСП наиболее отодвинутым к центру вариантом [i]. Значения ЭП ФСП [i] в целом отличаются от речи участников ШГН более продвинутыми по ряду и высокими по подъёму реализациями, что свидетельствует о тенденции участников ШГН к более открытому и более отодвинутому к центру вокалического пространства (далее ВП) произношению у женщин, у мужчин о более открытом произношении.

Отмечается незначительный диапазон аллофонического варьирования по признаку долготы, качества, а также качественно-количественные изменения. Более 1% реализаций продвинутых вариантов [i] и [i:] отмечено в младшей женской группе говорящих, 1-2% пониженных [e], [ɪ] во всех группах, дифтонгизированных по типу [eɪ] – 1% в средней женской группе. Наиболее статистически значимым (1%-4%) является отодвинутый к центру вариант [i̯].

КИТ	Всего аллофонов, %	[i:]	[i] [i:]	[ʊ]	[i̯]	[e], [ɪ]	[ɜ]	Дифтонгизир.		
								[i̯] [eɪ]	[ɪə]	[eə]
Мл. муж.	4	-	1	0,1	2	1	-	-	-	
Мл. жен.	7	-	1,6	0,4	2,1	2	-	0,4	0,2	
Ср. муж.	6	0,2	0,7	0,2	2,3	2	-	0,1	0,1	
Ср. жен.	5	-	0,2	-	1,2	2	-	1	0,2	
Ст. муж.	4	-	-	-	3,6	0,6	-	-	-	
Ст. жен.	5	-	-	-	3	2	-	-	-	

Таблица 2. Соотношение аллофонов КИТ в речи участников ШГН

Жители юга страны произносят гласный более открыто и ближе к центральному положению – в Лондоне [Altendorf, Watt, 2004: 188]. Дж. Уэллс говорит о ФСП как о полужакрытом отодвинутом гласном, в речи молодого поколения относимом скорее к гласным средне-верхнего подъема, более старшего – к полужакрытым (half-close) гласным [Wells, 1982]. Фонетист К. Аптон отмечает редукцию гласного в заударном слоге, нежели перед ударением: как в *horrible* и *significant*. Тем не менее, гласный не редуцируют в произношении окончаний -ed, -es и в ряде лексем, к примеру, в именах: *David* [Upton, 2004: 222].

3.2.1.1.2 ФСП краткий монофтонг DRESS

ФСП [e] выражена СВ, неогубленным гласным переднего ряда средне-верхнего подъема, в 95-100% случаев во всех группах, кроме женщин младшей

группы, в речи которых количество стандартных реализаций составляет 87%. В речи молодых женщин отмечено также наибольшее количество редуцированных ФСП (более 1%, в остальных группах менее 1%), при этом наибольший коэффициент аллофонической вариативности – 11%, тогда как в других группах аллофоны насчитывают лишь до 4% от всех реализаций.

Системное распределение ФСП [e] характеризуется гендерной и возрастной вариативностью: у женщин, как и у мужчин, открытые аллофоны находим в СР молодежи, в СР старшего поколения артикуляция максимально закрыта (женщины). В СР участниц старшего поколения переменная традиционно максимально продвинута и близка к ЭП. Тенденция участников средней группы проявляется в более открытой и близкой к центру ВП артикуляции, что усиливается в речи молодежи. У молодых мужчин также отмечено продвижение ФСП к центру, и в меньшей степени, чем у женщин, наблюдается более открытая реализация ФСП [e].

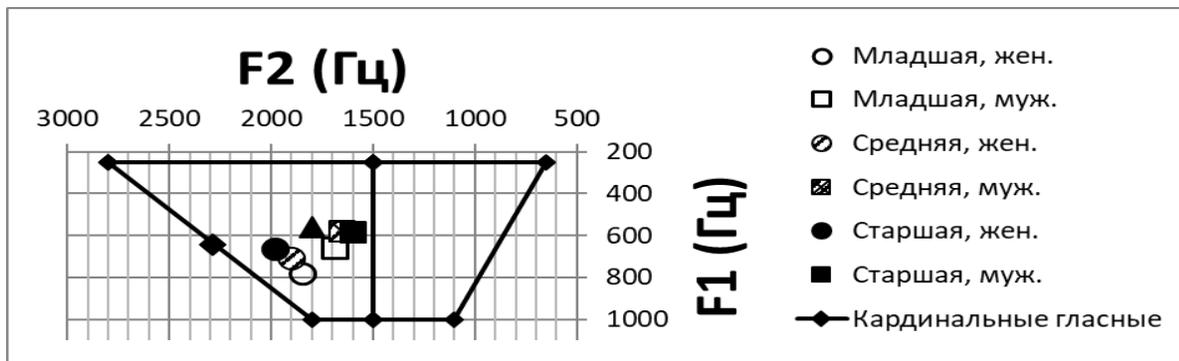

Рисунок 5 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга DRESS

Аллофоны ФСП [e] имеют как количественные (изменение долготы гласного [e:] – менее 1%, преимущественно у женщин), так и качественные изменения: продвижение по признаку подъёма вверх к [i] – менее 1%, стремление к открытой отодвинутой артикуляции – до 2% (варианты [ɛ], [ɛ̃], [æ]), с наибольшим соотношением аллофона [a] (3,4%) в речи молодых женщин. Тенденция к отодвиганию по ряду к закрытому [u] отмечена в речи женщин всех

групп (более 1-3%). Только у женщин младшей возрастной группы зафиксированы дифтонгизированные варианты в направлении сужения глайда ([æ]/[æe:]/[ɪe]/[eə]). По направлению от центра к периферии ВП реализации дифтонгизированными вариантами [ea], [e^a] незначительны.

DRESS	Всего аллофонов, %	[e:]	[ɪ]	[ɜ], [ɛ], [æ]	[a]	[u] [au]	[æe] [æe:] [ɪe] [eə]	[ea] [ea]
Мл. муж.	1,5	0,6	0,3	-	-	-	-	0,6
Мл. жен.	11,5	0,6	-	1,7	3,4	2,8	-	0,6
Ср. муж.	2	-	-	0,8	1,2	-	-	-
Ср. жен.	4	-	0,4	0,8	0,4	-	-	-
Ст. жен.	4	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 3. Соотношение аллофонов DRESS в речи участников ШГН

В нормативном АЯ гласный выступает кратким монофтонгом переднего ряда [Roach, 2009]. Дж. Линдси отмечает артикуляцию DRESS как [ɛ] в современной ПН [Lindsey, 2019: 19]. Положение ФСП DRESS определяют в диапазоне от полуоткрытого подъема до не достигающего до полузакрытого, также К. Аптон и др. говорят о «general lowering» – более открытой артикуляции монофтонгов переднего ряда в RP вслед за южно-британскими акцентами [Upton, 2004: 222; Altendorf, Watt, 2004: 188]. Данная мысль подтверждается результатами исследования СР участников ток-шоу.

3.2.1.1.3 ФСП краткий монофтонг TRAP

Монофтонг [æ] представлен СВ в 71-92% от всего количества реализаций, из которых редуцированных вариантов 1-7% (минимально в СР юношей и женщин старшей группы, равномерное распределение в остальных группах). ДВ максимален у женщин средней и младшей возрастных групп: 31% и 23%, в СР мужчин средней группы: 18%.

Монофтонг [æ] реализован средне-открытым гласным, в речи женщин артикулирован ближе к переднему ряду, а у мужчин отодвинут к центральному ряду. По подъёму гласный варьируется по возрастным и гендерным показателям, так, у женщин младшей и средней групп отмечены наиболее низкие варианты, в средней группе мужчин – наиболее высокие и близкие к ЭП по подъёму. Реализация ФСП старшими женщинами по значению близка к ЭП по ряду и реализована наиболее продвинутыми вариантами, однако выше по подъёму, что указывает на более консервативное произношение. Представляется возможным говорить о тенденции к более закрытому и отодвинутому назад по сравнению с ЭП монофтонга. У мужчин артикуляция ФСП близка к средне-открытому центральному гласному [ɐ]. Женщины младшей группы используют наиболее открытый вариант, менее чем на 100Hz отличающийся от ЭП, однако, аналогично мужчинам, артикулируют гласный как отодвинутый назад, наиболее близкий к [ä]. У участников младших групп гендерный аспект вариативности наименее выражен (см. Рисунок 6).

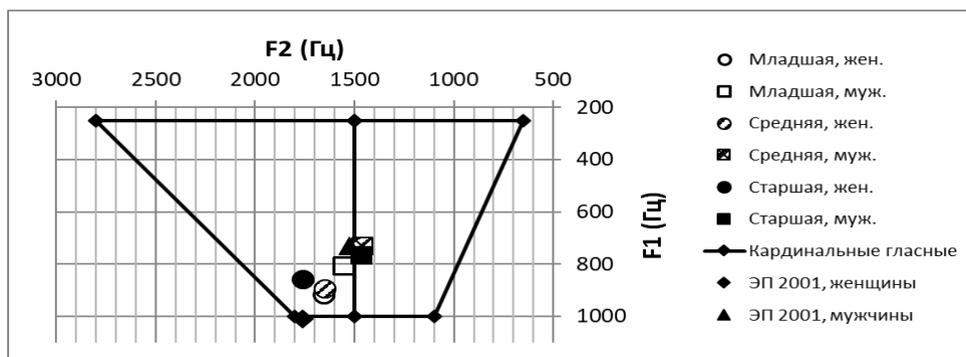

Рисунок 6 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга TRAP

Характеристика аллофонической вариативности монофтонга [æ] отображена в таблице. Так, зафиксированы следующие виды аллофонов, среди которых наиболее значительный коэффициент имеют следующие варианты:

- количественные: [æ:] в наибольшем количестве у мужчин средней возрастной группы (более 2%);

- качественные: [ɪ] в СР молодежи до 1%; [a], [ɐ] у всех участников, максимально в СР девушек: 20%, женщин средней группы: 26%; в СР мужчин средней группы превышает 14%;

- качественно-количественный [a:]: в СР женщин младшей и средней групп;

- дифтонгизированные [ae], [aæ]: в речи молодежи до 1%; спорадичны варианты [æ:^a], [æɪ].

Наибольшим количеством реализаций представлен открытый отодвинутый к центральному ряду аллофон [a/ɐ], распределенный с самыми высокими значениями в младшей женской, средней женской и средней мужской группах. Увеличение длительности монофтонга при стабильной артикуляции [æ:], [a:] встречается у участников средних групп, юношей и пожилых женщин, тогда как в СР молодежи более популярны дифтонгизированные варианты: до 2%, как и в СР пожилых мужчин: до 3%.

TRAP	Всего аллофонов, %	[a], [ɐ]	[æ:]	[a:]	[æ:a]	[æɪ]	[ʌ ^w]	[ae] [aæ]	[ɪ]
Мл. муж.	10	8	0,5	-	-	-	-	0,5	1
Мл. жен.	24	20	-	1	1	-	-	1	1
Ср. муж.	17,5	14,5	2,5	-	-	-	0,5	-	-
Ср. жен.	30,5	26	2	2,5	-	-	-	-	-
Ст. муж.	5	2,5	-	-	-	2,5	-	-	-
Ст. жен.	5,4	3,6	1,8	-	-	-	-	-	-

Таблица 4. Соотношение аллофонов TRAP в речи участников ШГН

П. Роуч отмечает, что гласный переднего ряда [æ] следует артикулировать не так открыто, как кардинальный гласный [a] [Roach, 2009]. А. Краттенден полагает, что некогда полуоткрытый [æ] приобрел открытое качество, и предлагает знак [a] для гласного нижнего подъема [Cruttenden, 2014].

Сравнение показателей F1 долгих и кратких монофтонгов нижнего подъема выявляет максимальную степень открытой артикуляции ФСП TRAP в речи участников ШГН (см. Приложение 5). Все говорящие произносят ФСП как

открытый монофтонг: мужчины как [ɐ] среднего ряда, женщины – [ä] средне-переднего положения.

Относительно изоморфным представляется распределение показателей ряда (F2) для TRAP и LETTER: аналогично с [æ] безударный гласный продвигается в СР женщин, а в мужской речи отодвигается к среднему ряду (см. Приложение 5).

Понижение монофтонгов переднего ряда, а именно, приближение ФСП TRAP в речи молодежи к [a] является одним из «классических сдвигов», как в ПН, так и в субстандартных акцентах [Upton, 2004]. Открытый монофтонг TRAP многими воспринимается как «северный» звук. Кроме того, в северных акцентах нет открытого [ʌ], поэтому южане путают на слух TRAP и STRUT [Kerswill, 2002: 201]. Дж. Линдси отмечает общую тенденцию к понижению ФСП в современном произношении [Lindsey, 2019: 19].

3.2.1.1.4 ФСП краткий монофтонг LOT

ФСП [ɒ] реализована СВ в большинстве случаев (88%-96%), подвергаясь редукции в речи средней группы мужчин в наибольшем соотношении (4,26%), и в наименьшем – в речи информантов старшего возраста. Аллофония отмечена в наибольшем проявлении (до 9%) у молодых женщин и в старшей группе мужчин.

Средние качественные показатели формант гласного указывают на единообразие артикуляции монофтонга в экспериментальных группах. Общий коэффициент варьирования по форманте F1 составляет всего 104 Hz (от более высокого подъёма у мужчин средней группы к наиболее открытому у женщин младшего возраста), а по F2 – 124 Hz (от более отодвинутых реализаций у мужчин средней группы к наиболее продвинутым у женщин младшего возраста). В сравнении с ЭП информанты-участники ШГН проявляют тенденцию к более открытой и фронтальной артикуляции, среди которых лидируют младшая и средняя группы женщин, что продемонстрировано на Рисунке 7.

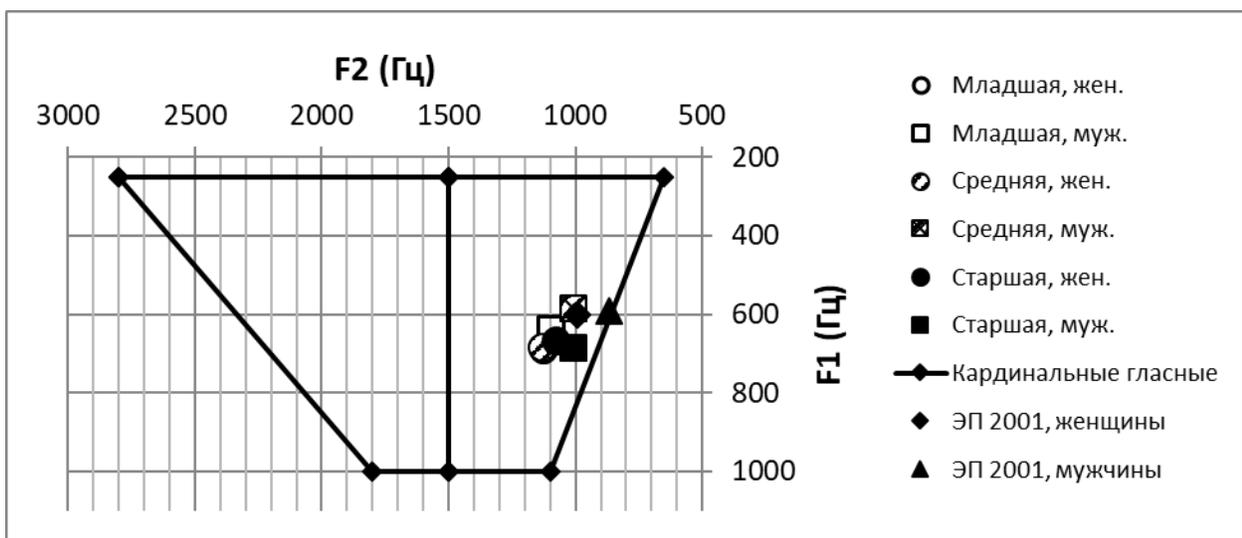

Рисунок 7 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга LOT

Варьирование монофтонга [ɐ] характеризуется незначительными количественными показателями, в речи старших информантов не выявлено. В речи информантов-женщин младшей и средней групп зафиксировано до 9% и 6% аллофонов соответственно. Качественное варьирование ФСП свойственно речи всех информантов-участников ШГН. Так, в речи информантов неогубленный несколько продвинутый вариант [a/a] превалирует у мужчин старшей группы (более 8%). Информанты младших групп используют повышенные варианты, близкие к [o/o], а молодые женщины в равном количестве реализуют еще более высокий вариант, близкий к [u] и дифтонгизированный [ɔə] (до 2%). Женщины средней группы склонны заменять СВ аллофоном, расположенным ближе к центру ВП, т.е. продвинутым по ряду и завышенным [ɛ] (до 2%). В речи информантов средней возрастной группы монофтонг [ɐ] варьируется количественно с изменением напряженности и сохранением стабильности артикуляции ([ɐ:]).

LOT	Всего аллофонов, %	[a] [ʌ]	[ɔ] [ɐ]	[ɛ]	[æ]	[u]	[ɐ:]	[ɔə]	[əʊ]	[ɐ:ə]
Мл. муж.	2,5	1	1	0,5	-	-	-	-	-	-
Мл. жен.	9	2	1,5	-	-	1,5	-	2	0,7	0,7
Ср. муж.	5	1	-	-	0,5	-	3,2	-	-	-

Ср. жен.	6	0,6	-	1,8	-	-	3	-	-	0,6
Ст. муж.	8,5	8,5	-	-	-	-	-	-	-	-
Ст. жен.	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 5. Соотношение аллофонов LOT в речи участников ШГН

К. Аптон указывает на вариативность по признаку подъема в артикуляции ФСП от открытого до несколько завышенного лабиализованного гласного заднего ряда в зависимости от варианта RP [Upton, 2004]. П. Роуч говорит о некоторой продвинутой ФСП к среднему ряду и артикуляцию между открытым и средне-открытым положением по признаку подъема [Roach, 2009]. Участники ШГН в целом реализуют монофтонг с менее открытой артикуляцией, чем долгий монофтонг BATH (средне-открытый гласный). Отмечают более закрытую реализацию LOT в современной ПН, в речи молодежи близкий к кардинальному [ɔ], тогда как пожилые англичане предпочитают промежуточный между кардинальными [ɔ] и [ɒ] [Wikstrom, 2013]. Дж. Линдси говорит о более закрытом LOT ([ɔ]) [Lindsey, 2019: 20]. В классическом RP LOT ближе к BATH (при $F1 \geq 600 \text{ Hz}$), а в речи южан – к THOUGHT ($F1 \leq 600 \text{ Hz}$) [SBE]. О сохранении традиционного произношения ФСП в общем говорит ДВ участников ШГН ФСП LOT $F1 = 586-690 \text{ Hz}$.

3.2.1.1.5 ФСП краткий монофтонг STRUT

Краткий монофтонг [ʌ] реализован преимущественно СВ – средне-открытым гласным центрального ряда. В речи информантов старших групп не отмечено редуцированных вариантов, в речи всех остальных информантов, кроме женщин младшей возрастной группы, редукция не превышает 1%, а замена аллофонами – до 2%. В речи женщин младшей группы гласный редуцируется в 3% случаев и субституируется аллофонами до 9%.

Наиболее фронтирован и близок к ЭП гласный в речи женщин средней возрастной группы, наиболее открытым гласным ФСП реализована в речи молодых женщин. Мужчины артикулируют монофтонг единообразно (F1 в пределах 40 Hz, F2 – 58 Hz) – как более закрытый и отодвинутый назад по ряду к гласному [ɔ]. Реализация монофтонга мужчинами старшей и средней групп незначительно отличается от ЭП.

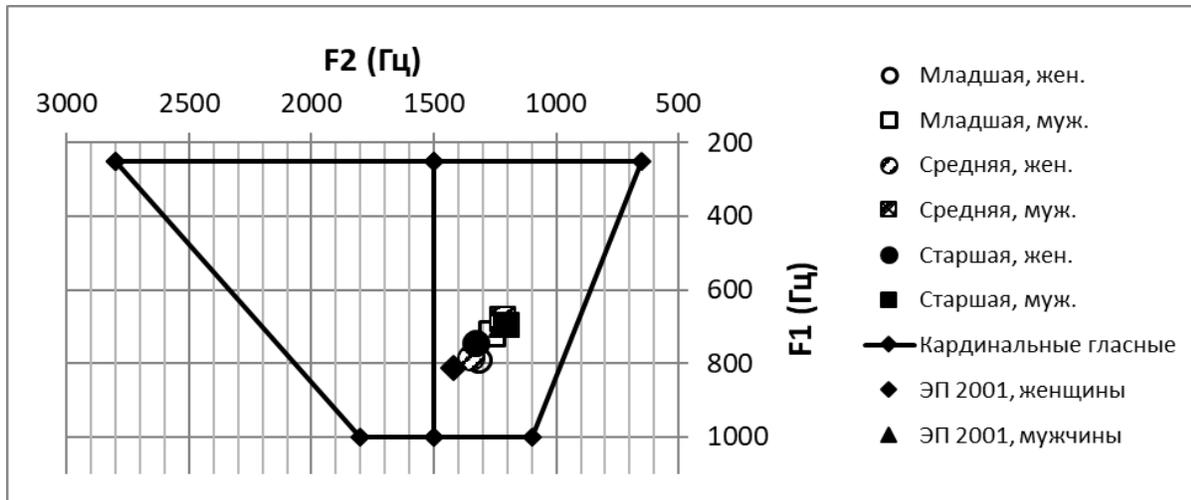

Рисунок 8 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга STRUT

Нестандартные варианты ФСП выражены в СР молодежи количественно: долгим [ɛ:], у женщин до 5% случаев, качественно: продвинутым до [a] в СР девушек ≤ 4%; закрытым до [o] в СР остальных женщин ≤ 2%; в иных случаях системное распределение нестандартных реализаций ФСП отсутствует.

STRUT	Всего аллофонов, %	[ɛ:]	[ɛi]	[a]	[o]
Мл. муж.	1,2	0,6	0,6	-	-
Мл. жен.	9	5	-	4	-
Ср. жен.	2	-	-	-	1,3
Ст. жен.	2	-	-	-	2

Таблица 6. Соотношение аллофонов STRUT в речи участников ШГН

Монофтонг STRUT определяют как средне-открытый среднего ряда неогубленный гласный. П. Роуч классифицирует монофтонг как центральный, но более открытый, чем средне-открытый [Roach, 2009: 14]. К. Аптон указывает на

продвинуто к центру ВП и понижение гласного, отмечая, что с усилением этих признаков артикуляция STRUT и TRAP пересекается. Существует тенденция к отодвиганию и повышению монофтонга, но не более, чем до уровня полужакрытого (half-close) повышенной разновидности (advanced position). Вариативность ФСП является одной из основных отличительных черт между северными и южными диалектами. В речи лондонцев и южан ФСП STRUT схож с [ɐ] и близок к середине ВН, при этом признак долготы [ʌ]~[ɑ] выступает также дистинктивным [Upton, 2004: 188]. В свою очередь, монофтонги TRAP, STRUT и BATH имеют различный подъем и образуют на трапеции единую траекторию [SBE]. Все участники ШГН реализуют [ʌ] и [ɑ:] более закрыто, чем [æ], с наиболее закрытой артикуляцией [ʌ] женщинами младшей и средней групп. В книге «English after RP» фонетист Дж. Линдси говорит о центральном положении STRUT в раннем RP (исходя из обозначения [a] в трудах Г. Суита), однако, большей ретардации монофтонга в современном произношении, чему в полной мере соответствует обозначение [ʌ].

3.2.1.1.6 ФСП краткий монофтонг FOOT

Монофтонг FOOT проявляет наиболее высокую степень вариативности в ряду кратких монофтонгов. Информанты из младших групп имеют максимальные показатели редуцированных вариантов, на 10% меньше показатели в средних группах мужчин и женщин соответственно, у старших информантов редуцируются до 2% ФСП; соотношение субституций аллофонами в речи молодых женщин отмечено в наибольшей степени.

При статистическом анализе значений формант монофтонга было установлено, что при единообразном распределении значений форманты F1 (кроме старшей группы мужчин), количественное значение F2 представляется возможным разделить на две группы. Так, ФСП FOOT выражена двумя

основными аллофонами [ɤ] и [ʊ]. В таблице FOOT+ (см. Приложение 4) и на соответствующем графике (см. Рисунок 7) отображены данные о распределении продвинутого вперед аллофона [ɤ] (огубленный гласный среднего ряда средне-верхнего подъема).

Наиболее продвинутым вариантом [ɤ] (по ряду близок к средне-переднему [e], по подъему близким к полузакрытому [ɪ]) монофтонг реализуется в речи молодых мужчин, менее продвинутым, но более открытым – в речи молодых женщин [ɤ̃]. В остальных группах продвинутая разновидность монофтонга реализуется ближе к центральному ряду: у женщин средней группы как более открытый гласный [ɤ̃], у мужчин средней и старшей групп – как более закрытый [ɤ].

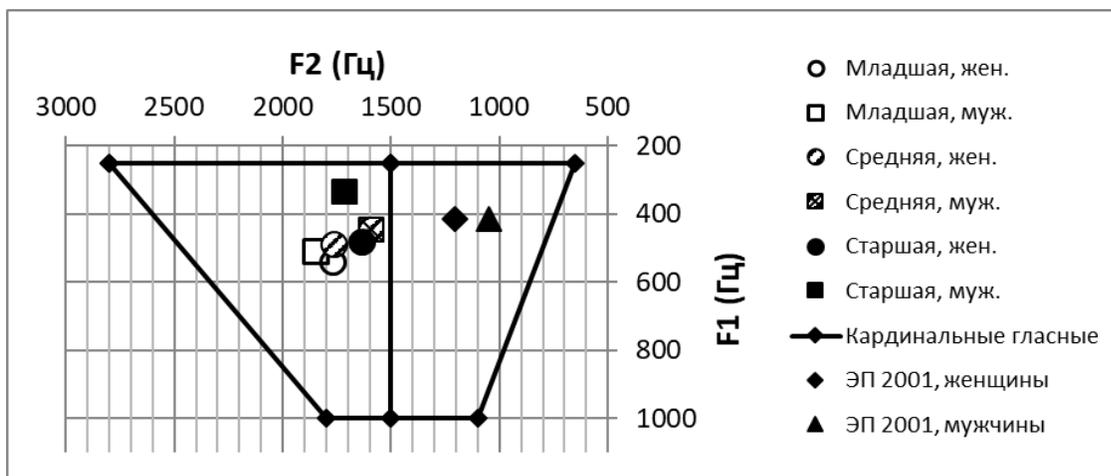

Рисунок 9 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга FOOT+

Отодвинутая (традиционная) разновидность монофтонга FOOT артикулируется как закрытый/средне-закрытый заднего ряда/центральный отодвинутый к заднему ряду монофтонг. Следует отметить, что в речи молодых женщин ни один из двух основных вариантов ФСП FOOT более не артикулируется как гласный заднего ряда.

Исходя из группового распределения средних показателей формант аллофона FOOT-, представленного на графике, следует ряд выводов:

- мужчины всех исследуемых групп имеют схожую артикуляцию ФСП;
- женщины средней и старшей группы имеют незначительные отличия в артикуляции аллофона;
- молодые женщины произносят аллофон как наиболее открытый и наиболее сдвинутый к центру ВП гласный;
- ФСП традиционной (отодвинутой к заднему ряду) разновидности у всех информантов реализована как более сдвинутый к центральному ряду гласный по сравнению с ЭП. Кроме того, у всех информантов произношение более открытое по сравнению с ЭП: у мужчин – менее, у женщин более чем на 100 Hz.

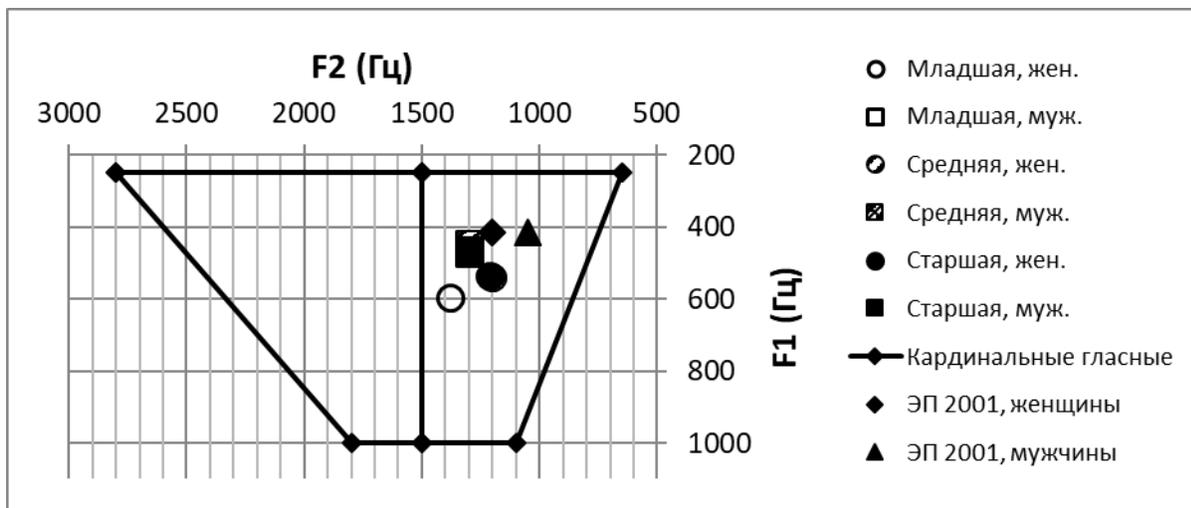

Рисунок 10 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга FOOT-

Среди субституций ФСП аллофонами статистически значимым выступает продвинутый к нейтральному неогубленный (около 6% у мужчин старшей группы, в остальных группах, кроме юношей, в соотношении 2-4%), продвинутый вперед неогубленный (составляет у всех участников от 1 до 5%, кроме мужчин старшего возраста). По долготе монофтонг варьируется в речи всех участников кроме пожилых женщин; при замене [ʊ] → [u:] до 4% в СР мужчин, фронтированным [ɥ:] от 0,5% до 2,5% в речи остальных информантов. Дифтонгизированный [ou] составляет около 3% реализаций в СР девушек.

Субституция более открытым огубленным монофтонгом [ɔ] наблюдается у женщин младшей и старшей групп.

FOOT	Всего аллофонов, %	[ɪ], [i]	[u:]	[u-ʊ]	[i]	[eu], [ou], [iu]	[ɔ]
Мл. муж.	7	3,6	0,9	1,4	-	0,9	-
Мл. жен.	16	5	1,2	2,4	4,2	3	0,6
Ср. муж.	5	1,5	1	1	1	0,5	-
Ср. жен.	7	2,6	1,6	0,5	2,6	0,5	-
Ст. муж.	10	0	4	-	6	-	-
Ст. жен.	9	1,3	1,3	-	2,6	1,3	2,6

Таблица 7. Соотношение аллофонов FOOT в речи участников ШГН

Традиционно принято классифицировать ФСП FOOT как полузакрытый заднего ряда огубленный гласный. Исследователи отмечают тенденцию к фронтированию гласного в Лондоне и южных диалектах. Так, Дж. Уэллс отмечает продвижение и понижение до средне-закрытой артикуляции [ʊ/ö/ø] [Wells, 1982], ряд исследователей десятилетием позже указывают на продвижение до переднего ряда [Ø] – [y] [Willams, Kerswill, 1999]. К. Аптон отмечает, что во всех типах RP гласный реализуется как огубленный полузакрытый и продвинутый [Upton, 2004: 188]. Согласно классификации П. Роуча, монофтонг FOOT более открыт и более близок к центру ВП, чем кардинальный [u] [Roach, 2009]. Дж. Линдси определяет [ʊ] в FOOT и CURE как гласный центрального ряда [Lindsey, 2019: 20-21]. Участники ШГН демонстрируют склонность к фронтированию гласного, что подтверждает тенденцию выравнивания южных диалектов и проникновение в произносительный стандарт региональных южно-британских форм.

3.2.1.2 Долгие монофтонги

3.2.1.2.1 ФСП долгий монофтонг ВАН

Долгий монофтонг [ɑ:] реализован как неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема и не редуцируется в речи информантов, кроме того, имеет

невысокое соотношение реализаций аллофонами. Так, субституции СВ отмечены только в речи молодых информантов и в средней мужской группе, с наибольшим количеством у молодых женщин (до 8%).

Количественные значения формант долгого монофтонга позволяют установить, что его положение выше по подъёму ($F1=718-839$), чем ФСП TRAP ($F1=732-918$). Таким образом, ФСП BATH более закрыт и близок к ФСП LOT ($586-690$), чем TRAP, а по признаку ряда ($F2=1098-1237$) более продвинут, чем THOUGHT ($F2=826-961$) и LOT ($F2=1007-1131$), но ближе к заднему ряду, чем обе разновидности GOOSE (наиболее близкое к заднему ряду значение $F2=1117$), см. Приложение 4, 5.

Девушки и женщин средней группы реализуют ФСП с более открытой артикуляцией; закрытость и ретардация артикуляции (уподобление [ɔ:]) намечается у участников средней возрастной группы. Произношение участников ШГН, в основном, отличается от ЭП не более, чем на 100 Hz $F1$; по показателю $F2$ у юношей значение форманты $F2$ на 133 Hz превышает ЭП, т.к. аллофон незначительно продвинут. Следует отметить выраженную гендерную вариативность: пожилые участники и участницы шоу произносят ФСП более схожим образом, чем остальные информанты, противопоставленные в гендерном аспекте. ЭП женщин незначительно отличаются по подъёму от показателей женщин старшей группы, ЭП мужчин близки как к показателям средней, так и старшей мужской группы.

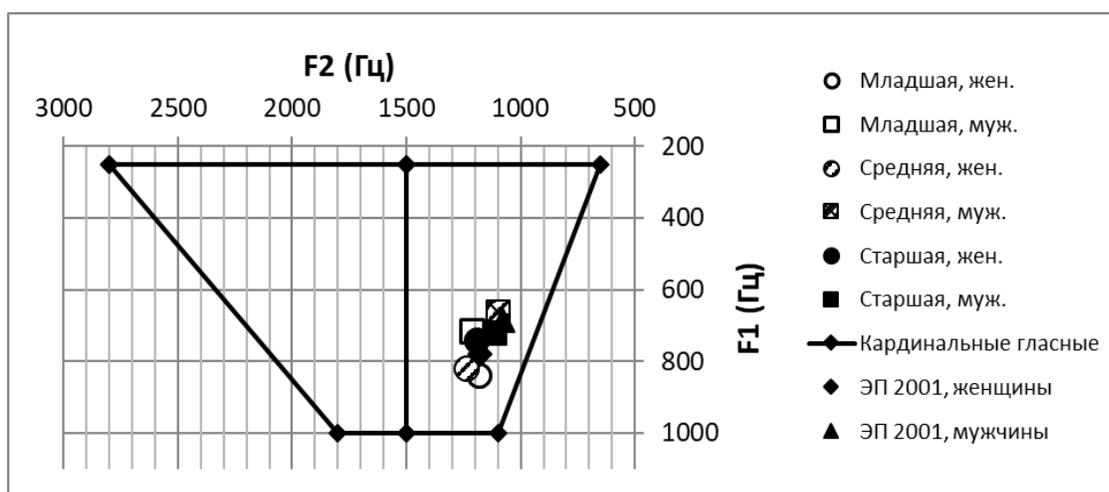

Рисунок 11 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга BATH

Среди субституций монофтонга отмечены случаи замены гласным переднего ряда [æ] в младшей мужской группе (*I passed, auntie* – у информанта, который провел детство в Уэльсе, родители проживали в Ливерпуле), в младшей женской и средней мужской группах отмечено изменение долготы [ɒ] (до 4% и 2% соответственно) и качества [ɔ:] (до 2% и 1%), дифтонгизированный вариант [eɪ] зафиксирован только в младшей женской группе (1%). В целом во всех группах ФСП реализована в малом ДВ (диапазоне вариативности) с незначительной долей субституций.

BATH	Всего аллофонов, %	[æ]	[ɔ:]	[ɒ]	[eɪ]
Мл. муж.	3,5	3,5	-	-	-
Мл. жен.	8	-	2	4	2
Ср. муж.	3	-	1	2	-

Таблица 8. Соотношение аллофонов BATH в речи участников ШГН

П. Роуч характеризует долгий монофтонг BATH как открытый гласный, близкий к кардинальному [a], но более близкий к центральному ряду и несколько более открытый, чем TRAP, что не совпадает с результатами настоящего исследования. У южан монофтонг может быть продвинут до [ä] [Roach, 2009].

К. Аптон говорит о том, что в trad-RP гласный выступает как исключительно долгий широкий гласный заднего ряда, немного продвинутый от полностью заднего положения. Как отмечает фонетист, в современном произношении существует две тенденции: гласный продвигается к центральному ряду и укорачивается, и более отодвинутый назад воспринимается комично (как рафинированное произношение). Есть предположение о том, что продвигаться вперед стал гласный в положении перед назальными [m], [n]. Вторая тенденция – проникновение из северных диалектов короткого звука, т.к. в данных формах произношения отсутствует оппозиция BATH-STRUT. Подобная артикуляция может выдавать северное происхождение информанта, где также отсутствует различие между BATH и TRAP. Реализация BATH как долгого [ɑ:] у англичан может быть либо следствием южного происхождения, либо результатом сохранения в речи черт trad-RP [Upton, 2004: 223]. Дж. Линдси указывает на общую тенденцию к более закрытой артикуляции ФСП [Lindsey, 2019: 20]. В речи всех информантов-участников ШГН монофтонг BATH имеет более отодвинутую артикуляцию, чем STRUT ($F2\ STRUT - F2\ BATH \geq 100\text{Hz}$).

3.2.1.2.2 ФСП долгий монофтонг NURSE

Среди реализаций долгого неогубленного гласного среднего ряда средне-нижнего подъема не зафиксировано редуцированных реализаций, однако отмечается высокий уровень гендерно окрашенной вариативности в отношении субституций. В таблице продемонстрировано высокое соотношение аллофонии у женщин всех исследуемых групп (22-48%), у мужчин доля субституций в старшей группе отсутствует, в младшей и средней составляет 12% и 14% соответственно. Гендерная зависимость реализации долгого монофтонга выявлена и при анализе количественных данных формант F1 и F2. Так, женщины реализуют монофтонг более продвинутыми ($F2=1508-1636$) и более открытыми ($F1=653-749$)

вариантами, чем мужчины (F1=1380-1465, F2=566-593). Наиболее открытые варианты реализованы младшими информантами в обеих группах ([з]). Показатели старших информантов являются близкими к ЭП. В группах информантов-мужчин вариативность по возрастному показателю менее выражена, чем у женщин.

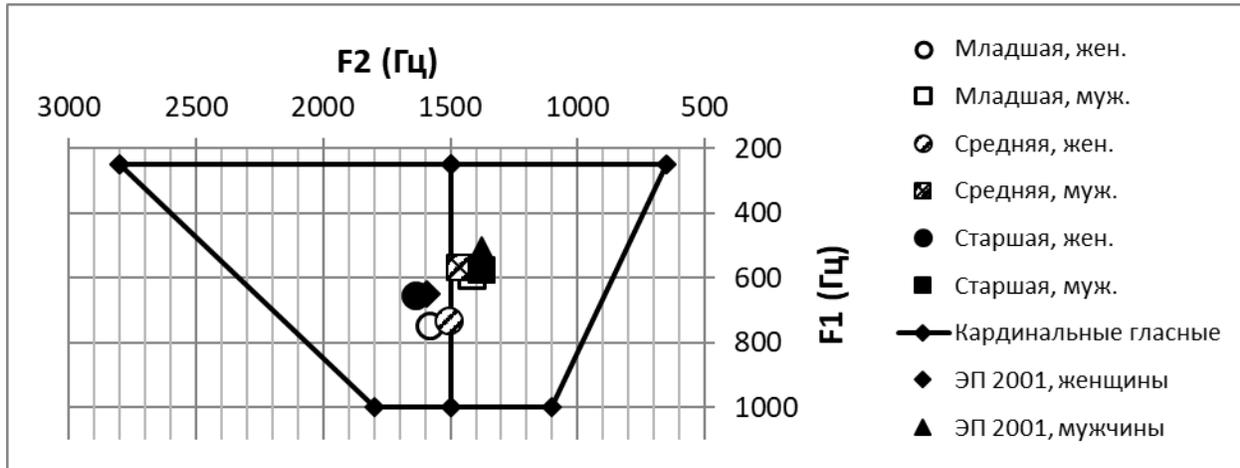

Рисунок 12 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга NURSE

Так, можно утверждать об уподоблении ФСП [з]/[в] по признаку подъёма, в СР мужчин к гласному [о] по показателям ряда, что подтверждается при подсчете аллофонов. Молодые женщины реализуют монофтонг наиболее высоким соотношением нестандартных ФСП (всего 48%), из которых 32% выражены вариантами [в], [а:], [аэ]. Статистически значимым представляется дифтонгизированный вариант [з:æ]/[оæ]/[оа]/[°з:], в речи девушек зафиксированный в 8% случаев; тогда как женщины средней группы реализуют до 10%. Вариация встречается в СР юношей: 6% и представителей средней группы: 4,5%. Дифтонгоид [з:о] (в средней мужской и старшей женской группах), фронтированный повышенной разновидности [æ:] (девушки), усеченный [з] (средняя женская группа) имеют равное соотношение: по 4%.

NURSE	Всего аллофонов, %	[ɜ]	[a] [a:] [æ] [ɐ]	[æ:]	[ö:] [o:]	[ɜ:æ] [oæ] [oa] [oɜ:]	[ɜ:ə] [ɜ:e]	[ɜ:o] [eo]	[iɜ:]
Мл. муж.	12	-	-	-	6	6	-	-	-
Мл. жен.	48	-	32	4	4	8	-	-	-
Ср. муж.	14	-	-	-	3	4,5	-	3	3
Ср. жен.	22	4	4	-	-	10	4	-	-
Ст. жен.	25	-	-	-	5	5	10	5	-

Таблица 9. Соотношение аллофонов NURSE в речи участников ШГН

К. Аптон говорит о том, что долгий монофтонг NURSE варьируется от средне-открытого до средне-закрытого, что может быть отображено в транскрипции с помощью обозначения [ɜ:] для отображения более варибельного гласного у молодых говорящих и более ограниченного в способе артикуляции [ɜ:].

Дж. Линдси указывает на необоснованность замены А. Гимсоном символа [ɜ:], используемого Д. Джоунзом, на [ɜ:]. П. Роуч описывает ФСП как центральный гласный [Roach, 2009], ФСП также определяют как средне-открытый гласный, который поднимается до среднего подъема и опускается до полуоткрытого (near-open). Носители нормы RP высшего сословия произносят ФСП как более открытый [ɜ:] [Ladefoged, 1993: 8] (подобная артикуляция отмечена у молодых участниц ШГН), для большинства других носителей языка NURSE реализован гласным среднего подъема [ɜ:].

3.2.1.2.3 ФСП долгий монофтонг FLEECE

Долгий монофтонг выражен СВ в 88%-98% случаев, редуцируется в незначительном количестве в речи молодых мужчин и женщин. Субституция аллофонами отмечена в 2-11% случаев, в наибольшем соотношении зафиксирована у молодых женщин.

При анализе частотных показателей формант наблюдается гендерная и возрастная вариативность. Гендерная вариативность монофтонга более выражена, чем возрастная, поскольку женщины старшей группы продвигают вперед и производят ФСП более открыто, чем мужчины каждой группы. У женщин гласный более понижен ($F1=408-486$) и продвинут ($F2=2560-2646$), чем у мужчин ($F1=343-395$, $F2=1973-2251$), см. Приложение 4.

Информанты старшего возраста реализуют ФСП более закрытым гласным, чем информанты остальных групп, со снижением возрастного показателя степень открытости гласного возрастает. В целом, существует тенденция к понижению и отодвиганию назад артикуляции информантами-женщинами ([i:]) и продвижению вперед и понижению мужчинами в реализации долгого монофтонга FLEECE [i:] в сравнении с ЭП. Все участники ШГН реализуют ФСП с более открытой артикуляцией (см. Рисунок 13).

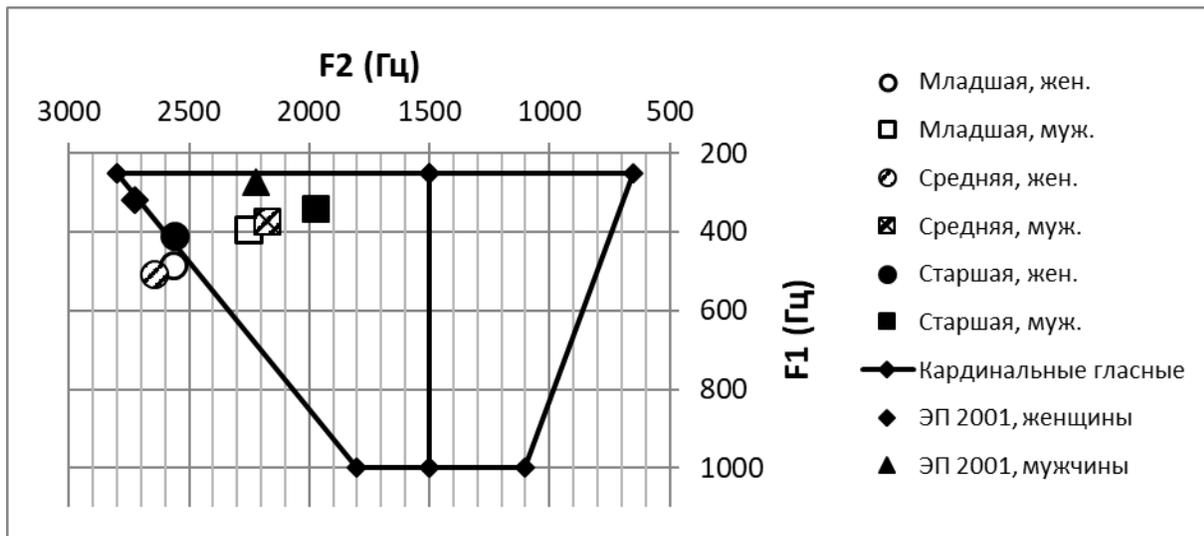

Рисунок 13 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга FLEECE

При анализе распределения субституций ФСП были отмечены такие группы аллофонов, как дифтонгизированные: со скольжением в направлении сужения и повышения [ei:/i:], со скольжением в направлении расширения и понижения ([i:ə]); монофтонгизированные: количественные (усечение) и количественно-

качественные (продвижение к центру, понижение с сокращением долготы звучания).

Так, дифтонг с глайдом по типу [eɪ:/i:] имеет наиболее высокий процент реализации в речи мужчин (2-3%); женщин находят дифтонгоиды менее предпочтительными (0,6-2,8%). Направление дифтонгизации к центру в [i:ə] не отмечается в СР пожилых участников, при этом в СР мужчин в составляет до 1,5% и менее 1% у женщин. Усечение долготы гласного отмечено во всех группах кроме мужчин старшего возраста, молодые женщины чаще заменяют долгий гласный более кратким аллофоном (до 6%) и реализуют варианты, отодвинутые к центральному ряду (более 2%).

FLEECE	Всего аллофонов, %	[eɪ:] [e:i]	[i:] [ii:] [i:]	[i:ə] [i:e] [iə]	[i:o]	[i]	[ɪ/ɨ]	[e]
Мл. муж.	7	2	0,5	1	0,5	2	1	-
Мл. жен.	11	0,6	1,2	0,6	-	5,5	2,4	0,6
Ср. муж.	7	0,6	2,5	1,5	-	1,5	0,6	-
Ср. жен.	3	0,6	-	0,6	-	1,8	-	-
Ст. муж.	3	3	-	-	-	-	-	-
Ст. жен.	3	-	1,5	-	-	1,5	-	-

Таблица 10. Соотношение аллофонов FLEECE в речи участников ШГН

По мнению британских фонетистов, долгий монофтонг FLEECE выступает напряженным закрытым гласным переднего ряда [Roach, 2009: 17]. К. Аптон отмечает не полностью закрытую степень артикуляции, подъем гласного более открыт, чем кардинальный закрытый гласный. Распространенным явлением является небольшая дифтонгизация, т.е. вариант [i:] реализуется в речи чаще, чем [i:]. Дж. Уэллс в 1982 году отмечал тенденцию к дифтонгизации в лондонском произношении (Popular London, рабочие классы пригорода) [Altendorf, Watt, 2004: 189]. Южане-представители рабочего класса дифтонгизируют гласный FLEECE [ɪ] [Altendorf, Watt, 2004: 190], в то же время, Дж. Линдси указывает на

принадлежность ФСП к дифтонгам, отмечая сегодня релевантность символа [ɨ], используемого еще Г. Суитом [Lindsey, 2019: 24].

3.2.1.2.4 ФСП долгий монофтонг THOUGHT

Долгий монофтонг реализован в речи информантов преимущественно СВ (72-100%), редуцированные варианты зафиксированы у молодежи и средней мужской группы. Гендерная зависимость наблюдается в дистрибуции вариантов: в СР юношей и участников средней группы аллофоны составляют до 5%, отсутствуя у пожилых участников. В женской речи процент реализаций аллофонами обратно пропорционален возрасту информантов: наибольшее соотношение отмечено в речи молодых женщин (24%).

Среди различий по возрасту и гендеру представляется возможным выделить следующие закономерности: старшие информанты реализуют ФСП более открыто, чем информанты среднего возраста; ЭП женщин имеет наиболее закрытую реализацию, ЭП мужчин отодвинут к заднему ряду более, чем у всех остальных информантов; младшие женщины реализуют ФСП наиболее фронтированным вариантом (F2 961Hz).

Из графика, отображающего распределение ФСП на трапеции, следует вывод о малом коэффициенте вариативности между исследуемыми группами информантов (см. Рисунок 14).

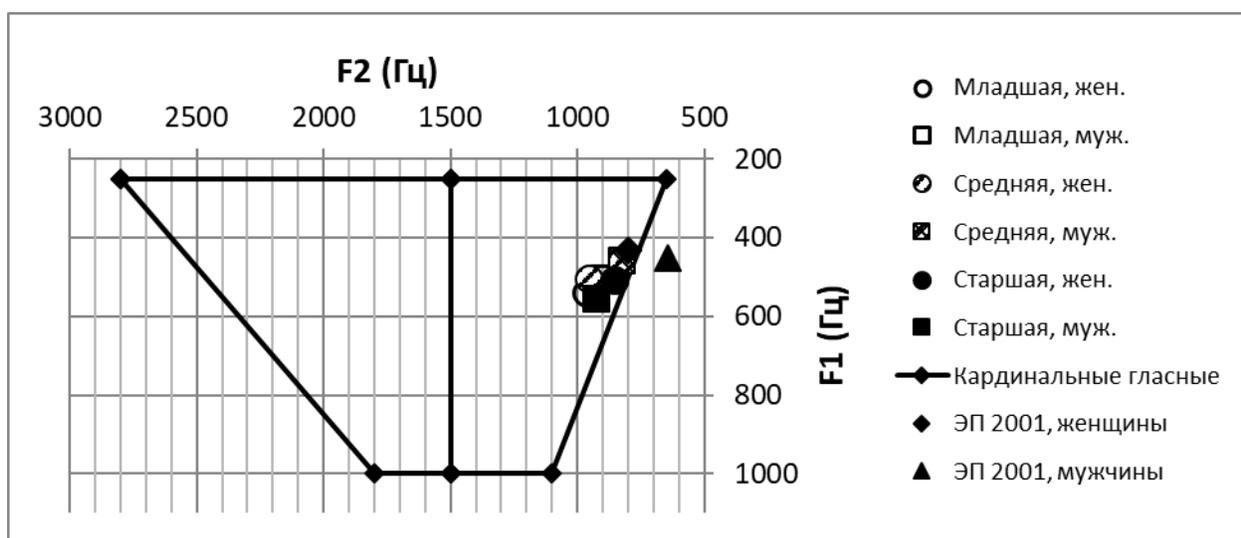

Рисунок 14 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга *THOUGHT*

Следует отметить, что реализации ФСП в положении, подверженном L-вокализации с более закрытой артикуляцией ближе к закрытому [u], либо дифтонгизированные [ou], не учитывались в расчётах статистических данных. Усеченные варианты отмечены преимущественно в речи женщин (2-3%), у мужчин зафиксированы только в речи информантов средней группы (1,6%). Сдвинутый к центральному ряду монофтонг [ɔ:] реализован до 1% у мужчин младшей и средней групп. Более закрытый монофтонг [u] и дифтонгизированные [ɔ:^u], [ou:] в речи мужчин старшей группы не зафиксированы; более молодые участники артикулируют до 2,5%. Интересно, что в СР участниц названные аллофоны имеют большую выраженность коррелируя также по возрастному показателю (18% в младшей группе, до 6% в средней и до 3% в старшей).

THOUGHT	Всего аллофонов, %	[ɔ]	[u/ u:]	[ɔ:/ з:]	[ɒ]	[ou:]	[uɔ:]	[ɔ:u]	[ɔ:ə]
Мл. муж.	4	-	0,7	0,7	-	-	1,4	1,4	-
Мл. жен.	24	3	15	-	-	-	1	3	2
Ср. муж.	5	1,6	1,6	0,8	-	-	-	0,8	-
Ср. жен.	11	3,3	4,4	-	1,1	1,1	-	1,1	-
Ст. жен.	5	2,5	-	-	-	-	-	2,5	-

Таблица 11. Соотношение аллофонов *THOUGHT* в речи участников ШГН

К. Аптон классифицирует ФСП как полуоткрытый огубленный долгий монофтонг заднего ряда [Upton, 2004]. В более поздних трудах отмечается более точное обозначение подъема гласного между [ɔ] и [o] (ближе к последнему), тогда как по ряду монофтонг несколько отодвинут от абсолютной задней позиции [Roach, 2009; Lindsey, 2019: 20]. Следует упомянуть о стирании границы между [ɔ:] у носителей традиционной ПН и южно-британским стандартом (F1 не превышает 400 Hz у «южного» [o], а «консервативный» [ɔ:] находится на уровне 500 Hz [SBE]). Участники ШГН артикулируют ФСП в не намного отклоняющемся от традиционной нормы ДВ F1=458-541.

У. Альтендорф и Д. Уатт говорят о дифтонгизации монофтонга до [oo] в речи жителей среднего класса пригорода Лондона [Altendorf, Watt, 2004: 188]. В речи участников ШГН подобная субституция отмечена в речи информантов младших и средних групп с лидерством у молодых женщин.

3.2.1.2.5 ФСП долгий монофтонг GOOSE

ФСП реализована СВ в 62-89% случаев, незначительное количество редуцированных вариантов наблюдается в группе молодых мужчин, в остальных группах не отмечено. Коэффициент аллофонной вариативности наибольший у мужчин и женщин средних возрастных групп (37% и 35% соответственно), в остальных группах составляет от 10% до 18%.

Подобно краткому монофтонгу FOOT, в процессе анализа было выявлено два основных варианта, а именно, лабиализованный заднего ряда верхнего подъема фронтированный монофтонг [ʉ:] и близкий к ЭП традиционный [u:].

Распределение аллофона продвинутой разновидности GOOSE+ имеет смешанный паттерн вариативности: показатели старших мужчин и женщин находятся ближе всего к центральному ряду, тогда как в других группах артикуляция имеет значительные различия по гендерному показателю.

У женщин средней и младшей групп аллофон наиболее открыт и продвинуто до [y:], тогда как мужчины средней и младшей групп реализуют ФСП более закрытым и близким к центральному ряду гласным ([ɥ:]). Мужчины реализуют аллофон в небольшом ДВ по подъему как напряженный закрытый монофтонг среднего ряда (в трех группах F1=379-393 Hz).

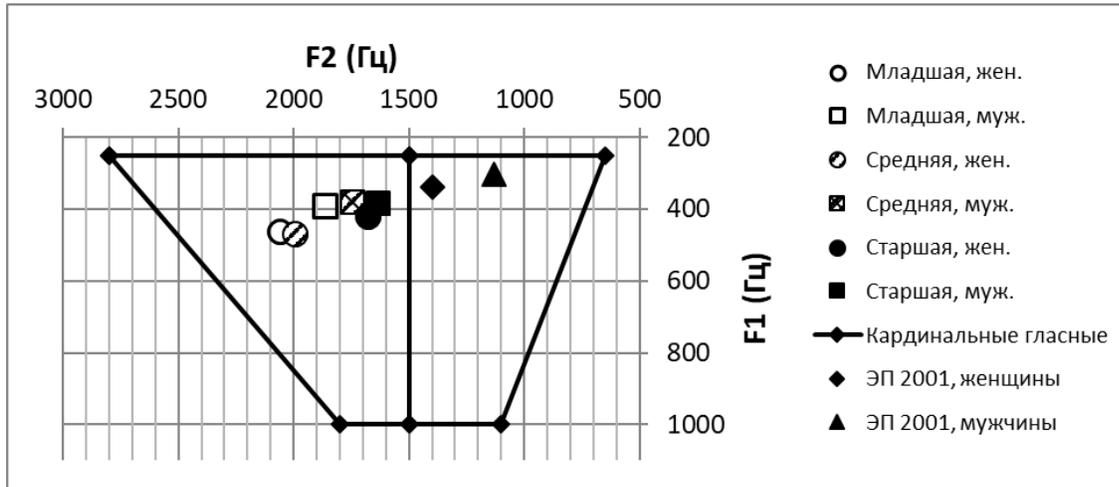

Рисунок 15 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга GOOSE+

Вторая разновидность ФСП, близкий к ЭП вариант [u:], имеет значимые различия в реализации по подъему в некоторых возрастных группах. Так, ФСП GOOSE- реализована долгим монофтонгом средне-заднего ряда всеми информантами, варьируясь по признаку подъема в значительной степени. В речи информантов старших и средних групп ФСП GOOSE – закрытый гласный, молодые женщины проявляют тенденцию к средне-закрытой артикуляции.

Участники старшей группы реализуют монофтонг как закрытый и более близкий к среднему ряду, чем к заднему [ɥ:], женщины из младшей и средней групп артикулируют ФСП более открыто, как средне-закрытый монофтонг, более близкий к среднему ряду [ɥ:].

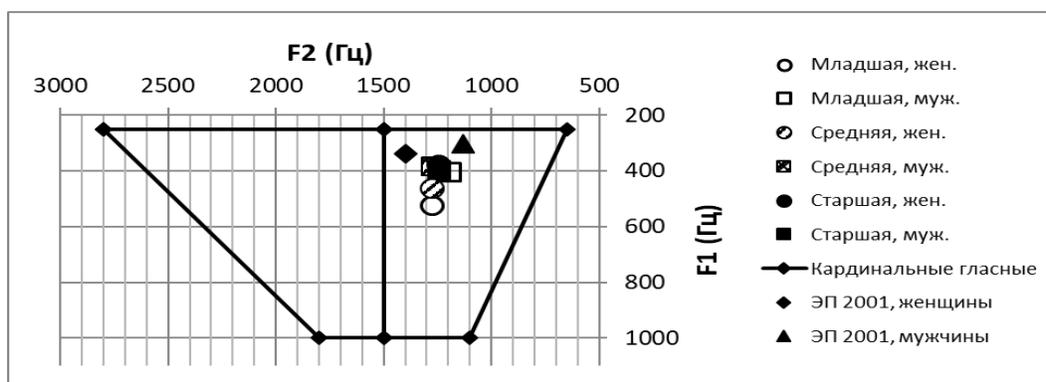

Рисунок 16 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга GOOSE-

Реализация монофтонга аллофонами проиллюстрирована данными из Таблицы 12. Среди вариантов ФСП зафиксированы такие, как усеченный [ʊ]/[ɘ] (у всех информантов, кроме женщин старшей группы); продвинутый вперед [y:] (у всех информантов, но преобладает в СР мужчин: 10-19%, с максимумом в речи участников средней возрастной группы). В средней группе мужчин отмечено наибольшее количество неогубленных вариантов [i:], а также дифтонгизации по типу [i:u]/[i̯u:]/[iy:]/[i̯y:], связанной с запаздывающей лабиализацией гласного в быстром темпе речи. Следует отметить, что данные дифтонги не были отмечены в речи младших информантов. Однако, в речи младших и средних женщин зафиксированы субституции дифтонгизированным [ɥy:] (1-2%).

GOOSE	Всего аллофонов, %	[ʊ\ɘ]	[y:]	[i:]	[i̯]	[i:u] [i̯u:] [iy:]	[u:ə]	[ɥy:]
Мл. муж.	13	2	10	-	1	-	-	-
Мл. жен.	13	3,8	5,7	2	-	-	-	2
Ср. муж.	37	2	19	7	2	7	-	-
Ср. жен.	35	2	13	2	1	15	1	1
Ст. муж.	17,5	2,5	10	-	2,5	2,5	-	-
Ст. жен.	11	-	4	4	-	3	-	-

Таблица 12. Соотношение аллофонов GOOSE в речи участников ШГН

У. Альтендорф и Д. Уатт отмечают, что британцы из Лондона и юго-восточных регионов Англии реализуют монофтонги преимущественно после палатального [j], реже перед «затемненным» [ɫ] наряду с аллофонами-

дифтонгоидами [Altendorf, Watt, 2004]. определял В 1980-х годах А. Гимсон относил [ʊ] к нормативному произношению, тогда как продвинутые варианты были присущи акценту юго-востока. Наиболее базилектным вариантом является [əu], который представители рабочего класса артикулируют как [°u] [Cruttenden, 1994].

В отношении монофтонгов в общем наблюдается рост продвинутой артикуляции от гласного среднего ряда [ɜ:] до средне-переднего [y:], что присуще сельским диалектам юго-востока. Утверждение справедливо и в случае нелабиализованных [i:]-[i:/ɪ]. Пожилые англичане предпочитают [ɜ:], молодежь – [y:], в палатальном окружении продвинутый [y:] [Altendorf, Watt, 2004: 190].

К. Аптон говорит указывает на продвинутое качество ФСП в речи молодежи, тогда как полностью отодвинутым назад гласный выступает перед [l] (*pool, rule*) во всех вариантах RP и во всех позициях в рафинированном RP, в котором гласный был не «чувствителен» к L-вокализации. Краткий дифтонг [ʊ] можно выступать финальным: в *sue, who* [Upton, 2004: 225]. Дж. Линдси отмечает принадлежность ФСП к классу дифтонгов, наиболее близким по артикуляции к [ɜw] [Lindsey, 2019: 25].

3.2.1.3 Краткий безударный монофтонг HAPPY

ФСП реализована СВ в соотношении 84-98% с редукцией до 2% в СР молодежи и участников средней группы. В речи девушек замены соотносятся до 15%, у юношей и в средних группах до 7%, а у пожилых говорящих до 2%.

Показатели средних значений формант F1 и F2 демонстрируют корреляцию с гендером и возрастом информантов. Так, женщины артикулируют ФСП схожим образом: ближе к напряженному монофтонгу FLEECE, чем к краткому KIT. В каждой гендерной подгруппе младшие информанты проявляют тенденцию к более открытой артикуляции ФСП, информанты средних групп используют наиболее

продвинутые варианты [i̯]. Старшие информанты реализуют отодвинутые варианты гласного: женщины в незначительной степени, мужчины произносят ФСП ближе к среднему ряду, чем к переднему, т. е., ближе к KIT, чем к FLEECE (F2 KIT=1724, F2 FLEECE=1973, F2 HAPPY=1840), см. Приложение 5.

Данные об ЭП по ФСП безударному монофтонгу HAPPY отсутствуют.

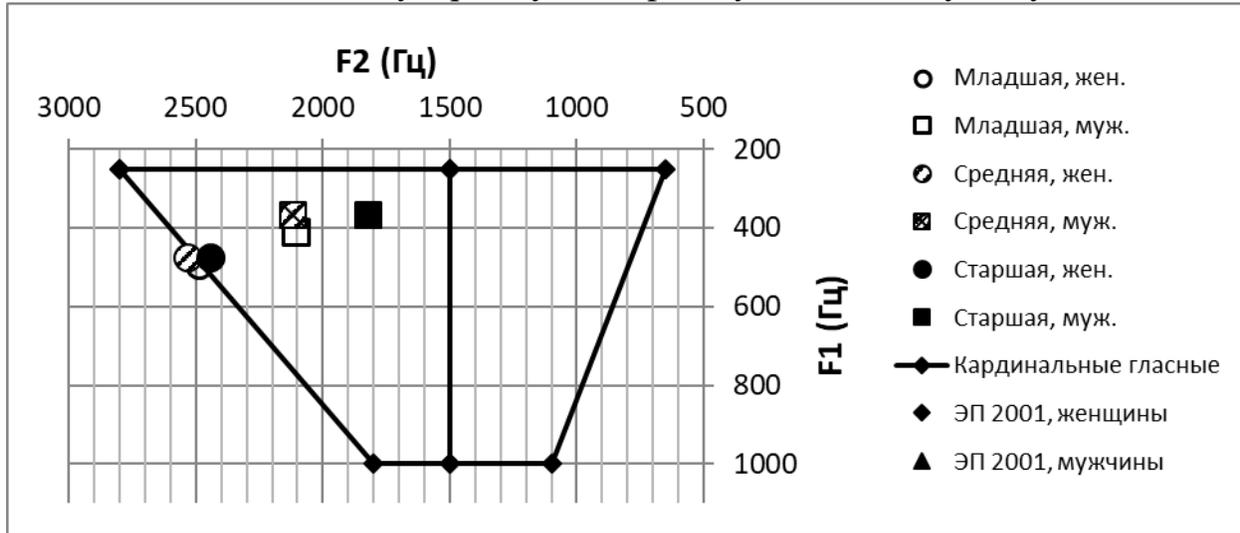

Рисунок 17 – Средние значения формант F1 и F2 для монофтонга happy

Среди субституций ФСП аллофонами отмечается усечение долготы, добавление долготы и дифтонгизация переменной. Так, группа молодых женщин демонстрирует наибольшую степень варьирования ФСП в трех тенденциях. Только молодые женщины заменяют [i] более открытым [ɪ], обе младшие группы информантов используют усечённые варианты [i̯]. Добавление долготы гласному зафиксировано в речи всех информантов, в наибольшем соотношении в младшей и средней женской группе. Дифтонгизированные варианты условно разделены на три группы: [ei], [i:] (с добавлением долготы), [i̯]. Информанты-мужчины старшей группы не дифтонгизируют ФСП, женщины спорадически реализуют вариант [i:]. Остальные информанты дифтонгизируют ФСП с небольшой корреляцией между группами, при этом, молодые женщины в наибольшей степени реализуют вариант [ei] (4%). В общем, распределение

дифтонгизированных вариантов имеет наибольшее соотношение в речи молодых женщин (до 7%).

НАРРҮ	Всего аллофонов, %	[ɪ]	[i̯]	[əi/ ei:] [æi/ ei/	[ii:]	[i̯i] [i̯i]	[i:]
Мл. муж.	5	-	1,6	2	-	1,2	0,4
Мл. жен.	15	3	0,7	4	3	-	4
Ср. муж.	6	-	-	1,2	1,2	2,4	1,6
Ср. жен.	7	-	-	1,5	-	3	2,5
Ст. муж.	4	-	-	-	-	-	1,6
Ст. жен.	2	-	-	-	1	-	1

Таблица 13. Соотношение аллофонов НАРРҮ в речи участников ШГН

Исследователями отмечается тенденция к добавлению долготы гласному (НАРРҮ-tensing) [Wells 1982, 257-258], вследствие чего монофтонг становится более подобен долготу [i:]. Жители Лондона и юго-востока используют дифтонгизированные варианты, рабочий и средний класс пригорода артикулирует ФСП как [ɜ̥i] [Altendorf, Watt, 2004: 187].

К. Аптон говорит о том, что в trad-RP НАРРҮ подобен монофтонгу KIT, в современном RP гласный артикулируется с дополнительной долготой, не достигающей долготы FLEECE [Upton, 2004: 226]. По мнению фонетиста Дж. Линдси, несколько десятилетий назад появилась тенденция к аллофонии гласного, имеющая возрастную обусловленность: [ɪ] в речи старшего поколения и [i:] в речи молодежи. На данный момент безударный НАРРҮ подобен долготу FLEECE и является дифтонгом [i:] [Lindsey, 2019: 32].

Информанты-участники ШГН используют как дифтонгизированные, так и монофтонгизированные варианты ФСП, причем, в старших группах тенденция к дифтонгизации не отмечена, тогда как добавление долготы гласному свойственно всем группам информантов с лидерством у женщин младшей и средней групп.

3.2.1.4 Дифтонги

3.2.1.4.1 ФСП дифтонг GOAT

ФСП [əʊ] артикулируется информантами в широком ДВ. От 50 до 70% составляют стандартные реализации, которые, как и краткий закрытый монофтонг заднего ряда FOOT, и напряженный закрытый монофтонг заднего ряда GOOSE, имеют два основных способа артикуляции. В зависимости от реализации глайда как закрытого гласного заднего ряда [ʊ], либо как продвинутого вперед гласного, стремящегося от центрального ряда к переднему [ə], статистические данные по среднему значению формант были сгруппированы в две таблицы и два графика соответственно.

На графике продемонстрировано движение дифтонга исследуемых групп в сравнении с ЭП, при чем, аллофон с продвинутым вперед глайдом отсутствует в данных ЭП, что указывает на незначительное количество реализаций данной разновидности ФСП в 2001 г. [Cruttenden, 2001]. Современной тенденцией британского произношения является аллофония ФСП монофтонгов GOOSE и FOOT, глайда дифтонга GOAT, традиционно артикулируемых как закрытые гласные заднего ряда, в частности, стремительное продвижение к переднему ряду одного из аллофонов ФСП и более слабое продвижение к центру других реализаций.

При анализе распределения ФСП [əʊ], или GOAT+, обнаруживается гендерный паттерн вариативности: все женщины реализуют дифтонг схожим образом. Различия отмечены в артикуляции ядра в большей степени, чем глайда ([əʊ/əʊ] в старшей и средней группах, [əʊ/əʊ] у молодых женщин). Мужчины младшей и средней групп реализуют ядро ближе к заднему ряду, чем женщины, более закрытый гласный центрального ряда [əʊ] в части скольжения. Ядро дифтонга у пожилых участников скорее отодвинуто назад, с глайдом

центрального ряда [ö̯/ö̯], что в целом говорит о менее выраженной артикуляции и ретардации ФСП.

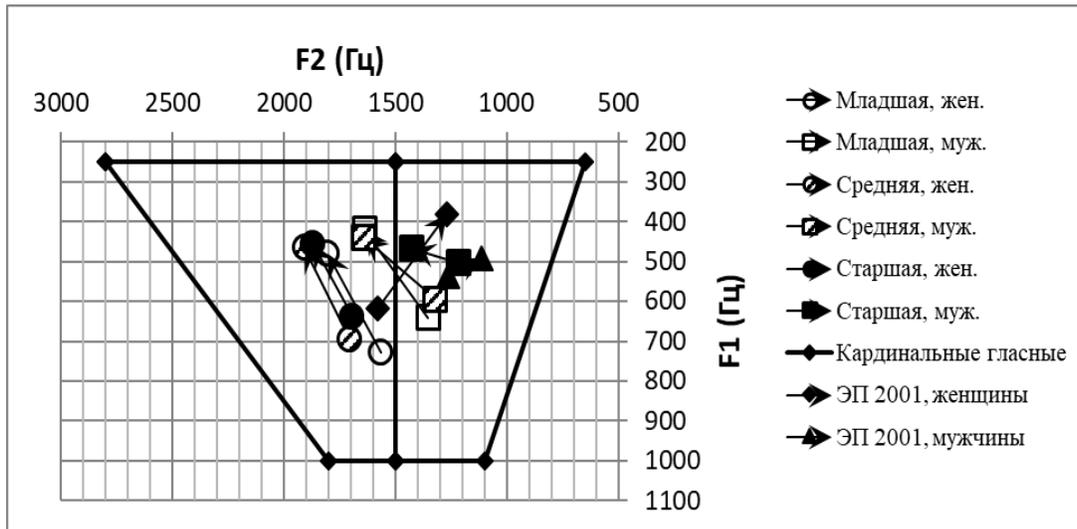

Рисунок 18 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга GOAT+

Распределение второго аллофона ФСП с глайдом, артикулируемым как закрытый гласный средне-заднего/заднего ряда (GOAT-), имеет выраженные гендерные особенности. Так, все женщины-участницы ШГН реализуют ядро дифтонга как продвинутый вперед по отношению к ЭП гласный, при этом младшая и средняя группа артикулирует оба дифтонга более открыто ([ə̯/ə̯]). Кроме того, глайд реализован с незначительным диапазоном различий между группами участниц ШГН (F1=495-500 Hz у женщин-участниц ШГН и 380 Hz у женщин согласно ЭП). Женщины средней группы артикулируют наиболее фронтированный вариант реализации глайда [ə̯/ə̯].

В речи мужчин ядро дифтонга реализуется в младшей и средней группах как центральный гласный [ə̯], мужчины старшей группы используют отодвинутый вариант, близкий к ЭП [ö̯]. Глайд дифтонга является полузакрытым гласным заднего ряда, наиболее закрытым в речи мужчин старшей группы.

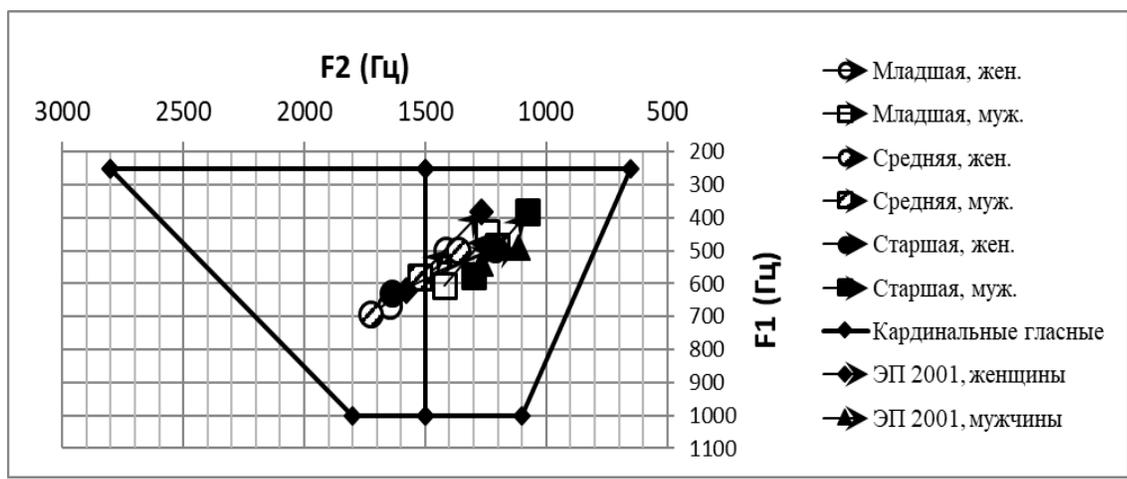

Рисунок 19 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга GOAT-

Дифтонг GOAT – ФСП, реализованная в наибольшем ДВ и максимально субституируемая аллофонами, которые представляется возможным разделить на группы монофтонгизированных и дифтонгизированных аллофонов. Монофтонгизированные субституции используются информантами чаще, чем дифтонгизированные. Среди монофтонгов были отмечены такие варианты, как [ə:/з:], [v/ö/с/с:], [ø], [ə], [a/a:], [ʏ]. Варианты [a/a:], [ʏ], [ə:/з:] не имеют системного распределения и представляются спорадическими. Аллофоны [o-ö-ø-ø], будучи схожими по подъему, представляют продвижение переменной по ряду от заднего положения до средне-переднего, что, по сути, аналогично тенденции к продвижению полузакрытого [u:]/[ʊ] от традиционной реализации как гласного заднего ряда к фронтальному положению [y]/[y:] в GOOSE и FOOT. Так, все информанты-участники ШГН используют реализации ряда [o-ö-ø-ø]. Молодые мужчины предпочитают непродвинутый вариант [o/с:] (до 13%), мужчины старшей группы – среднего ряда [ə] (до 14%), средняя группа в равной степени реализует все варианты (3-4%). Женщины демонстрируют несколько иной паттерн распределения субституций, а именно, большее количество замен дифтонга GOAT монофтонгами, чем у мужчин. Однако, в речи женщин старшей группы в равной степени реализованы варианты [o-ø-ø] (3-5%), в отличие от средней и младшей

групп, которые отдают предпочтение фронтированному [ø] (13% и 11% соответственно).

GOAT	Всего аллофонов, %	[ə:], [з:]	[ɐ], [ɔ], [ɔ:]	[ë], [e], [ə]	[ø], [ö]	[a] [a:]	[ʏ]
Мл. муж.	19	0,8	12,4	1,2	4,4	-	-
Мл. жен.	23,5	-	6	4,5	11	1	1
Ср. муж.	13	1	4	4	3,5	0,5	-
Ср. жен.	23	-	6	4	13	-	-
Ст. муж.	21	-	1,8	14	3,5	1,8	-
Ст. жен.	14	3	3	3	5	-	-

Таблица 14. Соотношение аллофонов GOAT в речи участников ШГН (монофтонги)

Дифтонгизированные варианты GOAT представляется возможным разделить на варианты с продвинутым ядром и/или ослабленным глайдом [ëʊ/ëʊ^o], отодвинутые назад, в т. ч. с ослабленным глайдом [ɔ:^u/oʊ], с отодвинутым ядром и глайдом, сдвинутым к центру [oə], фронтированный [з:ɪ], с глайдом, сдвинутым от центрального ряда к переднему [əʏ], открытой артикуляцией ядра [aʔ/aʊ], с пониженным глайдом [əʊ].

По 1% соотносится дистрибуция фронтированных [ëi/з:ɪ] в СР женщин младшей и средней групп; [aʔ/aʊ] в речи информантов средних возрастных групп; [oə] у пожилых женщин.

Следующие три группы аллофонов присутствуют в речи всех информантов: [ëʊ/eʊ^o], [oʊ], [əʔ/əʏ], что наименее распространено в речи юношей. Девушки до 19% сближают [ëʊ/eʊ^o] с [ə]; дистрибуция в речи иных говорящих лишена заметной внеязыковой корреляции. Более свойственна мужчинам артикуляция [oʊ]. Наблюдается возрастная (соотношение больше в старших группах) и гендерная зависимость (у мужчин 1-3%, у женщин 3-8%) в соотношении аллофона [əʔ/əʏ].

GOAT	Всего аллофонов, %	[ɤʊ/eʊ ëʊ/øʊ]	[ɔ:u ou/o:ʊ]	[oə ɔë:]	[ëi з:i]	[əʊ əʏ/eʏ]	[aʊ aʊ]	[əʊ]
Мл. муж.	6,4	2,8	1,2	0,4	0,4	1,2	-	0,4
Мл. жен.	16,5	9	3	-	1	3	-	0,5
Ср. муж.	13	6	4	0,5	-	1	1,3	-
Ср. жен.	14,5	4	1,5	1	1	6,5	1	0,5
Ст. муж.	12	5,4	3,5	-	-	3,5	-	-
Ст. жен.	17	6	3	-	-	8	-	-

Таблица 15. Соотношение аллофонов GOAT в речи участников ШГН (дифтонги)

К. Аптон указывает на реализацию дифтонга в RP как [əʊ], тогда как в консервативном trad-RP предпочтение отдается варианту [ou] с несколько сдвинутым к центру ядром [Upton, 2004: 225].

Лондонское и юго-восточное произношение характеризуется аллофонией GOAT/GOAL вследствие L-вокализации ([grʊt]/[glʊt]), что приводит к постепенной монофтонгизации ФСП перед [t] [Lindsey, 2019: 30]. В общем, в отношении дифтонгизированных вариантов действует принцип: чем более открыт и фронтрован начальный элемент, тем более произношение далеко от стандартного. Так, наиболее открытым является [aʊ], в речи рабочего и среднего класса пригорода зарегистрированы варианты с ядром по типу [ä-v]. Ученые говорят и о вариабельности ядра, отмеченной в исследованиях 1999 и 2003 годов: продвинутый [vɛ-vɛ], более продвинутый [vʏ-vɪ], и наряду с ним, вариант с ядром, сохраняющим центральное положение [əʏ-əɪ] [Altendorf, Watt, 2004: 191].

В исследовании речи участников ШГН среди дифтонгизированных вариантов GOAT преобладает вариант со сдвинутым к переднему ряду ядром [eʊ/øʊ], среди монофтонгов – продвижение вперед по траектории [o-ö-ø-ø] в средней женской группе до 13% реализаций, у молодых мужчин монофтонгизация до [ɔ], [ɔ:] более чем в 12% случаев.

3.2.1.4.2 ФСП дифтонг SQUARE

Дифтонг SQUARE в нормативном британском произношении претерпевает значительные изменения в последние десятилетия. Исследователи южно-британского и лондонского произношения отмечают тенденцию к монофтонгизации ФСП, добавлению длительности ядру и укорочению глайда, либо в преобразовании долгий монофтонг [Altendorf, Watt, 2004: 158]. В нашем исследовании выявлено, что ФСП SQUARE монофтонгируется и в речи образованного населения, владеющего ПН – участников ШГН. К. Аптон говорит о том, что различие дифтонгизированного и монофтонгизированного SQUARE является одним из маркеров, позволяющих отличить RP и trad-RP [Upton, 2004: 226].

Информанты-участники ШГН реализуют ФСП стандартным вариантом и субституциями. ФСП редуцируется в речи младших и средних информантов без значимой гендерной зависимости в соотношении 4-12%.

Субституция аллофонами в наибольшей степени отмечена у информантов средних групп, преимущественно у мужчин (до 62%). Наименьшее соотношение замен зафиксировано у молодых мужчин (29%).

Следует отметить, что многие информанты вовсе не используют дифтонгизированные варианты ФСП, т. е. измерить формантные показатели не представилось возможным (из младших групп не используют дифтонгизированные варианты один молодой мужчина и трое женщин, в средней группе мужчин четыре информанта, в средней женской – трое). Данные о значении формант F1 и F2 представлены в Приложении 4. У остальных информантов (кроме старшей женской и средней мужской групп) было выделено два основных аллофона SQUARE: стандартный нисходящий [eə] и [æe] с близким к нейтральному гласному ядром и более открытым и продвинутым глайдом, что отображено на следующих графиках.

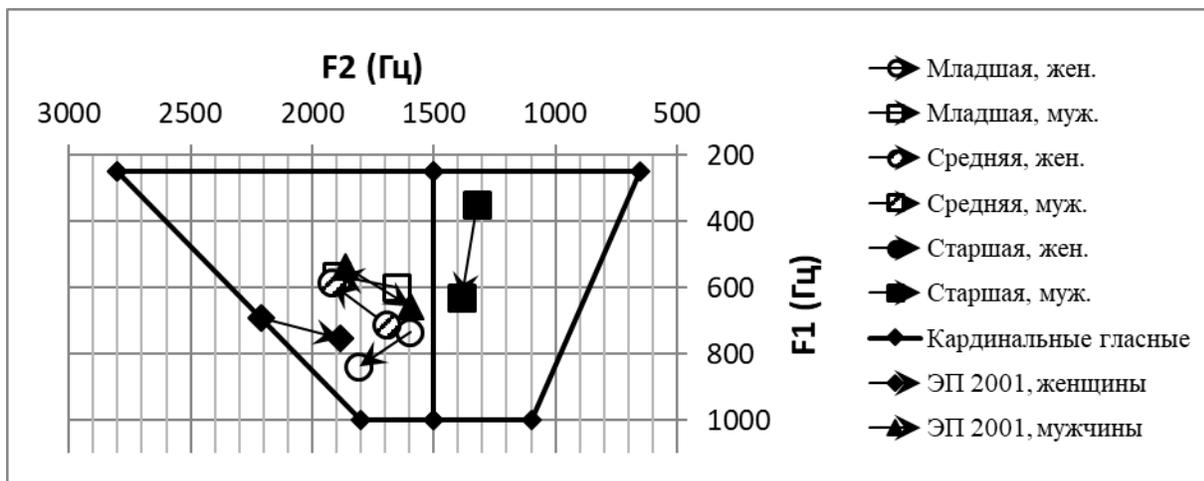

Рисунок 20 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга SQUARE+

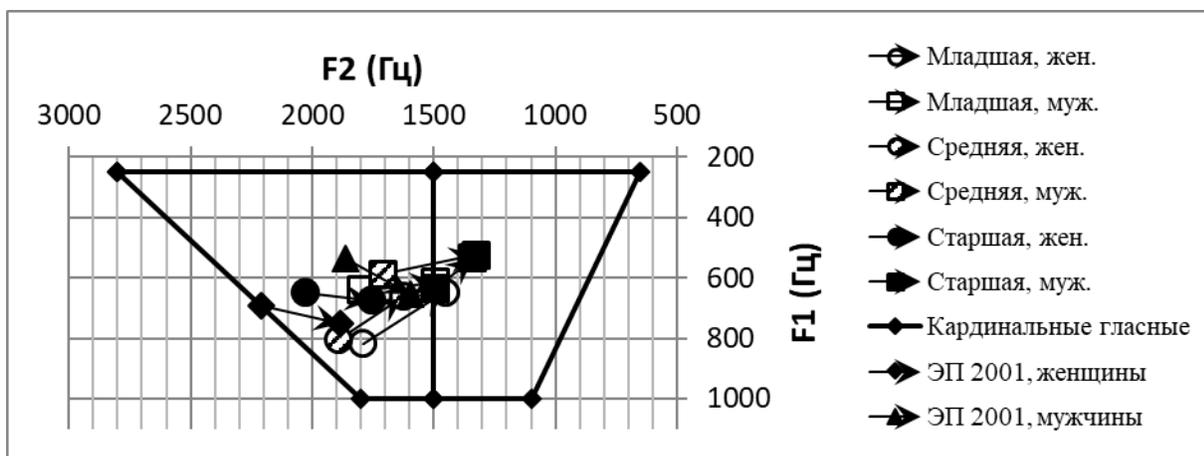

Рисунок 21 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга SQUARE-

SQUARE	Всего аллофонов, %	[e:]	[ə:]	[e] [eə]	[æ:] [ɛ:]	[a:]	[ea]	[əe]	[eɪ]	[æe]
Мл. муж.	28	18	3,5	1,8	3,5	1,8	-	-	-	-
Мл. жен.	49	18	-	23	6	-	-	2	-	-
Ср. муж.	62	49	2	7	2	-	-	-	2	-
Ср. жен.	44	21	-	12	2,3	-	4,6	-	-	4,6
Ст. муж.	46	30	-	8	-	-	-	-	8	-

Таблица 16. Соотношение аллофонов SQUARE в речи участников ШГН

Наиболее популярным аллофоном выступает долгий [e:] (кроме СР девушек), максимально отмечаемый в средней группе мужчин: до 49%. Средняя и старшая мужские группы используют дифтонгизированный вариант [ei] в соотношении 2% и 8% соответственно, средняя женская группа – вариант с более открытым ядром и глайдом, не доходящим до положения центра ВП [æe] (4,6%).

Гендерная вариативность прослеживается в распределении усеченного варианта/варианта со «стертым» глайдом [e/e^ə]: у женщин распределение аллофона составляет от 12% до 23%, у мужчин 1,8%-8%. Мужчинам младшей и средней групп свойственно реализовать дифтонг как центральный гласный с дополнительной долготой [ə:] (3,5% и 2% соответственно).

К. Аптон говорит об артикуляции дифтонга как полуоткрытого гласного переднего ряда, создающего эффект долгого монофтонга с возможным присутствием небольшого глайда [ɛ:-ɛ:^ə] в современном RP. Носители традиционного варианта сохраняют произношение дифтонга с отчетливо артикулируемым глайдом [Upton, 2004: 226].

3.2.1.4.3 ФСП дифтонг PRICE

Дифтонг реализован СВ в 80-98% случаев, отмечено до 1% редуцированных вариантов, аллофонических реализаций – от 2% до 20% при наименьшем соотношении у мужчин старшего возраста, наибольшем – у информантов младших групп с лидерством в группе женщин.

Реализация дифтонга происходит в небольшом ДВ, что указывает на относительную стабильность и единообразие артикуляции, в частности, в гендерных подгруппах. Следует отметить схожую артикуляцию ядра в женских группах информантов ШГН с показателями ЭП и стремление к более открытой и отодвинутой к среднему ряду артикуляции глайда дифтонга у всех участниц ШГН по сравнению с ЭП женщин, а также реализацию глайда как отодвинутого к

среднему ряду гласного у мужчин. Отметим, что глайд ЭП мужчин близок к глайду дифтонга, реализуемого женщинами – участницами ШГН.

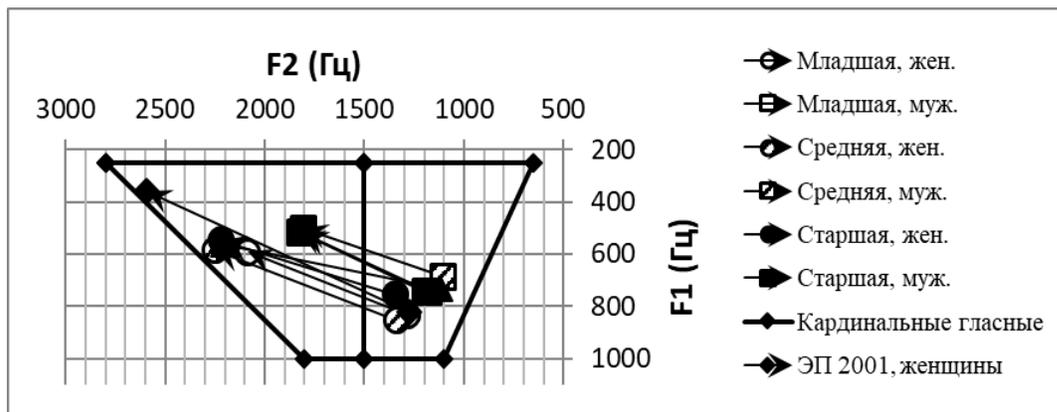

Рисунок 22 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга PRICE

Мужчины всех исследуемых нами возрастных групп реализуют дифтонг схожим образом, при чем, ядро дифтонга близко к ЭП соответствующей гендерной группы. Ядро дифтонга (F1=686-854) ближе по ряду к долгому монофтонгу BATH (662-839), однако, достаточно схоже и с монофтонгом STRUT (F1=679-791), в большей степени у женщин, в связи с чем представляется возможным обозначение дифтонга PRICE как [ɫɪ]/[ɑɪ] при отодвигании к среднему ряду и заниженности по подъему у женщин [ɫɪ̞], у мужчин [ɫɪ̞̃]/[ɑɪ̞̃] (см. Приложение б).

Среди субституций дифтонга представлены как монофтонгизированные, так и дифтонгизированные варианты. Наиболее значимым представляется замена монофтонгом [a/ɑ] с усечением долготы, реализованная с гендерной и возрастной зависимостью: в наибольшем соотношении – в речи молодых женщин (до 16%), в речи мужчин старшей группы отсутствует. Среди монофтонгизированных усеченных вариантов также зафиксированы [ɐ], [ɪ] у информантов средних групп. Долгие монофтонги [a:/ɑ:] заменяют PRICE от 0,3% до 6% во всех группах, кроме молодых женщин и мужчин старшего возраста. Дифтонгизированные варианты используются в речи всех информантов, в частности, варианты с глайдом,

сдвинутым к центру ВП по типу [aə]: [a:ə/ʌə/ae/a'ə] в соотношении 2-4% в младших и старших группах, до 2% в средних группах. Вариант с отодвинутым глайдом зафиксирован в речи младших групп и мужчин средней группы в незначительном соотношении (до 1%).

PRICE	Всего аллофонов, %	[a/ɑ]	[ʌ]	[a:]	[a:i]	[aə] [a:ə] [ʌə] [aɪə]	[ʌɪ]	[ɐ]	[a:u]
Мл. муж.	18	14	-	0,7	-	4	0,2	-	-
Мл. жен.	20	16	-	-	-	3,3	1	-	-
Ср. муж.	14	10	0,5	1	0,5	1,3	0,5	0,25	0,25
Ср. жен.	15	12	-	0,3	0,3	1,2	-	1	-
Ст. муж.	2	-	-	-	-	2	-	-	-
Ст. жен.	12	3	-	6	-	3	-	-	-

Таблица 17. Соотношение аллофонов PRICE в речи участников ШГН

Как отмечает К. Аптон, в 1978 году фонетист МакКарти (MacCarthy) впервые предложил для RP обозначение дифтонга [ʌɪ], тогда как несколько отодвинутое ядро [aɪ] отмечается у некоторых носителей trad-RP [Upton, 2004]. У. Альтендорф и Д. Уатт, опираясь на теорию Дж. Уэллса о Лондонском сдвиге дифтонгов (London Diphthong Shift), указывают на реализацию дифтонга в речи Большого Лондона как [aɪ], в Кокни как [ɐɪ] [Altendorf, Watt, 2004: 189]. По мнению П. Роуча, дифтонг имеет глайд, расположенный между передним и средним рядом, несколько ближе к среднему [Roach, 2004]. В нашем исследовании установлено, что информанты-участники ШГН реализуют глайд как гласный, артикулированный ближе к заднему ряду, чем к центральному. Также наблюдается сдвиг глайда к центру ВП (до 4%).

3.2.1.4.4 ФСП дифтонг NEAR

ФСП NEAR реализована нисходящим дифтонгом [ɪə] в 28-76% случаев с 4-8% редуцированных вариантов (преимущественно в речи молодых женщин) и 20-

72% аллофонов. При распределении субституций отмечена гендерная зависимость: у информантов из младшей и средней женских групп наибольшее количество аллофонов (63% и 72% соответственно), информанты из младшей и средней мужских групп – на 20-25% меньше. В речи женщин старшей группы на 30% меньше замен, чем у мужчин.

В речи женщин среднего и старшего возраста дифтонг стандартной разновидности имеет наибольшую разницу между показателями ядра и глайда, т.е. является наиболее артикулированным. Британцы-участники ШГН реализуют ядро дифтонга NEAR, глайд PRICE, глайд FACE и монофтонги KIT и happY различным образом (см. Приложение 5).

Как у женщин, так и у мужчин ядро дифтонга выступает более закрытым гласным по сравнению с монофтонгом KIT (немного более открытый, чем happY), у женщин более продвинутом вперед, а у мужчин – гласным, близким к монофтонгу KIT по показателям F2, т.е. по признаку ряда. У всех информантов ядро NEAR ближе по подъему к глайду FACE.

В речи женщин-участниц ШГН ядро дифтонга является наиболее продвинутом вперед и открытым гласным, вследствие чего ФСП акустически уподобляется долгому монофтонгу и представляет собой дифтонгоид в речи молодых женщин [i]. В речи женщин средней возрастной группы глайд реализован как гласный среднего подъема, что позволяет обозначить ФСП как [iə], тогда как в остальных группах глайд выступает гласным средне-закрытого подъема [ɘ/ɚ]. В мужской речи скольжение дифтонга слабо выражено, у мужчин младшей и средней групп ядро и глайд близки по подъему и представляют собой дифтонгоид [iɚ/iə]. В речи мужчин старшей группы ФСП отодвигается к центру ВП, при этом ядро имеет наиболее закрытое положение, что продемонстрировано на графике.

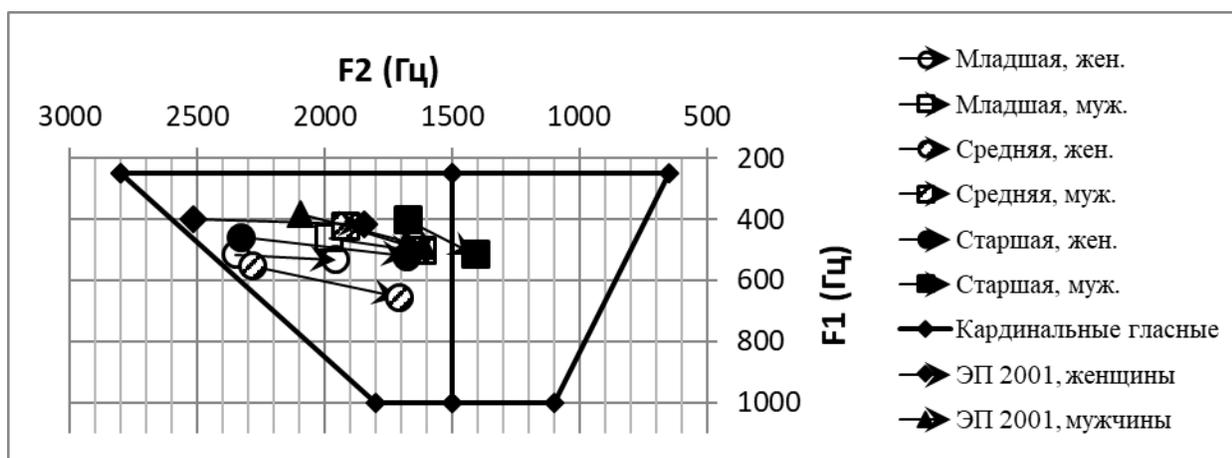

Рисунок 23 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга NEAR

Анализ статистических данных о субституции дифтонга NEAR аллофонами выявляет монофтонгизированные и дифтонгизированные варианты, среди которых преобладают долгие монофтонги.

NEAR	Всего аллофонов, %	[i:]	[i:]	[i:]	[ɪ/ë]	[e:]	[ə:]	[iə]	[ie]	[ii]	[i:i]
		[ɪ:/i:]						i:ə]	ia]		
Мл. муж.	40	10	12	-	-	2,2	2,2	9	3,3	-	-
Мл. жен.	63	35	11	-	5	2,6	-	8	-	-	2,6
Ср. муж.	51	26	7,5	1,2	1,2	1,2	-	11	2,4	-	-
Ср. жен.	72	47	-	6	-	3	-	6	6	3	-
Ст. муж.	50	25	-	12,5	-	-	-	-	12,5	-	-
Ст. жен.	14	9	-	-	-	-	-	5	-	-	-

Таблица 18. Соотношение аллофонов NEAR в речи участников ШГН

Аллофон [ɪ:] (промежуточный по отношению к [i:] и [i:]) имеет максимальную частотность, замещая при этом в СР женщин средней возрастной группы до 47% реализаций. Информанты младших групп и мужчины средней группы реализуют более закрытый и фронтированный вариант, близкий к [i:]. В распределении совокупности двух аллофонов [ɪ:] и [i:] выявлен паттерн возрастной и гендерной вариативности, общий для преобладающего количества гласных переменных в речи участников ШГН: количество субституций снижается с переходом от младшей группы к старшей, при чем, в группах женщин

соотношение на 10-15% больше, чем у мужчин. В случае замещения [ɪː]/[iː] и [iː] исключение составляет старшая женская группа, у которых отмечено 9% реализаций, что меньше, чем в аналогичной мужской группе (25%). ФСП NEAR реализована пониженными и/или близкими к центру ВП монофтонгами: [iː] (максимален в СР мужчин старшего поколения: 12%), [ɪ / ɛ] (доминируют у девушек: 5%), [eː] (до 3% у женщин, до 2% у мужчин, при этом, отсутствуют у говорящих старших групп), [əː] до 2% в СР юношей.

Варианты-дифтонги включают аллофоны со «стертым» глайдом, которые частотны в речи мужчин младшей (9%) и средней групп (11%) и отсутствуют у пожилых участников, реализующих дифтонгизированные варианты [ɪe\ɪa] до 12%. Вариант [iɪ] отмечен в речи женщин средней группы в количестве 3%, вариант [iːi] – в речи молодых женщин (2,6%).

П. Роуч отмечает, что ядро дифтонга более закрытое, чем у монофтонга KIT [Roach, 2004: 18], что подтверждается результатами данного исследования. Носители традиционного варианта тщательно артикулируют глайд как [əː] или [ɑː], что становится предметом карикатурного подражания как в случае [eʊ] для GOAT [Upton, 2004: 225]. Дж. Линдси указывает на аллофонию ФСП, произошедшую в последние десятилетия: [iːə] (*career*), [ɪː] (*here, year, appear*), вариант [iə] постепенно устаревает [Lidsey, 2019: 49].

Фонетисты также отмечают монофтонгизацию дифтонга NEAR до [iː] и реализацию вариантов со стертым глайдом [ɪ^ə] в речи представителей лондонского среднего класса, использование повышенного [eː] и дифтонга [eə] в речи жителей пригорода наряду с реализацией СВ с повышенным ядром [iə] в речи жителей Лондона [Altendorf, Watt, 2004: 187]. К. Аптон говорит о сохранении дифтонга в речи trad-RP и его современного варианта: ядро дифтонга совпадает с монофтонгом KIT (что не соответствует показателям молодых женщин в данном исследовании и свидетельствует скорее о смещении краткого монофтонга KIT в

их речи), снижаясь к средней или ниже-центральной позиции по признаку подъема.

3.2.1.4.5 ФСП дифтонг FACE

Дифтонг реализован с малой долей редуцированных и субституированных вариантов. От 90 до 100% реализаций представляют собой СВ с наибольшим количеством редуцированных вариантов у женщин младшей и старшей групп. Субституции аллофонами имеют наибольшую частотность в речи молодых женщин, полностью отсутствуют в речи мужчин старшего возраста.

У женщин-участниц ШГН ядро дифтонга более продвинуто, у женщин младшей и средней групп ядро не только фронтально, но и более открыто по сравнению с ЭП и речью мужчин – участников ШГН. По сравнению с монофтонгом DRESS ядро дифтонга FACE имеет более закрытую и отодвинутую реализацию. Данная закономерность говорит о сохранении различия [e]/[ɛ] и целесообразности обозначения монофтонга DRESS как [e], дифтонга FACE как [eɪ/ɛɪ].

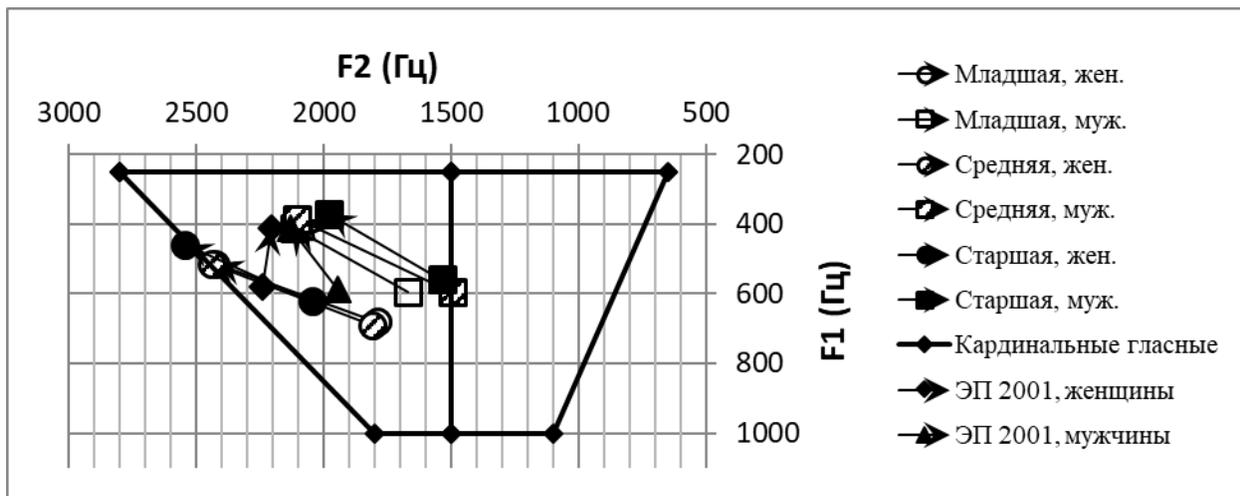

Рисунок 24 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга FACE

Глайд дифтонга имеет выраженную гендерную корреляцию в речи участников ШГН, тогда как в ЭП показатели женской и мужской группы в

реализации глайда схожи. В речи мужчин, как и в ЭП, глайд реализован полузакрытым гласным средне-переднего ряда, у женщин как пониженный полузакрытый гласный переднего ряда, реализованный ближе к HAPPY (F1 FLEECE = 467, F1 KIT = 554, F1 HAPPY = 480, F1 FACE = 497).

Информанты-участники ШГН реализуют как монофтонгизированные, так и дифтонгизированные субституции дифтонга FACE. Так, молодые информанты заменяют дифтонг монофтонгом [æ] (около 1%), информанты младших и средних групп – монофтонгом [e:] с наибольшим соотношением у младших женщин (2%), [a] – менее 1% без выраженной гендерной зависимости. Максимально реализован аллофон с усеченным глайдом [e/з] в СР девушек до 3,5%; до 2% в остальных группах (за исключением пожилых информантов). Среди дифтонгизированных вариантов преобладают замены ядра более открытым гласным [æi] в речи женщин старшего и среднего возраста (5 и 4% соответственно). Варианты [e'ə/еə/aei/ei:] спорадично встречаются в речи мужчин младшей и средней групп, преобладая у последних.

FACE	Всего аллофонов, %	[æ]	[e:]	[з/е]	[a]	[ei:]	[æi]	[eiə/еə/aei/]
Мл. муж.	4	1,2	0,6	1,8	-	-	-	0,6
Мл. жен.	10	0,7	2	3,5	0,7	2	0,7	0,7
Ср. муж.	6	-	1,5	2	0,5	0,5	0,5	1
Ср. жен.	7	-	0,8	2,2	-	-	4	-
Ст. жен.	5	-	-	-	-	-	5	-

Таблица 19. Соотношение аллофонов FACE в речи участников ШГН

К. Аптон говорит о невысокой вариабельности дифтонга. Ядро находится в полузакрытом положении либо немного ниже, глайд движется к KIT (в данном исследовании к безударному HAPPY у женщин). Носители trad-RP склонны артикулировать ядро как высокий гласный, не ниже полуоткрытого положения [Upton, 2004: 224].

У. Альтендорф и Д. Уатт указывают как на изменение ядра (понижение, передвижение к центру, более открытая реализация [eɪ/ɛɪ/æɪ/ëɪ/ɐɪ]), так и фронтрование и сужение глайда [ɛɪ/æɪ]. Согласно теории Дж. Уэллса о Лондонском сдвиге дифтонгов в Кокни ядро дифтонга открытое [aɪ] [Wells, 1982: 308, 310; Altendorf, Watt, 2004: 189]. У участников ШГН дифтонг преимущественно сохраняет традиционную артикуляцию.

3.2.1.4.6 ФСП дифтонг MOUTH

Дифтонг MOUTH характеризуется высокой вариабельностью в речи участников ШГН. Соотношение аллофонов составляет от 21% до 52% с наименьшим количеством в речи женщин старшего возраста и наибольшим в речи мужчин средней группы. Редуцированные варианты не зафиксированы.

Следует отметить, что информанты проявляют значимые различия в артикуляции глайда дифтонга, в связи с чем представляется возможным разделить средние показатели частот формант F1 и F2 на две группы (см. FOOT, GOOSE, GOAT). В первой группе ФСП MOUTH- [aɔ] глайд артикулируется более отодвинутым назад по сравнению с ядром гласным (F2 глайда не превышает F2 ядра), во второй MOUTH+ ([ɑɔ]) – как более продвинутый по ряду, чем ядро (F2 глайда превышает F2 ядра). Вариант дифтонга с продвинутым глайдом в системной реализации зафиксирован только у мужчин средней и старшей групп, что свидетельствует о большей консервативности произношения указанных информантов.

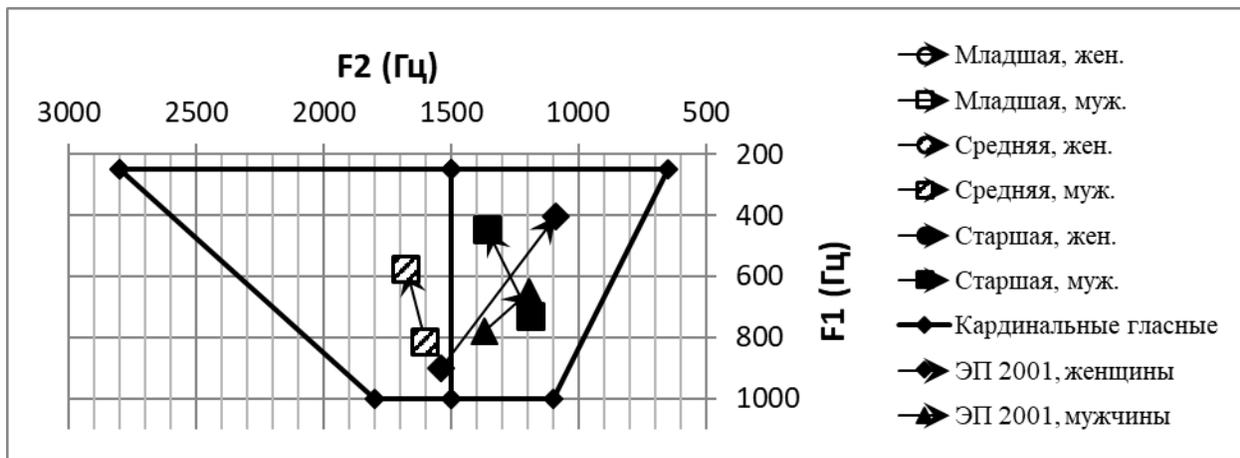

Рисунок 25 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга MOUTH+

На графике ниже отображен вариант ФСП MOUTH [aʊ], в котором продемонстрирована вариабельность ядра по гендерному признаку. Так, у женщин первый элемент дифтонга практически совпадает по показателям ряда и подъема с монофтонгом TRAP, тогда как у мужчин ядро значительно ближе к среднему ряду и может быть обозначено как [ɜ]. В реализации глайда наблюдается единообразие по признаку подъема, однако, женщины артикулируют глайд как немного отодвинутый назад гласный среднего ряда, у мужчин ядро дифтонга занимает позицию между задним и средним рядом. В целом, у женщин дифтонг более выражен [aʊ/æə], чем у мужчин [aʊ/ɜʊ].

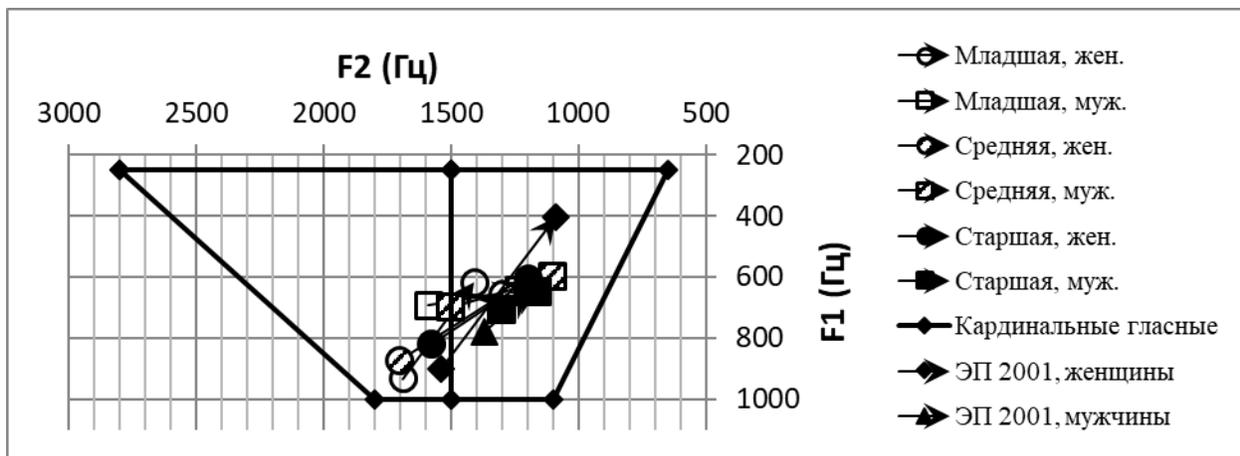

Рисунок 26 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга MOUTH-

Дифтонг MOUTH реализован большим количеством монофтонгизированных и дифтонгизированных субституций, отображенных в двух таблицах.

MOUTH	Всего аллофонов, %	[aʊ æʊ]	[a:ʊ]	[aɔ aɔ]	[aʊ]	[aɫ aɑ]	[aə aə]
Мл. муж.	8	8	-	-	-	-	-
Мл. жен.	19	3	-	7	5	2	2
Ср. муж.	12,5	4	2,5	-	2,5	2,5	1
Ср. жен.	16,5	9	-	-	-	2,5	5
Ст. муж.	22	11	-	-	-	-	11
Ст. жен.	8	-	-	-	-	8	-

Таблица 20. Соотношение аллофонов MOUTH в речи участников ШГН (дифтонги)

Среди дифтонгизированных вариантов преобладают аллофоны с ослабленным глайдом [a^o] в наибольшем соотношении у мужчин старшего возраста (11%), у женщин средней группы (9%) и молодых мужчин (8%). Молодые женщины используют варианты с пониженным глайдом [a^o/a^o]. Среди вариантов, имеющих различия между ядром и глайдом только по признаку ряда, преимущественно в женских группах зафиксирован вариант [aɫ/aɑ] в наибольшем количестве в речи женщин старшей группы. Вариант с глайдом, сдвинутым к центру ВП [aə/a^o] чаще встречается в речи мужчин старшего возраста (11%).

MOUTH	Всего аллофонов, %	[a]	[a:]	[ɑ]	[e:]
Мл. муж.	15	8	7	-	-
Мл. жен.	29	12	15	2	-
Ср. муж.	39,5	8	28	2,5	1
Ср. жен.	30,5	23	5	2,3	-
Ст. муж.	21	5	11	5	-
Ст. жен.	13	5	8	-	-

Таблица 21. Соотношение аллофонов MOUTH в речи участников ШГН (монофтонги)

Монофтонгизированные варианты – долгие и краткие гласными (с усеченным глайдом). Женщины реализуют ФСП преимущественно кратким монофтонгом [a] (12% реализаций в младшей группе, 23% – в средней), мужчины предпочитают замену долгим монофтонгом, отодвинутым к заднему ряду [a:], максимально у информантов средней группы (28%). В речи молодых женщин долгий монофтонг используется в большем количестве, чем в речи молодых мужчин (15% и 7% соответственно).

Исследователи речи жителей Лондона говорят о реализации дифтонгизированных и монофтонгизированных вариантов ФСП MOUTH. Что касается социальной стратификации лондонского произношения, действует принцип: чем слабее глайд дифтонга, тем менее консервативным является произношение говорящего. Дж. Уэллс говорит о том, что в Кокни дифтонг реализуется долгим монофтонгом типа [æ:-a:], в речи рабочего и среднего класса пригорода ФСП реализована дифтонгом по типу [æʊ-æ^ə]. Вариант [εʊ] отмечен как провинциальная форма, более свойственная речи старшего населения [Altendorf, Watt, 2004: 191].

Дифтонг имеет открытый гласный переднего ряда низкого подъема в качестве инициальной точки в норме RP (также несколько отодвинутый вариант), элемент скольжения направлен к FOOT, но не достигает его положения полностью. В консервативной ПН ядро артикулируется сонантом среднего ряда, тогда как в рафинированном RP ядро артикулируется с ретардацией и добавленной длительностью [Upton, 2004: 225].

3.2.1.4.7 ФСП дифтонг VOICE

Дифтонг реализован в речи преимущественно стандартным вариантом, редуцированных вариантов не зафиксировано, незначительное соотношение аллофонических субституций выявлено в группе молодых мужчин (8,33%) и

мужчин средней возрастной группы (11%), в несколько большем количестве у женщин средней и старшей групп (15,38% и 20% соответственно).

Установлена схожая артикуляция ядра дифтонга, у всех женщин-участниц ШГН реализованного как более открытый и продвинутый к среднему ряду гласный по сравнению с показателями мужской речи и ЭП обеих гендерных групп.

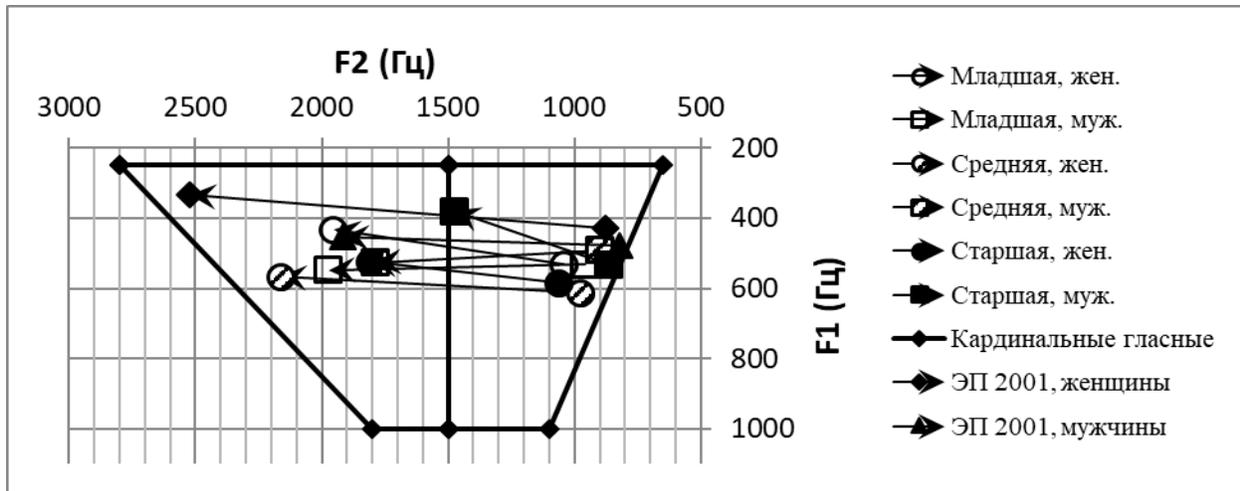

Рисунок 27 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга VOICE

Следует отметить, что по признаку подъема ядро дифтонга VOICE реализовано как немного более открытый гласный, чем долгий монофтонг THOUGHT, что подтверждает тенденцию к закрытости последнего. По признаку ряда ядро имеет ДВ между LOT и THOUGHT, у женщин ближе к LOT, а у мужчин – к THOUGHT (см. Приложение 5).

Глайд дифтонга VOICE ни в одной группе не артикулируется участниками ШГН настолько высоким и передним гласным, как ЭП женщин. У мужчин старшей группы глайд дифтонга наиболее закрыт, но, в то же время, сильно отодвинут к центру ВП и близок к [i]. В речи остальных информантов ядро VOICE реализовано гласным, близким к монофтонгу KIT. У женщин $F2\text{ KIT} > F2\text{ VOICE}$ в каждой возрастной группе соответственно, тогда как эталонной группе, напротив, $F2\text{ VOICE} > F2\text{ KIT}$. Наиболее продвинутое гласным ядро ФСП реализовано в речи

женщин средней возрастной группы (Приложение 5). Представляется возможным сделать вывод о сужении дифтонга VOICE в исследуемой нами речи.

Следует отметить незначительное количество реализаций аллофонами, что связано, прежде всего, с небольшим количеством лексических единиц, содержащих интересующую ФСП, в жанре комедийного ток-шоу. Монофтонгизация отмечена в речи молодых мужчин (*point* [pɔɪn]), в остальных случаях – либо ослабление глайда до нейтрального гласного (*at the same point* [əʔ səm pɔɪt]), либо в случае сочетания ФСП и шва [ɔɪə] ослабление или отбрасывание глайда: *royal* [rəəl], *enjoyable* [ɪn'dʒɔɪəb].

VOICE	Всего аллофонов, %	[ɔ]	[ɔɪə]	[ɔə]
Мл. муж.	8	8	-	-
Ср. муж.	11	-	-	11
Ср. жен.	15	7	7	-
Ст. жен.	20	-	-	20

Таблица 22. Соотношение аллофонов VOICE в речи участников ШГН

К. Аптон говорит об артикуляции начальной точки дифтонга как гласного заднего ряда полуоткрытого подъема с элементом скольжения, направленным к гласному KIT [225]. В исследовании У. Альтендорф и Д. Уатт отмечаются реализации дифтонга [ɔɪ] как [ɔɪ] в произношении жителей Большого Лондона, в социолекте Кокни как [oɪ] [Wells, 1982: 308, 310; Altendorf, Watt, 2004: 189]. В речи участников ШГН и носителей trad-RP дифтонг артикулируется схожим образом, поскольку в целом соответствует по признаку подъема долгому монофтонгу THOUGHT; по признаку ряда оба элемента дифтонга сдвинуты к центру ВП, что свидетельствует о тенденции к сужению дифтонга VOICE.

3.2.1.4.8 ФСП ДИФТОНГ CURE

Дифтонг представлен реализацией в таких лексических единицах, как *sure*, *pure*, *tour*, *furiously*, *during* (в ударном положении, всего 20 случаев), *February*, *eventually*, *ritualistic*, *sexually*, *constituency*, *casual*, *manual* (в безударном положении, всего 8 случаев). В слабой позиции в *actually* дифтонг в большинстве случаев редуцируется до нейтрального гласного, либо элидируется без корреляции с гендерной и возрастной соотнесенностью. Под ударением CURE представлен СВ [ʊə] в 5 случаях из 12 в *tour*, *pure*, *sure* в СР юношей и говорящих из средних групп; при заменах [з:] в *during*, *tour* и [ɔ:] в *tour*, *sure*. В слабой позиции ФСП CURE реализована преимущественно редуцированным до [ʊ] вариантом и в одном случае редуцированным до нейтрального [ə] (в *sexually*). Стандартный вариант в безударном положении не зафиксирован. На графике отображена реализация дифтонга в речи молодых мужчин как [ʊ̯ə̯], мужчин средней группы как [ʊ̯ə̯], женщин средней группы как [ʊ̯ʊ̯], то есть, только в речи мужчин ФСП выступает дифтонгом, тогда как в речи женщин – дифтонгоидом с глайдом, расположенном в одинаковом подъеме с ядром. Реализация дифтонгов в речи мужчин-участников ШГН имеет общие черты с ЭП: в младшей группе глайд дифтонга почти совпадает с ЭП по значениям формант, в средней группе дифтонг продвинут вперед.

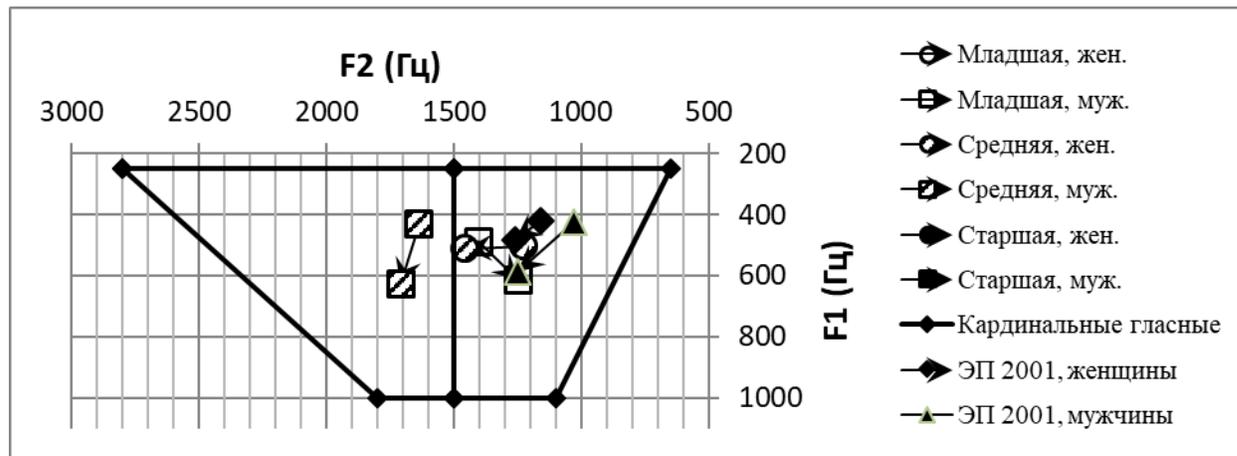

Рисунок 28 – Средние значения формант F1 и F2 для дифтонга CURE

Согласно К. Аптону, наиболее частым вариантом реализации ФСП является [ʊə], нисходящий дифтонг, ядро которого артикулируется подобно гласному FOOT, глайд продвигается либо к среднему, либо к открытому подъему. Такой вариант чаще встречается в речи носителей trad-RP и многих носителей RP, в частности, среднего и старшего поколения. Одной из тенденций артикуляции ФСП является монофтонгизация до [ɔ:] как следующая стадия после реализации [ɔə] в FORCE [Cruttenden, 1994: 134], таким образом, многие носители современного RP произносят ранее различные ФСП в *Shaw* [ʃɔ:], *sure* [ʃʊə], *shore* [ʃɔə] как [ʃɔ:] [Upton, 2004: 226].

У. Альтендорф и Д. Уатт отмечают реализацию дифтонга как речи жителей Лондона среднего класса как [jʌə-jʊə-jɔ:], в речи жителей пригорода (средний и рабочий класс) как [jɔ:]. Дж. Линдси отмечает аллофонию дифтонга [ju(w)ə] и [ɥ:/ə:]. Данные исследования речи участников ШГН свидетельствуют как о демократизации консервативного произношения, так и о диалектном нивелировании в произношении ФСП, поскольку иллюстрируют обе тенденции (субституция монофтонгами [з:]/[ɔ:] и сдвиг к центру ВП по типу [ʊö]/[ʊə]) [Altendorf, Watt, 2004: 189].

3.2.2 Реализация согласных ФСП

3.2.2.1 Особенности L-вокализации в речи участников ШГН

Замена латерального аппроксиманта [ɹ] (его веляризованного варианта) вокоидом или сонантом высокого подъема заднего ряда представляет собой L-вокализацию, свойственную многим языкам мира, встречающуюся, в частности, в детской речи. В ПН АЯ данная особенность проникает через Эстуарное произношение, куда заимствуется из акцента Кокни. Фонетисты спорят о причислении данной артикуляции к нормативному, к примеру, фонетист К. Аптон в своей характеристике RP оставляет без внимания L-вокализацию [Upton, 2004].

В то же время, J. Przedlacka регистрирует реализацию «темного» [ɫ] в 34% потенциальных случаев в RP и при 77 % в акценте Устья Темзы [Przedlacka, 2001: 37]. Это свидетельствует о том, что L-вокализация присутствует как в стандартных, так и в нестандартных вариантах произношения, но с различной частотностью в зависимости от фонетического окружения. Дж. Линдси подчеркивает важность владения как "чистым", так и "темным" вариантом звука [ɫ], поскольку современное произношение реализует [ɫ] перед гласными, а [ɫ] — в остальных позициях [Lindsey, 2019: 72]. Исследователи, в частности, И. Эриксен [Eriksen, 2015], выделяют следующие контексты для L-вокализации в стандартном произношении:

- 1) после гласного перед паузой: "from Liverpool", "incredibly well";
- 2) после гласного перед согласным внутри слова или на границе слов: "almost five", "whole sequence";
- 3) силлабическое [ɫ] в позиции после согласного, произносимое как [əɫ] или [ɫ] как перед паузой, так и перед следующим словом: "A normal wedding", "a special moment", "it's emotional".

Спорный характер частотности L-вокализации освящен в трудах Дж. Уэллса [Wells, 1982]. В исследованиях диалектов, смежных с RP (Estuary English, Кокни, Standard Southern British) параметры L-вокализации детально описаны и проиллюстрированы эмпирическим материалом [Altendorf, Przedlacka, Wells, Kerswill & Milroy, Cheshire].

Наблюдение соотношения реальных случаев вокализации к потенциальным в первом типе окружения [ɫ→w/o/___#] показывает наивысшее соотношение вокализованных вариантов в СР юношей – 67% и 29% в СР девушек лексемах как *still*, *well*, *Liverpool* и т.д. Участники иных групп не реализуют «темные» аллофоны (количество потенциальных реализаций от 6 до 12). Дистрибуция аллофонов отображена на Рис. 27.

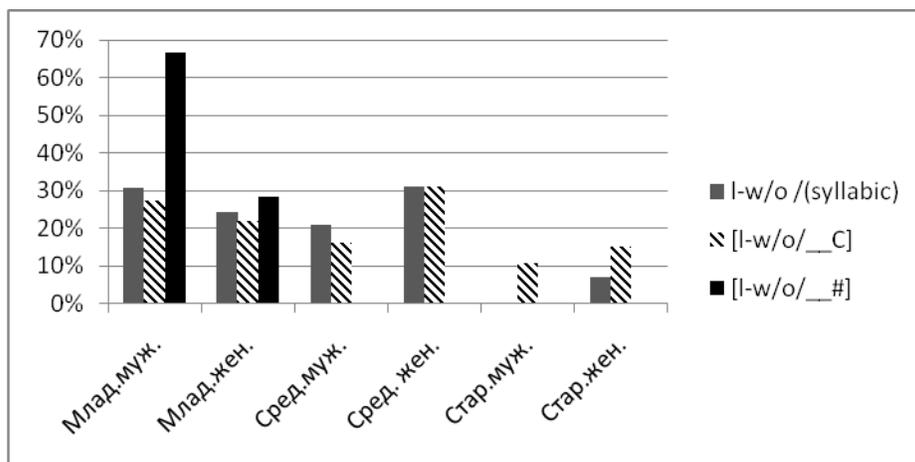

Рисунок 29 – Количественная характеристика реализаций [ɫ→w/o/] в трех видах контекста в речи британцев-участников ШГН

Второй тип контекста L-вокализации [ɫ→w/o/ __C] характеризуется наиболее многочисленными случаями потенциальной реализации ФСП (до 99 случаев в одной группе). «Темный» аллофон с наибольшей частотой артикулируется в СР женщин средней возрастной группы – 31%, в СР юношей до 27% и до 22% речи девушек. Остальные группы имеют показатели от 11 до 16%.

Детальное рассмотрение дистрибуции ФСП показало корреляцию показателей в гендерном и возрастном срезе. Велярный аппроксимант вокализируется в перед [ð], [f], [r], [m], [d], [t], [w], [s], [z], [h], [b], [p], [k], не меняя качество перед [h], [g], [j], [dʒ], [tʃ]. Участники старшего поколения вокализируют [ɫ] перед [w], [t], [k] (женщины): *all came, difficult*; перед [w] (мужчины): *always*.

По паттерну свободного варьирования все говорящие вокализируют [ɫ] в *always*. «Тёмный» [ɫ] встречается в *called, all the* кроме артикуляции девушек, *almost* кроме юношей. Отмечены иные случаи преобразования: перед [ð] в *all that, call them, well the*; перед [m] в *film, filmed, filming, stole my, casual me* в СР молодежи; *all my, overwhelmed* у женщин средней группы. Представители младшего поколения предпочитают «темный» аллофон [ɫ→w/o/ __C] перед аппроксимантом [r] в *already, feel right*.

В СР юношей встречается субституция перед [f] в *myself, school for, steal from*; [ʃ] в *all shouting*; перед [k] в *pencil-case, still can't* (также в речи женщин старшего поколения); только в речи последних – перед [t] в *difficult*; перед [n] в *well, no* в СР представительниц средней возрастной группы. Корреляция «тёмного» [ɸ] в позиции [ɸ→w/o/__C] отображена на Рисунок 27).

На периферии системы языка по отношению к норме, «ядру» этой системы, находятся реализации вокализованных субституций [ɸ] в окружении гласных [Lindsey, 2019: 72]). В то же время, в речи молодежи отмечается артикуляция данной черты, в частности, в СР юношей отмечено четыре подобных примера, а именно, *steal it* ['sti:əʔ'it], *school undercover* [sku:oʔ ʌndəklʌvə], *well it is* [wew id iz], *role and* [rəʊw ənɪ]; и однократное произнесение в СР девушек: *well either* [wɛɸ 'aɪðə:]. Данные случаи могут быть следствием спонтанной перестройки речевого аппарата, когда говорящий задумался, замешкался в процессе речепроизводства, о чем говорит гортанная смычка в некоторых из этих примеров.

В некоторых случаях говорящий вместо ожидаемой вокализации «темного» аллофона [ɸ-w/o/] использует палатализованный аллофон, отчетливо слышимый в речи, к примеру, в *I tell you* ['ai tel' ju], *all in well* [ɔ:l' in wɛɸ] (в речи информантов средней группы). Одной из участниц младшей возрастной группы в аналогичном случае использовался вокализованный аллофон с изменением предшествующего гласного: *called yet* [ku:d dzɪɸ].

Слогообразующий [ɸ] финальной позиции (контекст 3) максимален в СР юношей и представительниц средней группы, доходя до 31%. В СР девушек субституции достигают 24% и 21% в СР представителей средней группы. Минимальные значения присутствуют в СР старшего поколения, что составляет 7% в женской речи и нулевом показателе у мужчин (см. Приложение 7).

Все случаи реализации аллофона представляется возможным разделить на такие, как неполная вокализация (завершившаяся на промежуточной стадии) [ɸɪ],

полная вокализация, элизия без вокализации. Так, в случаях завершения вокализации на промежуточной стадии веляризованный [ɹ] не выпадает и не переходит в вокоид, однако, перед ним вместо слогового нейтрального гласного используется закрытый или средне-закрытый гласный заднего ряда (*people* [pi:pul], *comfortable* 'kʌmftəbʌl]. Случаи частичной вокализации более многочисленны, чем полной, однако, не были включены в анализ статистического распределения ФСП. Аппроксимант неполностью субституируется в СР молодежи в *people* ['pi:pʊ], *visceral* ['vɪsərəl], *beautiful* ['bju:tsəfʌ], *people who* ['pi:pʊ 'hy:].

Частичная и полная вокализация [ɹ] конкурирует с элизией в качестве додполнительного способа сегментной компрессии в потоке звучащей речи (в СР участников младших и средних групп).

Полная вокализация отмечена у юношей до 31% после [f], [v], [p], [g] в *in marvel we like* ['mɑ:vʊ wɪ laɪk], *single greatest* [sɪŋɡl greɪʔest], *resembles* [rɪ'zembu:ɹz]. Девушки реализуют вариацию после консонантов до 24% [m], [r], [t], [p] в *hospital for* ['hɒspɪtəw fə], *people themselves* [pi:pʊw əm'seəfs], *normal wedding* [ə 'nɔ:mu^w 'wedɪŋ], *people's secrets* ['pi: 'sɪkrəts] при компрессии слога. Участница однократно подвергает элизии *able to* [eɪb tʃ], что повторяется и в речи одного из участников: *beautiful* ['bju:ɪf:].

В речи информантов среднего возраста полная вокализация отмечена после [p], [b]: *people making* [pi:pʊ 'meɪkɪŋ], *terrible people* [tərəbʌ 'pi:pʌ], *comfortable position* [kʌmftəbʌ^w pə], *traditional base* [tʃrə'dɪʃnə^w e: beɪs], *people started* [pi:pʊ 'stɑ:tə], *the cardinals* [ðə 'kɑ:dnɒz], *people buy* [pi:pʊ 'baɪ]. Случаи частичной вокализации отмечены в небольшом количестве, вероятно в связи с отбрасыванием аппроксиманта в других потенциальных случаях, *cardinals* [kɑ:dnə:ɹz], *comfortable was* [kʌmftəbʌl | wəz], *people going* [pi:ʌl gəɪŋ].

В речи информантов средних групп наблюдается элизия [ɹ] после [ʃ], [f], [b], (*palatial swimming pool* [pə'leɪʃə 'swɪmɪŋ], *the tables* [ðə 'teɪbz], *able to* [eɪb tə],

wonderful Spanish [wʌndəfʊ spanɪʃ], *incredible its* [ɪn'kredəbʔə|'ɪts], *unbelievable cause* [ʌnbɪ'li:vəbə kəz]).

В речи женщин среднего возраста наблюдается элизия [ɪ] после [k]: *typical Margaret* [tɪpɪkə^{k u} mɑ:g]. Полная вокализация отмечена в таких случаях, как *people will* [pi:pʊ wʌl], *people think* [pi:pu(w)'θɪŋk], *incredible real* [ɪn'kredbu ri'], *table tennis* [teɪbu ,tenɪs], *professional job* [prə'feʃnu: dʒɒb], *local oldy* [ləʊku oʊdi]. Случаи частичной вокализации отмечены в *beautiful love novel* ['bi:ʌ:təfʊl 'lʌv 'nɒvʊl], *devil's* [devʊlz], *equal thingy* [i:kwol 'θɪŋɪ].

Неполностью вокализуются реализации в СР участников старшего возраста, как в *festival, equal women, wonderful people* ([festɪvʌl], [i:kwʌl 'wʊmən], [wʌndəfʌl 'pi:pʌl]), одна участница реализует полностью вокализированный аллофон в окружении губных согласных (*incredible blue* [ɪn'kredəbo 'blʌ:]).

В таких лексических единицах, как *evil, symbol* говорящие артикулируют [ɪ] как невокализированный аллофон и перед ним отчетливо произносит [ɪ]/[o] вместо нейтрального гласного: *angel of* [eɪndʒɪl əv], *evil* [i:vɔl], *symbol* [sɪmbol'], в последнем случае несколько палатализируя звук, с эмфатической целью переключаясь на полный стиль произношения: *We wind up in, right at the end of the thing, in a sort of final confrontation between, really, good and evil* (мужчина, старшая группа). *Popes always have their hands here, or here, and I always thought, it must be some ritualistic symbol* (мужчина, средняя группа). Таким образом, выбор аллофона обусловлен экспрессивной функцией высказывания и коммуникативной целью, сменой тона беседы, привнесением лексики высокого стиля. При анализе общего числа произнесенных вокализированных ФСП выявлена системность их распределения в гендерном и возрастном аспектах, которая визуализирована в виде следующего графика.

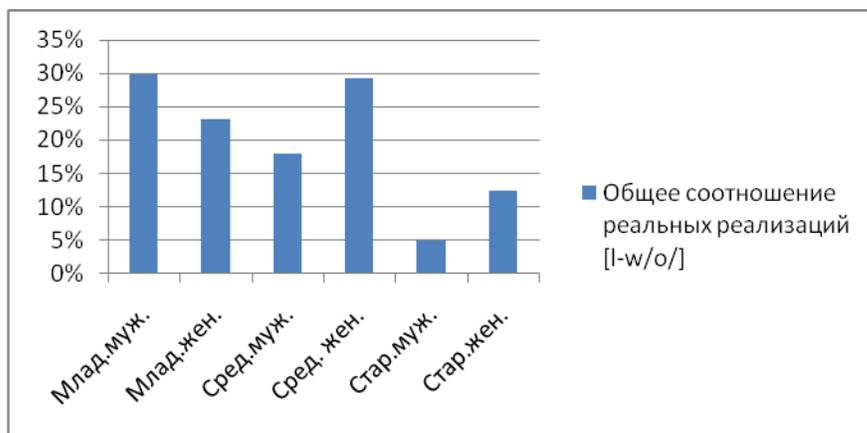

Рисунок 30 – Сравнительная репрезентация реализаций [l → w/o/] у мужчин и женщин (22 – 85 лет)

Мужчины старшего возраста представляются наиболее консервативными в выборе артикуляции; в СР женщин вокализованный частотность вокализованного аллофона в два раза выше. Особенно восприимчивы к изменениям модели произношения молодые представители (мужчины), в чьей речи доля модифицированных вариантов достигает 30%. Среди женской аудитории лидируют участницы среднего возраста, применяющие замены реже (около 29%), чем их более молодые коллеги-мужчины. Данное явление можно объяснить гипотезой У. Лабова: в фазе распространения языковых новаций, когда они уже не считаются маркером стигмы, женщины активно способствуют их внедрению, будучи менее консервативными по сравнению с мужской частью общества (*overt prestige*) [Цит. по: Eriksen, 2015: 8].

Исследование показало, что в современном стандартном британском произношении L-вокализация реализуется в значительной мере, проявляясь в СР как обязательная характерная черта. Чаще всего вариации переменной встречаются в словах, где [l] следует за согласным в конце слова (например, "bottle", "wonderful", "people"). Однако в качестве нестандартной формы отмечено использование вокализованного [l] после гласного в препаузальном контексте (как в словах "pool", "mill", "school"). Данная вариация наиболее распространена среди

молодой категории участников, особенно среди юношей. Кроме того, в речи мужчин молодого поколения выявлены случаи интервокальной L-вокализации, которые специалисты считают отклонением от ПН.

3.2.2.1.1 Влияние L-вокализации на систему вокализма в RP

Недостаточное внимание исследователей было посвящено изучению влияния L-вокализации на преобразование системы сонантов в британском произносительном стандарте. Ряд исследователей ограничивается описанием дистрибуции аллофона [ɹ] и выявлением возрастных и гендерных особенностей реализации ФСП в зависимости от фонетического окружения. Однако следующим шагом, необходимым в исследовании влияния L-вокализации на звуковой строй языка, а именно, сдвиг в системе вокализма, представляется анализ гласных ФСП, предшествующих веляризованному и/или вокализованному [ɹ]. В настоящем исследовании зафиксированы случаи изменения гласных перед вокализованным [ɹ], в речи старших групп подобная тенденция отмечена в наименьшей мере. В таблице (см. Приложение 7) представлены субституции аллофонами.

Перед веляризованным [ɹ] гласный среднего подъема [ɔ:] дифтонгируется до [ɔɪ] либо заменяется гласным верхнего подъема [u], [əʊ] отодвигается назад до [oʊ] либо монофтонгируется до [ɔ:]/[o], сочетание гласных [u:ə] отодвигается до [ʏY:]. Гласные среднего ряда дифтонгируются в речи информантов среднего возраста ([ɜ:]→[eə], [e]→[ea^ə]), дифтонгируются и отодвигаются по ряду назад, или по подъему к более открытой артикуляции в речи молодых информантов ([e]→[u], [au], [a]). Напряженный гласный верхнего подъема дифтонгируется (в речи информантов средних возрастных групп [i:]→[i:ə], в речи молодых участников ШГН [i:]→[i:u]). Краткий монофтонг [ɪ] в речи молодых мужчин дифтонгируется до [ɪu], [ɪə], [ɪə], в речи молодых женщин опускается по подъему и дифтонгируется до [ea], [ew]. Представляется возможным установить

взаимосвязь между системным сдвигом гласных, происходящем в южно-британском произношении, и влиянием L-вокализации на систему сонантов в целом, поскольку сдвиг кратких и долгих монофтонгов заднего ряда компенсируется отодвиганием и повышением по подъему гласных среднего ряда. Монофтонгизация дифтонга [əʊ] уравнивается дифтонгизацией монофтонгов: вокализированный аппроксимант [ɹ] выступает в качестве глайда /w~ʊ/ и сочетание артикулируется как дифтонг.

3.2.2.2 Реализация ФСП [t]

Анализ аллофонической вариативности альвеолярного смычного взрывного [t] представляет интерес в ситуативном аспекте, при этом, явление имеет гендерную, возрастную и территориальную специфику распределения. ФСП [t] в АЯ может быть реализована следующими вариантами:

1) определяемый тремя фазами артикуляции (смыкание голосовых связок, остановка, размыкание) отчетливый [t]; 2) вариант с двумя фазами [t^{unr}?]: смыканием связок и остановкой, «unreleased stop»; 3) аспирированный [th]; 4) – глоттализированный вариант [ʔ], гортанная смычка, «glottal stop» (также преглоттализированный аллофон [ʔt], в данном исследовании не причисляемый к полной смычке); 5) элизия [Ø], отсутствие артикуляции; 6) одноударный аллофон [ɾ], «flap», «tap».

ФСП [t] также имеет такие аллофоны, как палатализованный/спирантизованный [tʃ], аффриката [ts]. Анализ дистрибуции данных вариантов наряду с аспирированным аллофоном не включен в количественную статистику текущего раздела ввиду принципиального отличия в фонетическом контексте, отличном от остальных вариантов ФСП, а именно, появления вариантов [tʃ], [th] в начале слова, [ts] – в основном в начале слова.

Для американского стандарта кроме основного варианта [t] характерны замены аллофонами [th], [t^{unr}ʔ], [ɾ], [ʔ], [Ø], а также замена [d] вследствие ассимиляции. В британском варианте АЯ преобладают переменные [th], [t^{unr}ʔ], [ʔ], [Ø], менее распространены одноударный [ɾ] и аллофоническая замена звонким [d]. Для обоих национальных вариантов характерно явление преглоттализации (*match* [mæʔtʃ], *clockwork* [klɒʔk.wɜ:k], *text* [teʔkst]). Механизм аллофонической реализации [t] зависит как от фонетического окружения и появления в конкретном речевом сегменте, так и ряда ситуативно обусловленных факторов, к примеру, усиления темпа речи либо экспрессивности высказывания.

По мнению исследователей, в ситуативном контексте частая замена смычкой ФСП [t] свидетельствует о снижении степени формальности коммуникации и о непринужденности беседы. В то же время, в подобных ситуативных контекстах в действие вступает также механизм опущения согласного, т.е. происходит элизия [t] в окружении, аналогичном реализации смычки. Также происходит замена перечисленными выше аллофонами, что детально проанализировано в следующих подразделах работы.

3.2.2.2.1 Субституция ФСП [t] гортанной смычкой [ʔ].

При анализе субституции ФСП [t] собственно смычкой [ʔ] в данном исследовании выделены следующие группы фонетического контекста:

1. В интервокальной позиции: 1) в середине слова (*greatest, whatever, pretty, getting, started*), 2) в середине фонетического слова (*get on, about it*), 3) между словами (*start emptying*). Появление смычки в данном контексте находится за гранью RP и считается стигматизируемым вариантом [Upton, 2004]. По мнению Дж. Линдси, смычка между словами более приемлема, чем в середине слова и может встретиться перед ударением (*about eight, what else*) [Lindsey, 2019: 68].

2. Между гласным и согласным (*it was, that you, that because*). Данное фонетическое окружение – наиболее распространенный в нормативном произношении контекст для субституции [t] гортанной смычкой [Lindsey, 2019: 68]. В группу включены случаи артикуляции перед силлабическими гласными (*important, absolutely, written*).

3. Между двумя согласными (*don't know, moment from*).

4. Между согласным и гласным (*moment of, in front of*).

5. Препаузальная артикуляция (*it was great, giving that, that's it*).

У. Альтендорф выделяет такие контексты [t]-глоттализиции, как 1) после гласного, носовых, плавных (/l/, /r/); 2) в конце слога; 3) после ударения [Altendorf, 2003: 64]. Фонетисты упорядочивают фонетические ограничения для дистрибуции смычки следующим образом: 1) перед согласным (*Scotland, quite nice*), 2) перед гласным на границе слов (*quite easy*) и перед паузой (*Quite!*), 3) в середине слова перед латеральным (*bottle*), 4) в середине слова перед гласным (*butter*) [Altendorf, Watt, 2004: 193].

Поскольку речь представителей среднего класса отличается от рабочего избеганием смычки в «социально чувствительных позициях» в официальном стиле, его представители снижают частотность препаузальных и превокальных реализаций, избегая интервокальных реализаций в середине слова. Представители высшего среднего класса избегают подобных реализаций как в официальной, так и в неофициальной речи, демонстрируют низкую частотность использования препаузальных и превокальных реализаций в неформальной речи и преимущественно избегают их в стиле чтения. В наиболее стигматизируемых позициях (прелатеральных, интервокальных) смычка в речи данных информантов не встречается [Altendorf, Watt, 2004: 195].

По результатам исследования, которое разделяет глоттализицию на первую волну (преконсонантная), вторую (препаузальная) и новейшую (превокальная),

дистрибуция препаузальной смычки является отличием речи жителей Лондона и прилегающих к нему графств от остальной части страны. В использовании новейшего явления, превокальной смычки, также лидирует Лондон [Fabricius, 2000: 134; Altendorf, Watt, 2004: 195].

Гортанная смычка может сопровождать или заменять [p], [t], [k], [tʃ] [Wells, 1992]. Исследователи также отмечают сопровождение или замену звонкого [d] [Rosewarne, 1984]. Исследователи утверждают, что гортанной смычке в британском произношении не более 200 лет, т. к. в Австралийском английском она отсутствует [Cruttenden, 1994]. П. Традгилл в исследовании 1974 г. отмечал обратную зависимость [t]-глоттализации от принадлежности к социальному классу и социальному контексту. В 1988 г. фонетист указывает на увеличение частотности реализации смычки в менее формальных стилях общения [Цит. по: Altendorf, 2003]. По мнению У. Альтендорф, [t]-глоттализация – стереотип о лондонской речи, несмотря на свое широкое распространение. В последние годы используется всеми социальными классами, однако социальная дифференциация, по оценке носителей языка, сохраняется с помощью различий в частотности и дистрибуции гортанного варианта в различных фонетических контекстах [Altendorf, Watt, 2004: 192-193]. В социолекте Кокни и МЛА смычка широко используется в интервокальном контексте (*butter, later*), что выделяет данные формы произношения среди других.

Гортанная смычка как аллофон ФСП [t] справедливо считается исследователями трехсторонним маркером: в географическом, социальном и ситуативном отношении. Все информанты, отобранные нами в рамках настоящего исследования, тесно связаны с Лондоном, поскольку в определенный период жизни обучались драматическому искусству и/или проживали на территории культурного центра Великобритании, многие и в данный момент живут в Лондоне. Гортанная смычка встречается в речи представителей среднего и

рабочего класса, однако, как отмечено выше, в последние десятилетия считается инновацией, проникающей в RP и утвердившейся во всех позициях, кроме интервокальной. В Эстуарном произношении, сближающимся с демократичным стандартом, соотношение Т-глоттализации составляет около 32%, при 8% в норме RP [Przedlacka, 2001].

Субституирование ФСП [t] аллофоном [ʔ] в интервокальном контексте ([VʔV]) в аспектах гендерного и возрастного варьирования представлено на следующем графике.

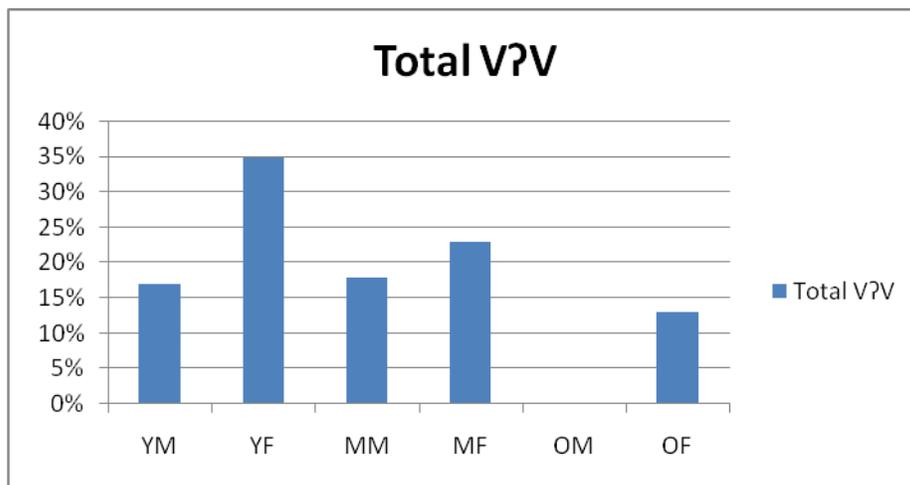

Рисунок 31 – Сравнительная репрезентация общих реализаций смычки [ʔ] в интервокальной позиции в речи участников ШГН

У женщин соотношение реализации смычки в целом выше, чем у мужчин. Наибольшее соотношение отмечено у молодых женщин (до 35%), соотношение [VʔV] снижается до 13% у представительниц старшей группы. У мужчин соотношение реализации аллофона варьируется в небольшом диапазоне (18-19%) за исключением информантов старшего возраста, в речи которых реализация [VʔV] не зафиксирована. В целом отмечается системная зависимость от гендерного и возрастного факторов.

Особый интерес представляет анализ дистрибуции смычки в различных категориях контекста [VʔV], поскольку позволяет установить социофонетическую

закономерность, является «социально чувствительным». Реализация гортанной смычки в середине слова, в середине фонетического слова и на границе слов представлена на следующем графике.

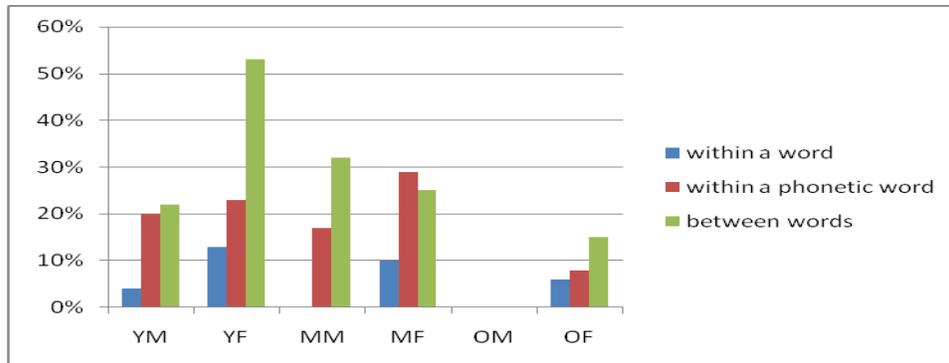

Рисунок 32 – Сравнительная репрезентация реализаций смычки [ʔ] в интервокальной позиции в речи участников ШГН в трех типах контекста

В находящемся на периферии системы АЯ инновационном контексте, в середине слова, глоттализиция отмечена в речи женских групп. В СР мужчин реализация свойственна только юношам в соотношении 3% (меньшем, чем в любой группе участниц ШГН); в СР остальных мужчин реализация [ʔ] в окружении гласных. Процент реализаций смычки возрастает со снижением возрастного показателя участниц, доходя до 13% в СР девушек.

Вариация регистрируется более заметно в середине фонетического слова (интервокально) с максимумом в СР женщин средней группы – до 29%. Мужчины старшего поколения не артикулируют гортанный аллофон в контексте [VʔV]. В СР молодежи показатель дистрибуции смычки составляет 15% в СР юношей и до 23% – девушек.

Аллофон [ʔ] в интервокальной позиции на стыке слов реализован в большем количестве, чем в предыдущих типах контекста: от 15% в речи женщин старшего поколения до 53% в речи девушек. Наблюдается скорее возрастная, чем гендерная зависимость дистрибуции: у молодых женщин отмечено соотношение смычки на границе слов на 7% выше, чем у юношей. В речи информантов средней группы

соотношение субституций составляет 32%, что на 7% больше показателей женской СР в той же возрастной группе.

Таким образом, в группах женщин наблюдается возрастная вариативность интервокальной реализации гортанной смычки: в каждом выделенном фонетическом контексте со снижением возрастного показателя повышается уровень Т-глоттализации. Исключение составляет интервокальная реализация в середине фонетического слова, отмеченная максимально в СР женщин средней возрастной группы. Данное явление может быть связано со склонностью женщин как младшей, так и средней возрастных групп использовать более смелые, менее стандартные произносительные формы, что связано с переосмыслением гендерных ролей, влияющим на формирование восприятия себя и своего места в социуме. Следует отметить, что спецификой британского сообщества знаменитых людей в сфере масс-медиа является популярность среди мужчин традиционного образа «джентльмена», что предполагает и соблюдение произносительного стандарта, при чем, в такой форме, которая не воспринимается адресатом как высокомерная, старомодная, отталкивающая, комичная. Так, интервокально смычку в середине слова мужчины среднего и старшего возраста не реализуют вовсе, в фонетическом слове – мужчины среднего возраста менее, чем женщины аналогичной возрастной категории, на границе слов – в одной трети случаев.

В контексте «гласный + смычка + согласный» аллофон имеет распределение, показанное на Рисунке 33:

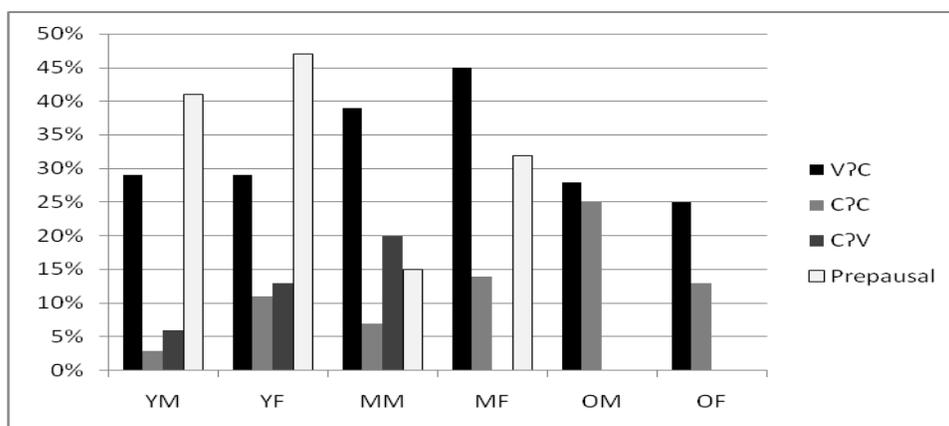

Рисунок 33 – Сравнительная репрезентация реализаций смычки [ʔ] в речи участников ШГН в типах контекста за исключением интервокального

Реализация смычки в данном контексте является устоявшейся инновацией в современном RP [Lindsey, 2019: 68-69], что подтверждается результатами нашего исследования: количество реальных субституций по отношению к потенциальным является наибольшим во всех группах говорящих. Возрастные различия представляются более значимыми, чем гендерные. В речи молодежи соотношение аллофонов в мужской и женской подгруппах схоже: 26% и 29% соответственно, что правдиво по отношению и к средним подгруппам: 28% в речи мужчин и 25% у женщин. Максимум реализаций [VʔC] присутствует в CP женщин средней возрастной группы: 45%, и на 6% снижается в CP мужчин.

Субституция в межконсонантном контексте имеет гораздо меньше потенциальных реализаций и у большинства информантов зафиксирована в меньшем соотношении, чем в контексте [VʔC]. Распределение ФСП в межконсонантном контексте продемонстрировано на Рисунке 33.

Очерчивается своеобразный компенсаторный механизм, согласно которому [t]->[ʔ] реализуется в различных контекстах: если информанты какой-либо группы предпочитают избегать ФСП в интервокальном положении (например, мужчины старшего возраста), то в межконсонантном положении в той же группе зафиксировано наибольшее количество реализаций по сравнению с другими

группами говорящих. В контексте [СʔС] более выражена гендерная, нежели возрастная зависимость. Женщины реализуют смычку в диапазоне 11-14% (минимально у девушек). В мужской группе с увеличением возрастного показателя возрастает глоттализация: от 3% в младшей группе до 25% в старшей.

В СР мужчин средней группы максимально соотношение реализаций [СʔV], что составляет 20%; тогда как показатели их [СʔС] – 7%. В меньшем соотношении реализация отмечена в СР молодежи, в речи женщин средней группы и участников старшего поколения в указанном контексте соотношение нулевое. Распределение данных представлено на Рисунке 33.

В препаузальном контексте смычка реализуется у информантов младших и средних групп с большим соотношением у женщин и наибольшим показателем у молодежи (47%). Наименьшее значение – в речи мужчин средней возрастной группы (15%) (см. Рисунок 33).

В целом, гортанная смычка является распространенным явлением в современном RP в регистре непринужденного общения, что проявляется в субституции [t]->[ʔ] информантами всех гендерных и возрастных групп.

На графике ниже (Рисунок 34) отмечено общее распределение соотношений смычки: от 17% в группе женщин старшего возраста до 31% в речи женщин средней возрастной группы. Поскольку социальная оценка использования ФСП в речи зависит от ее контекста, описанного выше и продемонстрированного на графиках, данные об общем распределении в возможных контекстах дают представление о лидирующем статусе информантов средних групп в отношении возрастного показателя и лидерства женщин в гендерном аспекте. В средней группе женщин общее соотношение ФСП максимально – 31%, на 1% меньше реализаций отмечено в речи молодых женщин. Наиболее различны гендерные показатели в группе молодых информантов, при 30% реализаций у женщин, у молодых мужчин смычка встречается почти в значительно меньшем соотношении

(21%). В средней группе мужчин общее значение реализаций смычки составляет 26%, у мужчин старшего возраста – 19%.

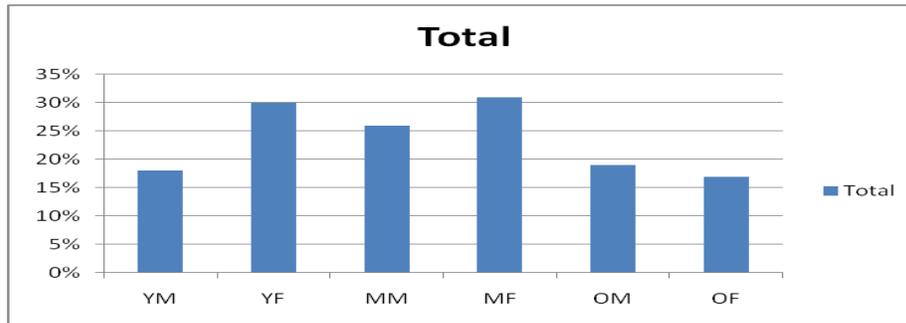

Рисунок 34 – Сравнительная суммарная репрезентация реализаций смычки [ʔ] в речи участников ШГН

3.2.2.2. Варианты аллофонических субституций ФСП [t]

Другими вариантами нестандартной реализации являются элизия [t] ([Ø]), флэп [ɾ], преглоттализированный [ʔt], смычка без размыкания связок [t^{unr}ʔ]. Среди общего количества аллофонов, потенциально субституируемых перечисленными вариантами, было подсчитано соотношение реальных случаев реализации вариантов ФСП. Полученные данные представляется возможным проанализировать по гендерному и возрастному признакам.

Аллоф.	YM	%	YF	%	MM	%	MF	%	OM	%	OF	%
Станд.	326	50,4%	176	42%	323	52%	214	46%	80	60%	124	72%
Нестанд.	321	49,6%	243	58%	300	48%	250	54%	53	40%	49	28%
T=ʔ	135	21%	129	31%	165	26%	144	31%	25	19%	31	18%
T=0	108	17%	77	18%	77	12%	63	14%	11	8%	8	5%
pre ʔ	18	3%	14	3%	6	1%	12	3%	4	3%	2	1%
Unr ʔ	25	4%	11	3%	21	3%	22	5%	0	0%	2	1%
T=flap	35	5%	12	3%	31	5%	9	2%	13	10%	6	3%
100% (2432)	647	100%	419	100%	623	100%	464	100%	133	100%	173	100%

Таблица 23. Реализация ФСП [t] аллофонами в речи участников ШГН

Так, молодые мужчины реализуют 50,4% стандартных реализаций и 49,6% субституций, среди которых реализация смычки на 4% превышает элизию

согласного (17%), остальные варианты реализованы в соотношении от 3 до 5%.
 Распределение представлено на графике (Рисунок 35).

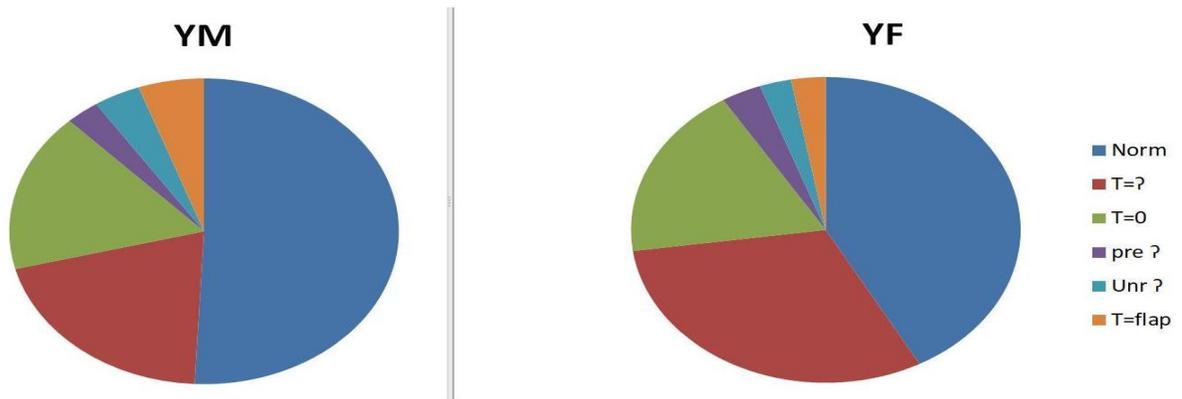

Рисунок 35 – Реализация ФСП [t] в речи участников ШГН (младшая группа)

Молодые женщины используют 42% стандартных реализаций, предпочитая замену смычкой другим субституциям (31%). Соотношение элизии в речи женщин на 1% больше, чем у информантов-мужчин, остальные варианты реализованы по 3% соответственно. Распределение представлено на графике (Рисунок 35). В речи мужчин средней возрастной группы преобладают стандартные варианты реализаций ФСП [t]. Среди субституций доминирует реализация гортанной смычки (26%), более чем в два раза превышающая элизию (12%). Среди прочих субституций наибольшее количество составляет аллофон [ɾ] (5%), как и в речи молодых мужчин (6%). Распределение представлено на графике (Рисунок 36).

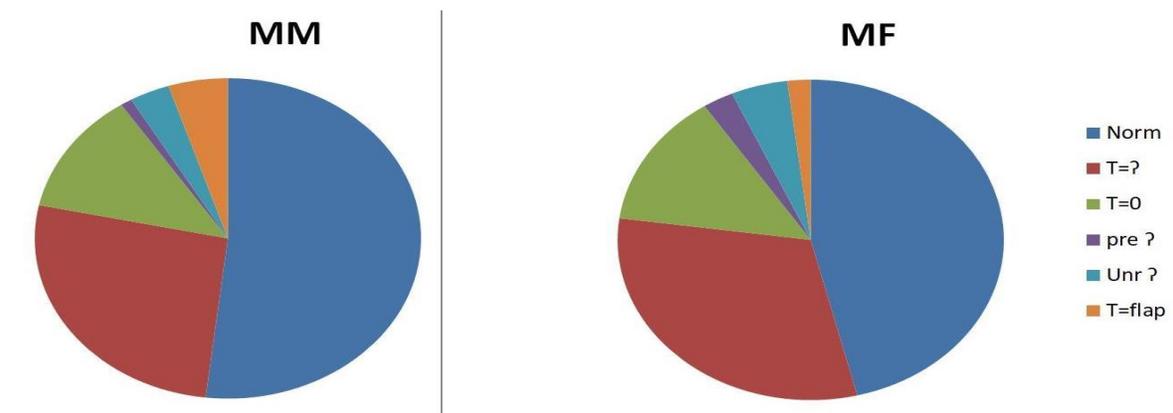

Рисунок 36 – Реализация ФСП [t] в речи участников ШГН (средняя группа)

Женщины из средней возрастной группы реализуют большее количество нестандартных вариантов переменной, чем мужчины из аналогичной группы (54%), при чем, соотношение субституций ФСП смычкой такое же, как у молодых женщин (31%) при несколько меньшем соотношении элизии (12%). Среди других аллофонов наибольшее соотношение имеет смычка, реализованная без размыкания связок ([t^{unr}ʔ]) – 5%. Распределение представлено на графике (Рисунок 36).

Представители старшего поколения минимально субституируют основной аллофон, а именно, до 40% мужчины и до 20% женщины. Данный факт может объясняться не только более медленной скоростью произнесения, но и тяготением к консервативности и желанием сохранить традицию, в том числе и произносительную. Однако же, в СР участников старшего возраста смычка доминирует над иными субституциями: 19% для мужчин, 18% для женщин, что значительно превышает элизию, составляющую у мужчин 8% и 5% в СР женщин. В речи мужчин отсутствует неполная смычка, но значительно выражен аллофон «флэп» [ɾ] (10%), реализованный также в СР женщин (5%). Данная тенденция может объясняться гендерным фактором, а именно, предпочтением мужчин всех возрастных групп использовать «флэп» [ɾ] скорее, чем пре-глоттализированный аллофон и неполную смычку. Есть и другое объяснение: среди информантов старшего возраста двое представителей, мужчина и женщина, долгое время проживают в США, с характерной дистрибуцией «флэпа» [ɾ] в американском национальном варианте АЯ. Распределение представлено на Рисунке 37.

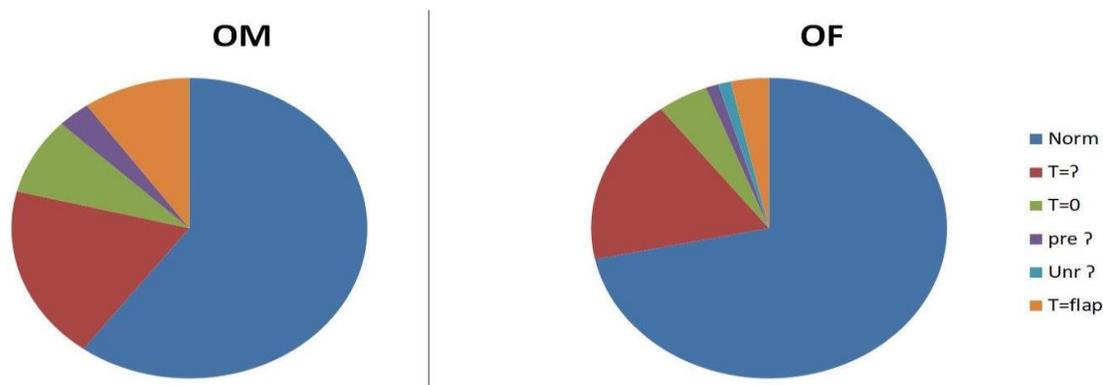

Рисунок 37 – Реализация ФСП [t] в речи участников ШГН (старшая группа)

Представляется возможным прийти к следующим выводам о дистрибуции аллофонов ФСП [t] в речи участников ШГН:

1. ФСП альвеолярный [t] реализована в речи участников ШГН преимущественно стандартным вариантом, превышающим суммарное соотношение алофонических субституций во всех группах, кроме среди женщин младшей (42%) и средней (46%) возрастных групп.

2. Наиболее выраженным аллофоном выступает гортанная смычка. Не принадлежащая к стандарту инновация [V?V], реализуемая интервокально, максимальна в СР девушек и участниц средней группы (13% и 10%).

3. Максимальное соотношение смычки достигает в СР женщин средней группы 31% (при субституции до 45% в контексте [V?V]).

4. Реализация не зафиксирована в речи мужчин старшей группы. Препаузальная глоттализация отсутствует в артикуляции старшего поколения участников, тогда как позиция [V?V] имеет нулевой показатель в группе мужчин.

5. В субституировании ФСП [t] присутствует своеобразный механизм компенсации, уравнивающий дистрибуцию в различных типах контекста согласно гендерным и возрастным характеристикам участников. Так, минимальная глоттализация [V?V] в речи мужчин среднего возраста соответствует максимальной в позиции [C?V], а отсутствие замен [V?V] в СР мужчин старшего поколения соответствует наибольшей доле в позиции [C?C].

6. Соотношение ФСП [t] превышает суммарное соотношение вариантов [ɾ], В средних и младших группах доля элизии преобладает над совокупным количеством реализаций аллофонов «флэп», неполной смычки [ʔt], и двухфазной [t^{unr}ʔ]. Мужчины старшего поколения отдают предпочтение «флэпу», тогда как вариант [t^{unr}ʔ] отсутствует.

3.2.2.3 Субституция иных согласных гортанной смычкой

Речь участников ШГН, владеющих произносительным стандартом, характеризуется реализацией преглоттализированных вариантов взрывных согласных [k] [p] [d], а также субституцией пловиков смычкой. Полная глоттализация происходит перед [t], [tʃ], [j], [g], [ð], [l], [n], [b], [p], [k], [m], [w], гласным, паузой и после вокализованного [l] (1 случай).

Молодые женщины и мужчины реализуют субституцию смычкой взрывного [k] в основном перед дентальными (по 2-5 случаев в речи каждого информанта). К примеру, замена ФСП происходит в речи женщин: *pictures* [pɪʔtʃəz], *actually* [æʔʃi], *like that* [laɪʔ ðæ^{unr}ʔ], в речи мужчин: *a fake name* [ə feɪʔ 'neɪm], *take pictures* [teɪʔ 'pɪʔtʃəz], *my acting* [maʔ 'æʔtɪŋ], *like that* ['laɪʔ ðæʔ]. Реже отмечаются варианты замены [d], среди которых один случай в женской речи: *should get* [ʃʊʔ get], три – в речи мужчин (*hybrid* [haɪbrɪʔ], *a kid but* [ə 'kɪ^{unr}ʔ bʌʔ], *and I* [ənʔ 'aɪ]). В речи женщин отмечено два случая субституции [p]: *picking up* [pɪkɪŋ ʌʔ], *keep going* [ki:ʔ ,goɪŋ], у мужчин – только преглоттализированные аллофоны [p]. У одной из участниц зафиксирована реализация смычки после [ɬ]) *well, it's* [wɒʔ its].

В средней группе отмечено меньшее количество субституций [k]: всего 7 случаев в женской группе (*director* [dɪzɜ'reʔtə], *I look like* [aɪ lʊʔ laɪk], *I took that character* [aɪ'tsʊʔ ðaʔ 'kærɪktə], *sound like you* ['saʊnd laɪʔ ju], 8 случаев в мужской: *New York neurosurgeon* [nju: 'jɔ:ʔ^k 'ni:ɹo ,sɜ:dʒən], *look I* [lʊʔ 'aɪ], *actually* [aʔʃi], *back when* [bɑʔ wen]). В речи одной участницы зафиксированы две замены [p]: *happened*

['hɑ?n:d], *a bit messed up, me... she iz* [ə bi? mest ʌ? me]. Замены [d] -> [ʔ] отмечены в незначительном соотношении (в речи мужчин три случая: *and it comes* [ən? 'i 'kʌmz], *and into* [ən? 'intə], *there are kind... you know* [ðer ə ka? Ju nəʊ], *the malfunction* [ðə mæl'flŋʔkʃŋ]); один случай в женской речи: *she could be* [ʃi: kə? bi].

В речи информантов старших возрастных групп были отмечены субституции смычкой ФСП [k]: *walk like* [wɔ:ʔ laik] в речи мужчины, [d]: *and she* [ən? 'ʃi:], *cardboard cutouts* ['kɑ:dbɔ:ʔ 'kʌ,ra:ts], кластера [kt] *asked me to* [ɑ:s? mi: tu]. Подобная глоттализация кластера зафиксирована в одном случае у информанта младшей мужской группы: *fact that I was* ['fæ? ðer 'auz].

Преглоттализированные варианты также встречаются в речи всех возрастных и гендерных групп; информанты старшего возраста наименее часто артикулируют данные варианты.

В речи молодых женщин отмечено до 2 случаев реализаций ФСП [ʔk] в речи каждой участницы, к примеру, в *actually* [æʔkʃəli], *keep secrets* [ki:ʔp 'si:ʔkrəʔts], *think that* [θɪŋʔ ðæt], у мужчин – до 4 случаев: *back story* [bæʔk 'stɔ:ri], *secret* [si:ʔkrəʔ], *so like* [səʊ laɪʔk]. В средней группе мужчины используют аллофон [ʔk] до 2 случаев в речи информанта (*like Cuban* [laɪʔ 'kju:bən], *background* [baʔkgra:nd], *I think usually* [aɪ 'θɪʔ 'ju:zulei]). Женщины средней группы проявляют схожий паттерн дистрибуции (*fiction* [fiʔkʃŋ], *quite sexually* [kwaɪʔ 'seʔkʃəli], *extreme* [ɪʔk'stri:m], *come back* ['kʌm 'bʌʔk]). Случаи преглоттализации [p] встречаются в соотношении 1-2 в каждой группе, кроме старших, в таких случаях, как *keep* [ki:ʔp], *set it up* [sed 'ɪd ʌʔp], *upgrade* [ʌʔp'greɪd], *they split up* ['ðei splits 'ʌʔp], *tearing up* [te:riŋ 'ʌʔp], *kept tripping over* [keʔpt 'tʃɪpɪŋ 'əʊvə].

Таким образом, преглоттализация пловива или субституция смычкой являются частью современного RP в непринужденном общении, и вследствие относительно низкой частотности лексем, потенциально содержащих ФСП, в

речевом узусе участников ток-шоу не являются статистически значимыми. В гендерном и возрастном аспектах отмечены следующие особенности:

- 1) информанты старших возрастных групп редко используют глоттализацию и преглоттализацию пловивов (1-2 случая в речи каждого информанта).
- 2) среди особенностей дистрибуции в младших и средних группах отметим следующее: молодежь заменяет [k] чаще, чем информанты средних групп (2-4 и 2 случая в речи каждого информанта).
- 3) замена [d] -> [ʔ] отмечена чаще у мужчин (до 3 случаев в каждой группе), чем у женщин (по 1 случаю). Замена [p] -> [ʔ] в несколько большем соотношении отмечена у женщин (1-2 случая в каждой группе), мужчины используют преглоттализованные варианты.
- 4) преглоттализованные варианты [k] отмечены в среднем по 2 случая в речи каждого информанта за исключением мужчин младшей группы, которые реализуют до 4 случаев реализации ФСП. Зафиксировано также два случая замены кластера [kt] смычкой.

3.2.2.4 Опускание и коалесцирование аппроксиманта /j/

Процессы элизии и сращения затрагивают ряд ФСП, включая альвеолярные смычные /t/ и /d/, а также следующие за ними палатальные глайды /j/. В частности, /j/ может опускаться, особенно в сочетании с /n/. Коалесцирование приводит к превращению последовательности [t] + [j] и [d] + [j] в аффрикаты [tj] и [dj] ("dune" звучит как "June"). Дж. Уэллс отмечает, что опускание /j/ в АЯ является более устоявшейся чертой по сравнению с тенденцией к коалесцированию, характерной для лондонского рабочего класса [Wells, 1982: 331]. Мужчины младшей возрастной группы часто опускают /j/, заменяя его закрытым передним гласным, например, "a new suit" произносится как [э 'nu: su:t]. Отмечена вариация с

дифтонгизированным [iu] вместо [j]: a cute film [ə kiu:t film]. У женщин опускание /j/ наблюдается в безударных позициях (например, "turbulent" - ['ta:bʊlənt]), в то время как в ударных и некоторых безударных контекстах аппроксимант сохраняется (например, "costumes" - ['kɒstju:ms], "manual" - ['mænjʊl], "knew" - [nju:]). Молодые мужчины предпочитают традиционное произношение с сохранением /j/ как в ударных, так и в безударных позициях, что отмечается в "humiliated" [hju:'miliətiəd], "continuation" [kən,tɪnjʊ'eɪʃn] и "studio" [stju:diəʊ]. Коалесцирование проявляется одинаково у мужчин и женщин, например, в "education" [edʒi'keɪʃn] и "because you" [bə'kəz ju] в СР мужчин, а также "during" ['dʒɜ:riŋ] и "producer" [prə'dʒu:sə] в СР женщин.

В СР средних групп /ju/ претерпевает дифтонгизацию, особенно выраженную у женщин: muse [miy:z], beautiful ['biu:təfʊl], и полное отбрасывание в слабых позициях как у мужчин, так и у женщин: particularly [p'tɪkʊli], New York neurosurgeon ['nju: 'jɔ:ʔk 'ni:ɔrə,sɜ:dʒən], сохранение консервативного /ju/ в New York, inaugurated [ɪ'nɔ:gəreɪdɪd]). Спорадически реализуется замена аппроксимантом /w/: the situation [ðə ,sitʃʊ'eɪʃn → ð ,sitʃw'eɪʃn], элизия с ассимиляцией консонантов: costume ['kɒssuəm].

Аффрикатизация встречается в СР участниц средней возрастной группы в случаях: *intuitive* [ɪn'tʃju:ɪtɪv], *would you mind* [wɒdʒ ju 'maɪnd], *she said you* [ʃi: 'sedʒ ju], *did you* [dɪdʒ ju]. В то же время в СР мужчин единично: *due to* [dʒu: tu]. Женщины реализуют в *keep doing that* [ki:p 'dʒu:ɪŋ ðæʔ], *came down* ['keɪm dʒaʊn] /d/-аффрикатизацию без добавления аппроксиманта. В речи участников старшей группы единожды артикулируется субституция /d/→[dʒ]: *do you prepare* [dʒɜ rɪpre:], одна из участниц отбрасывает /j/ в безударном слого: *New York* ['ni: 'jɔ:k], *want you to play* ['wɒntʃu tə pleɪ]. Так, информанты старшего поколения, как правило, тщательно артикулируют сочетания с /j/.

Все говорящие склоняются к консервативной артикуляции некоторых лексем: *New York* ['nju: 'jɔ:k] (конкурирует с /j/-элизией), *costumes* [kɒstju:mz], *studio* [stju:diəʊ], именем персонажа *Newt* [nju:t].

В целом, такие явления, как отбрасывание аппроксиманта либо сращение с предыдущим согласным, или коалесцирование, находят широкое распространение в беглой речи британцев, владеющих ПН. Возрастная вариативность проявляется в сохранении традиционной артикуляции информантами старшего возраста в большей степени, чем их младшими соотечественниками. Своеобразие женской речи заключается в большем соотношении аффрикатизированных и дифтонгизированных сегментов в речи женщин средней группы, чем у мужчин соответствующей группы. Среди молодых информантов мужчины чаще используют дифтонгизированные аллофоны в ударной позиции.

3.2.2.5 Опускание начального /h/

Опускание начального /h/ является стигматизируемой чертой, которая считается свойственной кокни и проникающей в ЕЕ, но не свойственной RP (кроме случаев реализации в личных местоимениях и в формах глагола *have*) [Altendorf, 2003]. Результаты настоящего исследования подтверждают данную точку зрения. Во всех группах отмечено отбрасывание начального /h/ в местоимениях и в формах глагола *have*. У одного из молодых мужчин зафиксирована элизия согласного в середине составного существительного *skinheads* [skinedz], в речи одного из мужчин средней группы – два случая опускания начального согласного в *who* [u: pleɪz], [u: hæz]), в речи одного из молодых мужчин – один случай: *anyone who hasn't* ['eniwʌn u 'hæzn].

Некоторые информанты реализуют субституцию /h/ аппроксимантом /j/: *he hasn't* ['hi: 'jæzn?], *play had* [pleɪ jəd] (молодые женщины), *he has* ['hi: 'jəz] (молодые мужчины), *we had* [wi jhəd] (мужчины средней группы).

Следует отметить, что опускание начального /h/ имеет несколько больше соотношение в речи молодых информантов, в речи информантов средних возрастных групп преобладает элизия /h/ в местоимениях, реже зафиксирована в *have*. В старших группах информанты более тщательно артикулируют начальный /h/ по сравнению другими информантами: соотношение элидированных ФСП самое низкое. В речи женщин старшей группы не отмечено опускание начального /h/ в глаголе *have*.

3.2.2.6 Субституция кластера [st] и аффрикатизация ФСП [t]

Палатализация кластеров [st] подразумевает их замену вариантом [ʃt]. По мнению У. Альтендорф, данное явление, несмотря на свою широкую распространенность в речи представителей среднего и рабочего классов, редко упоминается в научной литературе, в частности, печатной (в 1999 г. в одной из онлайн дискуссий палатализация в /(s)tr/- кластерах упомянута впервые). Палатализация [st] имеет ряд контекстных ограничений в зависимости от произносительного варианта. У. Альтендорф выделяет такие потенциальные позиции, как /st+V/, которая менее частотна, чем /stj/ и /str/. Дистрибуция данной черты имеет выраженный региональный характер и встречается в южно-восточных регионах Англии, а также в таких национальных вариантах АЯ, как американский и австралийский. Наряду с коалесцированием /j/, замена [st] на [ʃt] вызывает у консервативных говорящих на RP недовольство и осуждение [Altendorf, 2003: 69].

Палатализация [t], [st] происходит в таком контексте, как перед [r] в предударной позиции (*street is* [sʃtri:t ɪz], *extremely* [ɪk'stʃri:mli], *tried to* ['tʃraɪ tu], *that's true* [ðætʃs tʃru:]), так и перед безударным: *it's a mystery* ['ɪts ə 'mɪstʃri], *coaster* [kəʊsʃr], *interesting* [ɪntʃrɛstɪŋ], *flattering* ['flætʃrɪŋ]), перед [j] на стыке слов (*don't you* [dɒntʃ ju]), перед [ə] на стыке слов (*eight and six* [eɪtʃ ənd sɪʔks], *I smoked*

in ['ai sməʊktʃ in]), при выпадении шва *into this* ['intʃðis]), перед [g] в *to go* [tʃ 'gəʊ], перед [h] в *director who* [dɛə'rektʃ 'hu:].

Следует отметить, что ни один информант не артикулирует вариант *literally* как ['litərəli]: говорящие используют палатализованные варианты с полной редукцией шва: ['litʃəli], ['litʃrəli], ['litʃruli], ['litʃli], [litʃəri], реже – только с усеченными гласными сегментами на месте слога: [lituli].

Среди гендерных и возрастных особенностей дистрибуции ФСП представляет интерес палатализация [t], [st] у всех молодых информантов, и, в то же время, отсутствие данных вариантов в речи представителей старшего поколения, у информантов средних групп – большее соотношение реализаций палатализованных вариантов в речи женщин, в речи троих мужчин указанные сочетания не зафиксированы.

Также в динамичном темпе речи СР происходит отсутствующее до недавних пор в речи образованных британцев явление — аффрикатизация [t] до [ts], которая чаще наблюдается у женщин. Данный феномен особенно выражен в различных британских диалектах, включая ирландский, и выделяется в Ливерпульском варианте (по К. Уотсону, 2007) и лондонском Кокни (Дж. Уэллс, 1982) [Linguistics].

В рамках текущего исследования аффрикатизация [t] была зафиксирована в младших и средних возрастных группах, преимущественно среди женщин среднего возраста, где отмечена артикуляция *got up* [gɒts ʌp], *at all* [əts ə:l], *but he* [bʌts hi:], *eye to eye* [ai tsə ai], *about twenty minutes* [ə,ba:t tswentsi minits]. У мужчин аналогичной группы данное явление наблюдалось лишь у одного информанта, проявившись в лексемах *to arrive* [ts ə'raɪv], *opposite* [ɒpəzits]. В СР молодежи (женщины) аффрикатизированный аллофон [t] был зафиксирован в словах *to ask* [tso ə:sk] и *talking* ['tʃɔ:kɪŋ], а у мужчин — в 10 случаях в общем. Исключением является участник, чья мать имеет валлийское происхождение, к тому же, молодой

человек, по его словам, провел детские годы в Ливерпуле, и данная черта в его СР встречается значительно чаще — 11 раз. Кроме того, у этого участника отмечается более высокая частота палатализации [tʃ] по сравнению с другими участниками исследования.

3.2.2.7 Интрузивные и соединительные согласные

Стоит отметить, что в британском стандартном произношении, за исключением шотландского варианта, согласный [r] артикулируется как альвеолярный или постальвеолярный аппроксимант [ɹ]. Современные телеведущие и дикторы стали использовать [r] в интервокальной позиции, где исторически его не было, что представляет собой r-интрузию, или интрузию согласных, проникающих в позиции, где ранее они не встречались (например, «china-r animals», «law-r-and order»). Данную вставку следует отличать от соединительного [r] (linking [r]), встречающегося в интервокальной позиции, который пропадает в ином фонетическом окружении (*flour and water* → *add some flour to*). Устоявшийся вариант интрузии представляет собой неопределенный артикль “an”. Более того, носители языка, отбрасывающие инициальный /h/ в *horrible, historical*, и т.д. естественным образом разделяют вокальный контекст с помощью определенного артикля «an» [Upton, 2004; Altendorf, 2003].

Появлению в речевом потоке соединительного согласного аналогичен психолингвистический механизм r-интрузии. В качестве эпентезы при этом артикулируются иные аппроксиманты: [j] (*told him who I (j)am*), [w] (*two (w)upper parts*). Решающую для возникновения интрузии роль играет промежуточный между гласным и согласным характер аппроксимантов [j] и [w]: в беглой речи говорящий приходит к «компромиссу» между минимальным артикуляционным усилием и сохранением разграничения слов в потоке речи. К. Аптон отмечает, что

интрузия является примером гиперкорректного произношения, когда возникает в середине слова, как в *sawing* [sɔ:ɪŋ] (в юго-западных диалектах) [Upton, 2004].

Исследование СР участников ШГН при подзвоняет причислить к интрузивным согласным также реализацию гортанной смычки; в отдельных случаях не препятствует пониманию смысла высказывания слитное произношение слов без интрузии. Распределение интрузивных согласных представлено в следующей таблице (где мл. «младшая», ср. «средняя», гр. «группа»).

Интрузивный/ соединительный согласный	Преобладает в возрастной группе	Пример
соединительный [r] (у всех участников)	мужчины мл. и ср. гр.	<i>there is, your eye, car or, over a minute, here and, dinner at night, whatever and</i>
интрузивный [r]	мужчины мл. и ср. гр.	<i>saw a lot</i> [sɔ:r ə lɒt], <i>no other</i> [nəʊr'ʌðə], <i>throwing</i> [θroʊ'ɪŋ]
интрузивный [r] + редукция [ə]	мужчины мл. гр.	<i>under a rock</i> [ʌndr ə rɒk]
интрузивный [w],	мужчины, женщины мл. и ср. гр.	<i>no idea</i> [nəʊw aɪ'diə], <i>her on</i> [həwɒn], <i>to any</i> [tuwəni], <i>who is</i> ['hæ:w ɪz], <i>so I</i> ['səw 'aɪ];
интрузивный [j]		<i>piss me off</i> [pɪs mi: jɒf], <i>idiomatic</i> [ɪdɪjə'matɪk], <i>we all</i> [wi jɔ:l], <i>the other</i> <i>half</i> [ðɪ j'ʌðə ha:f], <i>preamble</i> [pri:jambɫ]
субституция [h]→[j] (личные местоимения, глагол «have»)		<i>to play her</i> [tə pleɪ jə], <i>we had</i> [wi jəd], <i>he has</i>
гортанная смычка [ʔ]	женщины ср. гр.	<i>there actually, architecture at, surgery and</i>
	мужчины мл. гр.	<i>year old, player and, that are eight, my acting</i>

Таблица 24. Примеры интрузивных паттернов в речи участников ШГН

Участники старших возрастных групп не используют для разделения гласных переменных в потоке СР ни интрузивные [w], [j], ни гортанную смычку.

Дистрибуция соединительного [r] конкурирует со слитным произношением либо паузой в интервокальном контексте: слитное произношение гласных в таких случаях не препятствует пониманию речи. Пободным образом артикулируют гласные все информанты, к примеру, молодые мужчины в *ever expected, producer asked, mirror and, brother or*; молодые женщины в *for a book, for everybody, were ushering, producer of, or anything* и т.д.

В ходе анализа СР британцев, участвующих в ШГН, было выявлено: для разделения гласных фонем на стыке слов и морфем характерны явления, связанные с внедрением в поток речи аппроксимантов и гортанной смычки, также распространено слияние гласных. В контексте ток-шоу, где участники общаются с носителями АЯ, знакомыми с британским произношением, такие интрузивные элементы используются в большей степени для придания речи эмоциональности и ритмичности, а не для повышения четкости и понятности в быстром темпе. Отметим, что интрузивный [r] в речи носителей нормы встречается значительно реже, чем соединительный. В речи старшего поколения участников не наблюдалось интервокальной интрузивной смычки, а также вставки [w] и [j].

3.2.2.8 Аспирация согласных

Аспирация свойственна таким согласным ФСП, как плозивам /k/, /p/, /t/, /d/ в начале слова перед ударным гласным, и наиболее ярко выражена перед гласными переднего ряда, открытыми гласными: *unpeels* [ʌnphi:lz], *time* [thaim], *tied* [thaid], *teddy* [thedi], *pants* [phænts], *peek* [phik], *pumping* [phʌmhpɪŋ]. Взрывные гласные также аспирируются перед [ɔ]/[ɒ]: *point* [phɔɪnt], *possibly* [phɒsibli], закрытыми заднего ряда *put the* [phʊ? ðə]. Аспирированные ФСП могут реже реализовываться в начале безударного слога: *rocking a bit with* [rɒkhəŋ ə bi? wið], *Buckingham* [bʌkhɪŋəm], перед аппроксимантами: *a piano* [ə phjanəʊ], *place* [phleɪs]. В речи молодых мужчин отмечаются случаи усиленной аспирации /h/, или субституция

веляризованным аллофоном [h] *film has happened* [film 'Xæs'hæpənd], *either to him* ['æðə tXim], *then I have actually* [ðen 'aɪ Xæv'æʔ^{pre}ʃli], *list Hollywood* [list 'Xolɪwəd]. Тенденция к усиленной аспирации отмечается фонетистами в последние годы [Lindsey, 2019: 55].

3.2.2.9 Ассимиляция согласных

Естественным процессом, присущим СР, выступает наложение коартикуляционных программ гласных и согласных друг на друга, приводящее к ассимиляции. Речевой аппарат с некоторым запозданием перестраивается для артикуляции следующего звука, что усиливается в быстром темпе речевого производства, и может затруднять понимание речи собеседником. Для преподавания АЯ представляется важным исследование механизмов ассимиляции с целью облегчения понимания неподготовленной СР.

В нормативном АЯ традиционно выделяют следующие ассимилятивные типы:

1. Прогрессивная ассимиляция (слева направо): *bags* [bægz]; регрессивная (справа налево): *bank* [bæŋk]; коалесцирование, или изменение артикуляции;
2. Полная: *that place* [ðæt pleɪs]; частичная: *ten pikes* [ten baɪks];
3. А) По месту образования преграды: *this shoe* [ðɪʃ ʃuː];
Б) По способу образования преграды *good night* [gʊd naɪt];
В) По глухости/звонкости: *voiced* [vɔɪst]. Регрессивная ассимиляция происходит на границе слов, когда финальный звонкий согласный предшествует инициальному глухому (*have to* [hæv tə]) [Roach, 2009].

В речи участников ШГН ассимиляция коррелирует с возрастным показателем: более частотна у женщин и мужчин младших возрастных групп. Преобладает регрессивный тип, также интерес представляют случаи изменения согласного, отличающиеся от наиболее частых ассимилятивных паттернов. В речи

молодежи наиболее частотна регрессивная ассимиляция по месту артикуляции. В речи участников телешоу отмечены следующие примеры такой ассимиляции:

1) неполная лабиализация [n]→[m] перед [p/b/w]: *the reason why* [ri:zəm waɪ], полная [n]→[m] перед [m]: *modern medicine* [mɒdə medsn]. Билабиальные дополняются аппроксимантом [w] и лабиодентальными [f], [v] в младшей группе женщин и средней мужской: *and for* [æm fə], *conversations* [kɒmvə'seɪʃs]. В речи старших участников реализована ассимиляция лишь данного типа.

2) веляризация альвеолярного [nk]→[ŋk], [ng]→[ŋg] (кроме участников старшего возраста и мужчин среднего): *can go* [kŋ gəʊ], *different characters* [dɪfrəŋ kærəktəz],

3) переход: межзубный [ðs] → альвеолярный смычный [zs] (неполный), [nθs]→[s] (полный): *months later* [mʌns 'leɪtə], *with some* [wɪz səm],

4) альвеолярный смычный [d] → билабиальный [b] (полный): *should be* [ʃʊb bi],

5) альвеолярный [ʃ/z] → постальвеолярный [ʒ], [zdʒ]→[ʒdʒ]: *it was just* [ɪʔwəz dʒəst], [zʃ]→[ʒʃ]: *because she* [bi'kəz ʃi:], [sʃ]→[ʃʃ]: *this show* [ðɪʃæʊ],

6) билабиальный [mð] → альвеолярный перед дентальным [nð]: *from the* [fn ðə],

7) билабиальный [mg] → веляризованный альвеолярный [ng] перед велярным (СР юношей): (*of*) *them get out* [əðn ger ʌʊ^t].

Отмечаются переходы по способу образования:

1) альвеолярный [d] → дентальный [ð] (младшие группы): *and then* [ən ðen],

2) лабиодентальный [v] → аппроксимант [w] (у молодых женщин и мужчин средней группы): *of what she* [ə wɒʔ 'ʃi:],

3) взрывной [dŋ] → назальный [ŋ] (СР мужчин средней группы): *crowding* [kraʊnəŋ],

4) коалесцирование дентального и альвеолярного [dð]→[d]: *build this* [bɪldɪs].

Нестандартными примерами регрессивной ассимиляции выступают веляризация альвеолярного [n] + [r]: *you don't realize* [ji dɒŋg rɪlaɪz]; постальвеолярная артикуляция [z] + [r]: *was raised* [wəz reɪst].

В СР участников ШГН прогрессивный тип ассимиляции представлен свободным варьированием замен в кластерах консонантов: [ndð]→[ɲ] в *said this* [sedɪs], [ndð]→[ɲ] в *around the world* [ə'ra:nə wo:ld], [ndð]→[ɲ] в *had this veil* [həd ðɪs veɪl], *read the script* [redɪ skrɪp], [nð]→[ɲ] в *in the ninety* [ɪn ðə naɪnti]). Исключением являются мужчины старшего поколения, не артикулирующие подобные комбинации.

Девушки в СР субституируют [zð]→[z]: *realize that* [ri:ləɪz zæʔ], юноши [fw]→[f]: *half way* [hɑ:f'weɪ], [sð]→[s] в *less than* [les sən], [zð]→[zɲ] в *is they* [ɪz ðeɪ]. Фронтинг межзубных, или TH-fronting, представлено спорадическими единичными переходами [ð] → [v], что характерно для МЛА и Кокни: *cute film though* [kiu:t fɪlm vəʊ], *with my mum* [wɪv maɪ mʌm]. Подобное явление происходит, вероятно, вследствие сохранения северных черт в речи двух участников, юноши и девушки, которые провели детство в Ливерпуле и Манчестере соответственно.

Женщинам в средней группе свойственны такие субституции, как: [fθ]→[f] в *fifth movie* ['fɪθ 'mu:vi], [kv]→[kg/ɣ] в *look very good* [lʊk ʒeri gʊd]. В речи мужчин переход [stfj]→[stʃj] приводит к палатализации целого консонантного кластера в *last few years* [lɑ:s^t ʃji: 'jiəz]. Альвеолярный [n] переходит в [m] между аппроксимантами в *no one really* [nəʊwʌn ri:li]. Это также влияет на артикуляцию [r], как бы «смещая» артикуляцию с альвеолярной на билабиальную. Схожим примером выступает субституция билабиального альвеолярным между альвеолярным и постальвеолярным, напоминающая регрессивную ассимиляцию [ʃps→ʃts] *relationships* [ri'leɪʃnʃɪts] (либо оговорку, принимая по внимание лексический аспект). Отмечен один случай веляризации альвеолярного и замены следующего альвеолярного велярным консонантом [nt]→[ŋk]: *he wants to* [hi: wɒŋks tu], аппроксимант [w] → назальный [m] в *someone could* [sʌmmʌn kʊd].

Темп речи обратно пропорционален возрасту, и это влияет на процессы коартикуляции. В старшей группе реже встречаются прогрессивные ассимиляционные замены.

Наряду с дентализацией альвеолярного и потерей межзубного согласного [dð→ɗ] отмечена веляризация альвеолярного [knt]→[kɲt:] *it can't be* ['it kɑ:ɲt bi] в СР женщин.

Согласные изменяют также и признак «глухой/звонкий». Трое девушек оглушают звонкие согласные, озвончения не отмечены. У всех мужчин зафиксировано озвончение согласных. В речи информантов младших групп фиксируется оглушение пловива [d]→[t]: *tried to, played together, started talking, had to*, фрикативного [z]→[s]: *which is a school*, [v]→[f] перед [p]: *abusive power*, [h]: *I've had, gave her*, [k]: *kind of crime*, [b]→[p] перед [s]: *absolutely*. Не ясна причина оглушения в случаях *they've been* ['ðeɪf bɪn], *friends growing* [frents gɔɪŋ], *allowed me* [ə'laʊt mi:], *I was raised in* ['aɪ wəz reɪst ɪn]. Возможно, интенция коммуниканта спонтанно изменилась непосредственно перед произнесением, что не позволило речевому аппарату перестроиться для соответствующей артикуляции, либо информант хотел сделать паузу, с экспрессивной целью изменить тембр голоса. В некоторых случаях более сильным оказывается влияние не последующего, а предыдущего сегмента, к примеру, оглушение в *just absolutely* [dʒəs'apsəlu?li] (здесь оглушение в не типично для ПН).

В средней группе женщины более склонны к уподоблению согласных по глухости, нежели по звонкости: в речи двух представительниц отмечено озвончение, оглушение же насчитывает до 6 случаев в СР каждой участницы.

3.2.2.10 Элизия

Неподготовленная речь в атмосфере дружеского общения представляет собой богатый источник эмпирического материала для наблюдения за такими

явлениями, как стяжение и выпадение сегментов. К данным явлениям также относятся такие, как редукция гласных, элизия согласных, ассимиляция, выпадение слогов и кластеров согласных. Интерес представляют собой границы «сжимания», предел, в котором звуковые средства языка могут сокращаться и не препятствовать пониманию высказывания, а также средства, выполняющие разграничительную и/или смысловозначительную функцию в быстром темпе речи при ее эмоциональной окрашенности. Исследователи отмечают, что в нейтральной речи женщины несут больший потенциал эмоциональности, чем мужчины [Потапов, 2002: 106].

В виду крайне трудоемкого подсчета статистических показателей усечения сегментов по гендерным и возрастным показателям, репрезентативного преимущественно в стилистическом срезе, паттерны выпадения сегментов продемонстрированы в основном на примерах из записей речи молодых женщин и мужчин. В СР молодежи явления усечения сегментных единиц в речевом потоке являются более частотными и разнообразными по сравнению с теми средствами, которые фиксируются в речи участников остальных возрастных групп, которые комментируются отдельно. К примеру, в средней и старшей группах отмечено меньшее количество выпадений /r/ и субституций, что объясняется, в первую очередь, более медленным темпом речи.

Одним из контекстов элизии в речи информантов младших групп является выпадение [d] в *and* как перед гласными, так и перед согласными (20-40 случаев у каждого говорящего). Наиболее распространенным контекстом элизии является выпадение [d] в наречиях, [v]/[f] в предлогах, к примеру, в *a kind of* [kanə], [ə kaɪn əv], [kanəf], [kanəv], *sort of (domestic)* [s^ət^ə də'mestɪk], *sort of pleasantries* [s^ə:d ə plezntrɪz], *of Mary* [ə'meri], в *have: would have been* [wud ə bi:n].

Информанты демонстрируют также следующие типы усечения сегментов:

- выпадение односложного предлога: *couple of times* ['kʌpəl 'taɪmz].

- аппроксимант /r/ (в разных позициях по отношению к ударному слогу) может выпадает, либо артикулируется слабо как одноударный согласный, в многосложных словах выпадает вместе с последующим [ə], либо произносится без контакта кончика языка с альвеолами [Altendorf, 2003].

Выпадение /r/ перед ударным гласным происходит в *growing up* [gəʊŋ ʌp], *are you ready* [ju eɪdi], *the front* [ðə frʌnt], выпадение после ударного – в *very visceral* ['væʃ 'vɪsərəl], в безударном слоге: *everybody* ['evɪbɒdi], *everyone else* ['evʊən eɪls], *extraordinary* [ək'strɔ:dnəri], [ɪk'strɔ:dnəri], *every Saturday night I* ['ev,satdæi naɪt aɪ], интервокально, приводя к образованию дифтонга *belligerent* [be'lɪdʒʊənt], с гласным [ə] и приводит к сокращению слога *adorable* [ə'dɔ:bəl]. Субституирование аппроксимантом /w/ происходит в *Chris* [kwɪs], *a great job* [ə gweɪt dʒɒb], *nessessarily* [ˌnesə'sewəli:],

- выпадение /d/ в межконсонантном контексте *around like* [ə'raʊn laɪk], в контексте [əd]+[m/n] *wanted me* ['wɒntəd mi:], *husband and wife* ['hʌzbən ən waɪf], *friends* [frenz],

- выпадение аппроксиманта /w/ а) интервокально перед безударным *I was* ['æz], ['aʊz], *someone* [sʌmən], б) в контексте с+/w/+v: *start once* [sta:t əns],

- выпадение в междометии *like* начального и/или конечного сегмента *was like* [wəz'aɪk], *like with* ['laɪ wɪð], *was like "no"*, [wəz aɪ nəʊ]; монофтонгизация и выпадение ['la],

- выпадение /k/ перед /s/: *makes me* [meɪs mi], /kt/: *she asked me* [ʃi: 'ɑ:s mi:] (ЕВ), перед /t/: *I expected* [aɪk'spetəd],

- выпадение кластера (ə)nt: *turbulent roller-coaster* ['tɜ:bʊl 'rɒlə,kəʊsfr], *adorable* [ə'dɔ:bəl], *you don't want to* [ju do 'wɒnə], *I don't think* [aɪ də'θɪ 'fɪ:],

- выпадение /t/ в межконсонантном контексте (упоминается в разделе о реализации ФСП [t]): *pregnant literally* [pregnən 'lɪtʃʊli], *(it was) the last thing* ['ɪ wəz ə la:s 'θɪŋ], *wouldn't be* ['wʊdn bi],

- L-вокализация, элизия *disabled people* [dis'eib 'pi:pY], *email from* ['i:mə fm].

Выпадение слога происходит в *actually* [æʔʃi], ['æʔʃi] *literally* ['litʃəli], [litʃəli], [litʃrəli], *probably* [prɒbli], *hopefully* ['heɪpli], *depressing moment for* [di'presɪŋ 'mᵐm fə], *I finally got* ['aɪ 'faɪli 'gɒt], *it's absolutely good* ['ɪts 'æbsəlu gud], *genuinely* [dʒenəli], *February* [febʊəri], выпадение кластера согласных: *I might have to* [aɪ'maɪv tu], *favourite was* ['fævərɪz], *unfortunately* [ʌn'fɔ:tʃəli].

Элидируется также /l/: *adult novel but* ['ædʌlʊʔt 'nɒvə bʌʔ] (замена смычкой), *it's classed* [ɪts kɑ:s], *was only* [wəz 'əni], *been able to do it* [biɪn eɪb tʃ dY: eʔ], *obviously* ['ɒbvɪsi], *daniels* ['da:niəz], *email from* ['i:mə fm].

Одноударный /r/ субституирует /d/ *adults* ['æɪrɫts], *had all these* [hæɪ əl ðɪz], /n/ в *going to be* [gəʊɪ bɪ]. Элизия окончания -(i)ng отмечается в причастии настоящего времени, в т.ч. интервокально: *something* ['sʌmθ ən ju], *driving licence* ['draɪvɪ 'laɪsɪns], *breathing apparatus* ['bri:ðɪ ,apə'reɪtəs], *thinking he* [θɪŋk'hi:], *I don't think* [aɪ də'θɪ 'ʃi:], *I think my* [aɪ 'θɪ maɪ]. Нет соединительного /r/ в *they were ushering* ['ðeɪ wə 'ʌʃərɪŋ], *I was younger and* ['aɪz 'jʌŋgərən], *over and I* [oʊv ən'aɪ]. Выпадение /ŋ/ происходит перед /k/ *thanks* [θæks], /ŋ/ перед /w/ *thing where* ['θɪ we], *I think when* ['a'θɪ wən], /ŋk/ в *I don't think* ['aɪ də'θɪ 'ʃi:], /n/ в интервокальном контексте *I mean I* ['aɪ mi: 'aɪ], *one morning* [wʌn 'mɔ:ɪŋ]. В быстром темпе речи информанты могут использовать смычку для прерывания слова на середине, с разграничительной целью: *It was a... it was a joke* [ɪt wəz ə dʒəʔ'ə wəz ə dʒəʊk], *or something and* [ɔ: 'soʔ ənd], *surgery and* ['sɜ:dʒəri ʔən]. Все информанты используют широкий спектр сокращений по типу *going to be = gonna be*, *don't want to = d'wanna*: *I don't want to make* ['a dwənə 'meɪk].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Анализ звучащей речи участников комедийного ток-шоу, являющихся носителями стандартного произношения, позволил наблюдать закономерности варьирования реализации сегментного состава фонетики АЯ в срезах гендерного и возрастного показателя. Важным является то, что выделенные группы имеют присущие только им черты, обусловленные, к примеру, присутствием более традиционных форм в речи пожилых представителей нации, и характерными для молодежи инновациями, приживающимися в нормативном произношении на современном этапе развития языка. Инновации же, присутствующие в речи всех участников эксперимента, представляют собой большой пласт устоявшихся черт, выделяемых некогда за гранью произносительной нормы, проникших с периферии языковой системы в ее ядро.

1. **Гласные ФСП.** Данные о реализации основных аллофонов ФСП в речи участников комедийного ток-шоу с указанием гендерно-возрастной подгруппы, в наибольшем соотношении реализующей тот или иной вариант, а также статистически значимого соотношения реальных реализаций, указаны в Приложении 6. На основании установленных показателей частот формант F1 и F2 представляется возможным сделать выводы об изменении артикуляции в речи образованных британцев с состоянием вокализма, описанным А. Краттенденом в 2001 году и отмеченным как «эталонные показатели».

По сравнению с ЭП выявлены следующие тенденции в реализации *кратких и долгих монофтонгов*:

1) Централизация и более открытая артикуляция (расширение) KIT, DRESS, FLEECE, что усиливается в речи молодежи;

2) Централизация и более закрытая у женщин (инновация далее не продвигается), более открытая у мужчин артикуляция монофтонга TRAP;

3) Централизация и расширение LOT – более выражены в СР женщин; централизация (в СР мужчин), и расширение (в речи женщин) долгих гласных BATH и THOUGHT;

4) Ретардация и более закрытая артикуляция STRUT у женщин, незначительный ДВ в речи мужчин по признаку возраста (устоявшаяся артикуляция);

5) Аллофония [ʊ]~[u] по признаку ряда: в FOOT, GOOSE выделяется вариант продвинутой разновидности (между средним и передним рядом) (F2 max = 2057 YF, 1847 YM), вариант традиционной разновидности (между задним и средним рядом). В речи участников ШГН оба аллофона FOOT продвинуты вперед; традиционная реализация GOOSE- по признаку ряда не превышает ЭП. Оба монофтонга имеют тенденцию к понижению;

6) Разнонаправленное движение монофтонга NURSE у мужчин и женщин: расширение и продвижение вперед у мужчин, расширение и отодвигание к центру, тенденция к дифтонгизации в женской речи;

7) ФСП безударный гласный [i] (HAPPY) по долготе и формантным значениям приближается к FLEECE, в речи участников средних и младших групп реализованы дифтонгизированные варианты, что свидетельствует о влиянии так называемых диалектов Большого Лондона и их диффузии в стандарт;

В реализации *дифтонгов* отмечены следующие особенности:

1) Дифтонги GOAT, MOUTH представляется возможным разделить на традиционные и продвинутые варианты вследствие [ʊ]-аллофонии. Кроме основных вариантов [əʊ] ~ [əu] GOAT реализуется с продвижением одного из элементов [əy], [əʊ], преобладает вариант со сдвинутым к переднему ряду ядром [eʊ/øʊ]. При этом, ядро не передвигается по трапеции ниже среднего подъема, в сравнении с открытым до [a] в речи жителей рабочего класса Большого Лондона, что является отклонением от нормы и находится за ее пределами. Статистически

значимой выступает монофтонгизация GOAT, в частности, продвижение вперед по траектории [o-ö-ø] (15-20% реализаций в группе). Данная черта утвердилась и проявляется в речи всех участников телешоу.

2) Дифтонг MOUTH монофтонгируется до 40% случаев (максимально в речи мужчин средней возрастной группы) в таких словах, как *about, around, out*, что объясняется принципом экономии речевых усилий и не препятствует пониманию сказанного. В реализации дифтонгизированных ФСП отмечена фронтированность и расширение ядра [æʊ] в СР молодежи, что соответствует общей тенденции в современных южно-британских диалектах, и сдвиг глайда к центру ВП [aə].

3) Восходящие дифтонги PRICE, VOICE имеют тенденцию к стиранию артикуляции в современной ПН: несмотря на схожие с ЭП показатели ядра, глайд сдвигается к центру ВП как у мужчин, так и у женщин. Дифтонг FACE в беглой речи отличается от ЭП значительным отодвиганием ядра к среднему ряду до [əɪ], продвижением вперед у женщин. Все три дифтонга склонны к ослаблению и редукции глайда в местоимениях, предлогах и других частотных словах.

4) В артикуляции нисходящих дифтонгов NEAR, SQUARE, CURE отмечается устоявшаяся инновация к сужению и монофтонгизации, что наблюдается в соотношении 50%-60% ([ɪ:], [e:/æ], [ɜ:]/[ɔ:]) соответственно).

ФСП SQUARE имеет максимум (до 60%) подобных реализаций ([e:]/[ɛ:]/[e]/[æ:]/[ɛ:]) в СР мужчин средней возрастной группы. Усечение долготы такого монофтонга наблюдается в СР женщин. Дифтонг NEAR характеризуется субституированием монофтонгами, среди которых доминируют долгие вариации: [i:/ɪ:/ɪ:], [i:] – 50-60% в СР молодежи и участников средних групп. Участники ШГН используют варианты со «стертым» глайдом наравне с традиционным дифтонгом. Так, происходит понижение дифтонга в СР женской, сужение и централизация – у мужчин; тенденция к сужению более выражена в речи молодежи ШГН.

Дистрибуция ФСП SQUARE вскрывает аллофонию, находящуюся вне внимания исследователей: в речи молодежи и женщин средней группы, ФСП выступает восходящим дифтонгом [эе], девушки артикулируют глайд дифтонга как гласный средне-открытого ряда [эа]. Традиционный нисходящий аллофон стремится к середине ВП.

Дифтонг CURE реализован монофтонгизированными и стандартными вариантами, что является завершившейся инновацией.

2. Основными результатами анализа системы *согласных ФСП* являются следующие положения:

1) L-вокализация характеризуется гендерной и возрастной вариативностью: речь пожилых участников является наиболее консервативной (5% вокализованных реализаций). В СР юношей количество реализаций максимально (до 30%), у женщин средней группы – 29% (не в препаузальном контексте). Следует отметить, что женщины проявляют большую активность в распространении инновации на том этапе ее принятия в нормативный базис языка, когда она более не вызывает общественного отторжения. В то же время, в поствокальном препаузальном контексте L-вокализация является новой для современного разговорного RP, и находит предпочтение у юношей, реже – у девушек. Так, в речи упомянутых гендерных подгрупп отмечаются единичные интервокальные случаи реализации (более часто у мужчин), признаваемые исследователями за гранью ПН.

2) Влияние L-вокализации на подсистему гласных способствует происходящему в южно-британском произношении системному сдвигу гласных, также порождает ранее отсутствующую аллофонию между реализацией [ʊ]~[u] как отодвинутых назад и наоборот, продвигаемых вперед, гласных (также и в части дифтонгов). Сдвиг кратких и долгих монофтонгов заднего ряда сопровождается отодвиганием и повышением по подъему гласных среднего ряда. Монофтонгизация дифтонга [эʊ] «балансируется» появлением вокализованного

аппроксиманта на месте глайда «нового» дифтонга. Участники младших и средних групп могут артикулировать субституции сочетаний [V+I]: [ɔ:]→[u]/[ɔu], [əʊ]→[ɔ:]/[o]/[oY], [u:ə]→[ɯY:], [z:]→[eo], [e]→[ea°]. Гласные среднего ряда теряют стабильность артикуляции в речи информантов среднего возраста ([z:]→[eo], [e]→[ea°]), а в СР молодежи имеет место дифтонгизация и ретардация сонантов ([e] →[u], [au], [a]). Напряженный гласный верхнего подъема дифтонгизируется (в речи информантов средних возрастных групп [i:]→[i:ə], в молодежи [i:]→[i:u]).

3) ФСП [t] в АЯ имеет такие аллофоны, как СВ [t], аспирированный [th], гортанная смычка [ʔ], смычка без стадии размыкания связок [t^{unr}ʔ], элизия [Ø], одноударный [ɾ], преглоттализированный аллофон [ʔt]. Кроме младшей и средней женских возрастных групп, СВ реализованы в более чем 50% случаев в речи остальных участников. На смену основному варианту ФСП чаще всего приходит смычка, к показателям которой приближается доля элизии в СР молодежи. Аллофон [ɾ] максимально реализован в речи мужчин, где соотношение возрастает с возрастным признаком.

4) Т-глоттализация более не вызывает осуждения у образованных англичан, и является устоявшейся чертой, сохраняя при этом маркированность в определенном контексте. В исследовании речи участников ШГН случаи интервокальной реализации [ʔ] разделены следующие фонетические контексты: реализация на стыке слов, в фонетическом слове, в середине слова. В контексте [VʔV] в середине слова и на стыке слов, ФСП максимально субституирована в СР девушек, а женщины средней возрастной группы выступают второй лидирующей группой. Интервокальные субституции смычкой отсутствуют в речи пожилых мужчин.

5) Преглоттализация иных пловивов и с заменой смычкой утвердилась в современном RP. Однако, их дистрибуция не лишена возрастной вариативности.

Так, в речи представителей старшего поколения указанные явления встречаются реже, чем в СР молодежи, которая заменяет [k] смычкой чаще в 1,5-2 раза, чем в участники средних групп. Гендерный паттерн проявляется в том, что замена смычкой ФСП [d]→[ʔ] чаще реализуется у мужчин, [p]→[ʔ] – у женщин, при замене [p]→[ʔp] и [k]→[ʔk] в мужской речи.

6) Распределение аффрикатизации /tju/dju/→[tʃ/dʒ] позволяет наблюдать предпочтение традиционной артикуляции преимущественно пожилым участниками. Среди участников средних групп более высокое соотношение отмечено у женщин. Пожилые женщины и молодые участники ШГН субституируют аппроксимант закрытым гласным [i], что придает сочетанию характер дифтонгоида. Аффрикатизация du→[dʒu:] отмечены в СР женщин.

7) Начальный [h] реализован в соответствии с нормами RP: подвергается элизии в *have* и личных местоимениях, при этом, чаще опускается в быстрой речи.

8) Практически не освящена в научной литературе палатализация [st]→[ʃt] (присутствует в ЕЕ) и аффрикатизация [t]→[ts] (присутствует в Кокни). Дистрибуция палатализованных аллофонов имеет возрастную специфику: частотность снижается в средних и старших группах участников. Аффрикатизация [t]→[(t)s] отмечена в младших и средних группах говорящих, преимущественно у женщин средней группы, в речи одного из мужчин средней группы. Палатализация и аффрикатизация также могут свидетельствовать о присутствии диалектных черт в речи участников в небольшом соотношении.

9) Интрузивные и соединительные согласные включают аппроксиманты /r/, /w/, /j/ и появляются в интервокальном контексте. Вставка [w], [j] в интервокальной позиции отмечена как в речи мужчин, так и женщин младшей и средней возрастных групп. Для разделения гласных сегментов на месте соединительного [r] либо в окружении гласных пожилые участники не реализуют [w], [j], аллофон [ʔ], который встречается в речи юношей и женщин средней

возрастной группы. Также участники ШГН произносят гласные слитно. Можно сказать, что образованные британцы используют разнообразную интрузию как для разделения слов, так и с эмфатической целью. Интрузивный [r], в отличие от соединительного, встречается в речи носителей нормы достаточно редко.

10) Ассимиляция как результат наложения коартикуляционных программ сегментов в беглой речи является одним из процессов, затрудняющих понимание речи носителей АЯ. В речи участников ШГН ассимиляция представлена разнообразными типами, имеет высокую частотность в речи молодежи. Наиболее распространен регрессивный тип ассимиляции. В речи информантов наиболее часто зафиксирована ассимиляция по месту образования преграды: [n]→[m] перед [p/b/w/f/v] (у всех информантов), [nk]→[ŋk], [ng]→[ŋg], [ðs]→[zs], [nθs]→[s], [db]→[b] (полная), [z]→[ʒ], [zdʒ]→[ʒdʒ], [zʃ]→[ʒʃ], [mð]→[nð], [mg]→[ng]. Ассимиляция по способу образования преграды имеет следующую дистрибуцию: [dð]→[ð] (в младших группах), [vw]→[w], [tð]→[d], [dŋ]→[mŋ]. Нестандартным случаем регрессивной ассимиляции является веляризация альвеолярного [n] и постальвеолярная артикуляция [z] перед [r]. Прогрессивная ассимиляция не отмечена в речи мужчин старшей группы, у остальных участников зафиксированы отмечаются субституции [ndð]→[d̥], [ndð]→[ɲ], [ndð]→[d̥], [nð]→[ɲ]. У молодых женщин отмечены субституции [zð]→[z], у мужчин [fw]→[f], [sð]→, [zð]→[z̥]. Два случая замены межзубного [ð] лабиодентальным [v] могут быть примером характерного для Кокни и МЛА фронтирования, что характерно также для произношения некоторых северных областей страны. Проанализировано также изменение признака «глухой/звонкий согласный». Оглушение происходит в следующих контекстах: [d] перед [t], [z] перед [s], [v] перед [p] и [h], других согласных перед [k], [s].

3. Быстрый темп говорения и сдвиг к неформальному регистру коммуникации порождают снижение уровня контроля собственной речи

участниками, что запускает разнообразные механизмы фонетической компрессии: выпадения сегментов, ассимиляция, редукция гласных, усечение, элизия. Изучающим АЯ важно иметь представление о тех границах, до которых звуковые средства языка могут беспрепятственно сокращаться, не искажая коммуникативную интенцию. Перечисленные явления, в общем, характеризуют неполный стиль произношения, и встречаются в речи всех говорящих, однако, частотность элизии выше в речи молодых информантов, поскольку темп их речи быстрее, чем у участников других возрастных групп. Так, опускается [d] как перед гласными, так и перед согласными; в межконсонантном контексте; [v]/[f]: в предлогах, в *have*; [r]: перед ударным и после него, в безударном слоге, интервокально; может артикулироваться слабо как одноударный, в многосложных словах часто выпадает вместе с последующим [ə], произносится без контакта кончика языка с альвеолами; [w]: интервокально после ударного, в контексте [C/w/V]. Вследствие ослабления артикуляции [r] следует обратить на субституцию [r]→[w] (не происходит в речи представителей старшего поколения). Одноударный «флэп» /r/ субституирует /d/ (чаще перед [l] и билабиальными). Выпадают /k/, /kt/ перед /s/, /k/ перед /t/; /ŋ/ перед /k/, интервокально; кластер (ə)nt, -ing; в нехарактерных для вокализации контекстах.

4. Все участники ШГН используют широкий спектр сокращений по типу *going to be* = *gonna be*, *don't want to* = *d'wana*. Выпадение слога происходит в высокочастотных многосложных словах: *actually*, *absolutely*, *literally*, *finally*, *probably*, *unfortunately*, и лексемах, встречающихся реже, но имеющих подобную слоговую организацию: *genuinely*, *February*, *hopefully*. Говорящие реализуют смычку для прерывания артикуляции вследствие изменения коммуникативного намерения, либо с целью разграничения сегментов в потоке речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Современный произносительный стандарт RP в Великобритании претерпевает изменения, источниками которых является ряд территориальных и социальных диалектов, влияющих на ПН вследствие усиления социальной мобильности и взаимодействия между различными социальными группами населения. На современном этапе развития АЯ переживает стремительные изменения, которые влекут за собой преобразования произносительного стандарта. Перед членами сообщества культурной элиты Великобритании – носителями литературного произношения – стоят такие непростые задачи, как сохранение традиций и поддержание статуса интеллектуального и влиятельного человека. В то же время, будучи представителями своей нации, не желая дистанцироваться от зрителя и казаться высокомерными, популярные актеры и ведущие используют произносительные черты, характерные для речи жителей юга Великобритании, в частности, жителей Лондона, принадлежащих к среднему классу.

2. Речь участников «Шоу Грэма Нортон» представляет собой разговорный вариант современной ПН, относится к неполному стилю произношения, для которого характерны непринужденность, беглость и спонтанность речепроизводства. На сегментном уровне фонетики АЯ на материале речи участников ШГН отмечены инновации, привнесенные из южного произношения в течение последних десятилетий, в том числе находящиеся на грани принятия в норму, однако используемые образованными англичанами в дружеском общении.

3. Для сегментного состава разговорной нормы характерны черты, свойственные не только южно-британскому произношению в целом, но и заимствования, уходящие корнями в Эстуарное произношение, распространенное в Лондоне и прилегающих к нему графствах.

Несмотря на проникновение в речь региональных заимствований, некоторые из которых в исследованиях 2000-х годов называют «сельскими», участники ШГН, тем не менее, в малом соотношении используют в речи маркеры «рабочего класса» Лондона, и таких форм, как Кокни, МЛА. Однако, ряд характеристик, проникающих в норму посредством Эстуарного произношения, но появившихся в акценте Кокни, более не вызывает негативной оценки у элиты. Можно утверждать, что последние также участвуют в глобальном процессе диалектного выравнивания, затрагивающего юг Англии и города, не имеющие прямого территориального сообщения со столицей, к примеру, г. Глазго.

4. Вариативность ряда ФСП в речи участников ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» в разговорном стиле произношения обусловлена действием гендерного и возрастного факторов.

В аспекте гендерной вариативности следует отметить широкое использование авангардных форм произношения молодыми информантами, в частности, женщинами, имеющими высокий социальный статус и проживающими в Лондоне. Можно сказать, что они наиболее склонны использовать в речи черты, свойственные представителям более низких социальных слоев, что может быть обусловлено усилением социальной активности и мобильности женщин, участием в различных сферах деятельности и социальных движениях во многих странах мира. Речевое поведение женщин более эпатажное, что справедливо для каждой возрастной подгруппы. Несмотря на то, что речь молодых мужчин является более восприимчивой к инновациям по дистрибуции L-вокализации, а по остальным исследуемым показателям ненамного уступает соответствующим показателям у молодых женщин, лидерами произносительных инноваций на сегодняшний день выступают именно последние. Мужчины в большей мере тяготеют к сохранению традиционных форм произношения: речь, изобилующая сокращениями и прочими средствами экономии усилий в беглом темпе, сохраняет консервативные формы

произношения в «социально чувствительном» контексте, в частности, достаточно низком соотношении интервокальных реализаций гортанной смычки.

5. Вариативность реализаций ФСП в гендерном и возрастном аспектах находится преимущественно в пределах ПН, однако, фиксируются инновации, находящиеся на периферии нормы, либо за пределами RP.

Для реализации гласных в речи участников ШГН характерна как гендерная, так и возрастная вариативность. Сравнение особенностей реализации ФСП в мужской и женской речи в трех возрастных группах участников ШГН, а также с «эталонными показателями» А. Краттендена (2001 г.), позволяет охарактеризовать особенности произносительного стандарта RP в синхронической и диахронической парадигмах. Отмечены следующие тенденции:

1) Гласные монофтонги:

- централизация и более открытая артикуляция (расширение) KIT, DRESS, FLEECE; LOT, BATH, THOUGHT; артикуляция TRAP более закрытая у женщин, более открытая у мужчин;
- ретардация и более закрытая артикуляция STRUT;
- аллофония [ʊ], [u] по признаку ряда: в FOOT, GOOSE вариант продвинутой разновидности, вариант традиционной разновидности;
- разнонаправленное движение NURSE у мужчин и женщин: расширение, фронтирование у мужчин, расширение и централизация, дифтонгизация в женской речи;
- дифтонгизированные варианты гласного [i] в речи информантов средних и младших групп (черта диалектов Большого Лондона).

2) В реализации дифтонгов отмечены следующие особенности:

- дифтонги GOAT, MOUTH представляется возможным разделить на традиционные и продвинутые варианты вследствие аллофонии глайда.

Статистически значимой выступает монофтонгизация GOAT, в частности, продвижение вперед по траектории [o-ö-ø-ø] (15-20% реализаций в группе);

- дифтонг MOUTH монофтонгируется до 40% случаев реализаций. В ФСП дифтонгах отмечено продвижение и более открытая артикуляция ядра;

- восходящие дифтонги PRICE, VOICE имеют тенденцию к менее выраженной артикуляции в современном АЯ: глайд сдвигается к центру ВП;

- нисходящие дифтонги NEAR, SQUARE, CURE демонстрируют тенденцию к сужению и монофтонгизации, в среднем 50%-60% до основных вариантов [ɪ:], [e:/æ], [ɜ:]/[ɔ:] соответственно.

В реализации согласных отмечаются:

- L-вокализация (до 30%), что также влияет на реализацию вокализма;

- аллофония ФСП [t], Во всех группах, кроме младшей и средней женских, СВ реализованы в более чем 50% случаев. Среди субституций лидирует смычка (устоявшаяся инновация) за исключением интервокального контекста;

- аффрикатизация tju/dju → [tʃ/dʒ] возрастает со снижением возрастного показателя, конкурирует с дифтонгизированным вариантом;

- палатализация [st] → [ʃt] и аффрикатизация [t] → [ts] в речи молодежи;

- интрузия, ассимиляция, элизия и редукция гласных частотны в более быстром темпе речи, свойственном молодежи (ситуативный фактор здесь представляется преобладающим).

6. В разговорной норме выделяется ряд произносительных инноваций, происхождение которых на данный момент являются предметом открытой дискуссии среди лингвистов. Кроме того, процессы преобразования в системе гласных, связанные с упрощением артикуляции, цепным сдвигом гласных и аллофонии ряда гласных вследствие L-вокализации, ранее не отмечаемое в стандартном произношении, представляет собой перспективу для дальнейшего

изучения, поскольку оказывает влияние на систему вокализма британского варианта АЯ в целом.

Для беглой звучащей речи характерны (ранее подробно не рассматривались в речи носителей нормы произношения в гендерном и возрастном аспектах):

- субституция смычкой [d], [p], [k]: *walk like* [wɔ:ʔ laɪk];
- субституция /h/ аппроксимантом /j/: *he hasn't* ['hi: 'jæznʔ];
- палатализация [t], [st] (*street is* [sʃtri:t ɪz], *eight and six* [eɪtʃ ənd sɪʔks]);
- аффрикатизация t→(t)s (*at all* [əts ə:l], ['tsə:kɪŋ]);
- интрузивные [w], [j], [ʔ];
- нестандартные случаи ассимиляции;
- элизия кластеров согласных.

Данные, полученные при анализе речи мужчин и женщин трех возрастных групп, принадлежащих к культурной элите страны и являющихся носителями ПН, демонстрируют различные тенденции. Лидерство в использовании произносительных новаций принадлежит женщинам младшей и средней возрастных групп, тогда как в речи пожилых участников телешоу преобладает традиционная артикуляция. Уникальным для молодежи выступает использование ранее стигматизируемых черт и спорадичная дистрибуция элементов, находящихся далеко от нормы. Такие процессы, как L-вокализация, Т-глоттализация, палатализация кластеров согласных, а также сдвиг гласных, монофтонгизация нисходящих дифтонгов, сужение восходящих дифтонгов, понижение, ретардация, дифтонгизация монофтонгов вследствие L-вокализации, аллофония и продвижение вперед всех ФСП, содержащих [ʊ/u] преимущественно совпадают с тенденциями изменения современного разговорного стандарта (contemporary RP), выявленными лингвистами в последние десятилетия. Более того, полученные данные свидетельствуют о вовлеченности представителей

образованной элиты английского социума в глобальный процесс диалектного выравнивания, общий для юга страны и крупных урбанистических центров.

Несмотря на непрекращающуюся дискуссию о вытеснении стандарта новыми произносительными формами вследствие изменения структуры английского общества и естественной языковой эволюции, RP продолжает оставаться стандартом, универсальным для обучения АЯ (преподавание, ведение языковых блогов). Представляется возможным сделать выводы о модернизации, демократизации классического стандарта, его позитивной оценке носителями языка и их осведомлённости о диверсификации в рамках нормы.

Перспектива данного исследования заключается в проведении дальнейших социофонетических и фоностилистических исследований с использованием звучащей речи других возрастных, социальных и гендерных групп в качестве эмпирического материала, что призвано внести вклад в изучение состояния современной британской ПН, вовлеченной в процесс языкового изменения, а значит, требующей пристального внимания исследователей и непрерывного фиксирования звуковых изменений непосредственно в процессе их протекания. Некоторые из них уже нашли отображение в транскрипции и дикторском прочтении слов в онлайн-словарях, чем не следует пренебрегать в процессе обучения АЯ. Одним из направлений последующих исследований может быть разработка обозначений подробного фонематического инвентаря современной нормы RP, на основе которой также представляется возможным создать практический курс для использования при преподавании специализированных дисциплин студентам-филологам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдусаламов М. М. О перспективах английского языка в Евросоюзе после выхода из него Великобритании / М. М. Абдусаламов // МНКО. – 2022. – №5 (96). – С. 388-390.
2. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение / Р. И. Аванесов. – М.: Просвещение, 1972. – 415 с.
3. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 274 с.
4. Акопян А. Г. Язык СМИ и национальная языковая картина мира: к проблеме взаимосвязей и взаимозависимостей // Научная мысль Кавказа. 2019. №1 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-i-natsionalnaya-yazykovaya-kartina-mira-k-probleme-vzaimosvyazey-i-vzaimozavisimostey> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Алпатов В. М. Евгений Дмитриевич Поливанов / В. М. Алпатов // Отечественные лингвисты XX века. – 2003. – №2. – С. 93-106.
6. Алпатов В. М. Розалия Осиповна Шор / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 2009. – №5. – С. 114-131.
7. Андреева Т.Л., Таловская Б.М. Языковая ситуация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии в 2000–2010-х гг. / Т.Л. Андреева Б. М. Таловская // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 6 (38). – С. 67-73.
8. Антропова Л. И. Формы существования языка: социокультурнокоммуникативный подход: дисс. ... д-ра филол. наук.: 10.02.19 / Антропова Людмила Ильинична. — Челябинск, 2005. — 447 с.
9. Ахманова О. С., Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

10. Баранова К. В. Риторический анализ речевого поведения ведущих американских ток-шоу: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / К. В. Баранова. – Санкт-Петербург, 2006. – 20 с.
11. Барышева С. Ф. Развитие фоностилистической концепции Л. В. Щербы представителями Санкт-Петербургской фонологической школы / С. Ф. Барышева // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — М.: Издательство МГГУ, 2010. — № 2. — С. 48–55.
12. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М., 1975 – 502 с.
13. Безбородова М. В. Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — №1 (869). — С. 17-24.
14. Безбородова, М. В. Адаптация теории «О движении дифтонгов» Дж. Уэллза, принципов и моделей У. Лабова к современным лингвистическим исследованиям / М. В. Безбородова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2016. – №15 (754). – С. 28–36.
15. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика / В. И. Беликов, Крысин Л. П. Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 317 с.
16. Беликов В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
17. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые из общих положений, 1897 / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – С. 348–351.
18. Боева-Омелечко Н. Б. Краткий словарь социолингвистических терминов / Н. Б. Боева-Омелечко. – М.: Готика, 2004. – 60 с.

19. Бондарко Л. В. Основы общей фонетики: учебное пособие для вузов // Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. Москва: Академия, 2004. – 160 с.
20. Бондарко Л. В. Стиль произношения и типы произнесения / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер // Вопросы языкознания. — Л.: Издательство ЛГУ, 1974. — № 2. — С. 64–70.
21. Бондарко Л. В., Вербицкая, Л.А., Зиндер, Л.Р., Гейльман Н. И. и др. Фонетика спонтанной речи // Л. В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.Р.Зиндер, Н. И. Гейльман и др.; Под ред. Светозаровой Н. Д. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 248 с.
22. Бор Л. С. Социолингвистические особенности произношения производственных рабочих Рурского промышленного региона Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. С. Бор.– Донецк, 2013. – 20 с.
23. Бридко Т. В. Социолингвистические особенности немецкого произношения переселенцев из бывшего СССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Бридко. – Донецк, 2011. – 20 с.
24. Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов / Л. Л. Буланин. Москва: Высшая школа, 1970. – 205 с.
25. Бурая, Е. А. Новые данные о социофонетической вариативности английского произношения [Текст] / Е. А. Бурая // Вестник Московского 193 государственного лингвистического университета. Вып.: Социофонетика звучащей речи. — М.: Издательство МГЛУ, 2011. — №1. — С. 54–63.
26. Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студ. лингв. вузов и фак. / Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. — 3-е изд., стер. — М. : Изд. центр «Академия», 2009. — 272 с.

27. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: Монография / В. М. Бухаров; Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 1995. – 138 с.
28. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социалингвистика и социология языка: учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. — 388 с.
29. Великая Е. В. О фоностилистических особенностях спонтанной речи / Е. В. Великая // Вестник Московского государственного университета. — Сер. 9. Филология. — М.: Издательство МГУ, 2008. — № 6. — С. 130–137.
30. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку: 2-е изд., испр. и доп.- М.: Высш. шк., 2001. – 239 с.
31. Вербицкая Л.А. Система фонем и изменение произносительной нормы // Фонетика 83. Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук (август 1983 г., Утрехт, Нидерланды). – С.27-34.
32. Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 6–20.
33. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
34. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 655 с.
35. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // Бахтин под маской. – Вып. 3. М: Лабиринт, 1993. – 189 с.
36. Гайдучик С. М. О фонетических стилях современного немецкого языка / С. М. Гайдучик // Филологические науки. – М., 1972. – №4. – С. 82-88.

37. Гайдучик С. М. К вопросу о классификации фонетических стилей и о предмете фоностилистических исследований / С. М. Гайдучик // Романское и германское языкознание. — Минск: Изд-во Минского государственного университета, 1981. — Вып. 11. — С. 9–15.
38. Гайдучик С. М. Фоностилистический аспект устной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / С. М. Гайдучик. — Л., 1973. — 31 с.
39. Гак В. Г. Норма и толерантность // ИЯШ. — № 1. — 1984. — С. 7-15.
40. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. — 459 с.
41. Гильмутдинова А. Р., Бектемирова Э. И., Самаркина Н. О. Особенности речевого поведения британских ведущих // А. Р. Гильмутдинова, Э. И. Бектемирова, Н. О. Самаркина. Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 11 (65). — С. 11-13.
42. Гулида В.Б., Вахтин Н.Б. Петербургская социолингвистика: пятнадцать лет развития / Н.Б Вахтин, В. Б. // Вопросы языкознания. — 2010. — № 2. — С. 106-119.
43. Гухман М.М. У истоков советской социальной лингвистики / М.М. Гухман // ИЯШ. — 1972. — № 4. — С. 2-10.
44. Давыдова С.В. Язык средств массовой информации / С. В. Давыдова // *Lingua mobilis*. — 2011. — №2 (28). — С. 93-96.
45. Денисова В. Л. Языковая ситуация в китайской диаспоре Австралии на основе данных социолингвистического эксперимента / В. Л. Денисова // Вестник Челябинского государственного университета: электрон. журн., 2012. — № 13 (267). — URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/267/010.pdf>.
46. Добросклонская Т. Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — №3. — С. 38–54.

47. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. – Л.: Наука, 1983. – 231 с.
48. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста / Ю. А. Дубовский. – М.: Высшая школа, 1978. – 66 с.
49. Евстафьева Н. М. Социолингвистический аспект функционирования английского языка в Шотландии (на материале речи молодежи г. Глазго) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. М. Евстафьева. – Нижний Новгород, 2017. – 24 с.
50. Евстафьева Н. М. Социолингвистический аспект функционирования английского языка в Шотландии (на материале речи молодежи г. Глазго) : дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. М. Евстафьева. – Нижний Новгород, 2017. – 251 с.
51. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник / Т.В. Жеребило Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
52. Живлакова А. Е. Теоретические подходы к социолингвистическому анализу социально-политической дифференциации языка / А. Е. Живлакова // Вестник СГТУ. – 2010. – № 1 (44). – С. 274-279.
53. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. Москва: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 370 с.
54. Жлуктенко Ю. А. Теория национальных вариантов английского языка / Ю. А. Жлуктенко // Варианты полинациональных литературных языков. – К.: Наукова думка, 1981. – С. 45–73.
55. Зиндер Е. Г. К вопросу об артикуляторной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы: межвуз. сб. / ЛГУ; отв. ред. Л. В. Бондарко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 8-12.
56. Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи / Л. В. Златоустова. – Изд-во Московского унив., 1981. – 104 с.

57. Игнатова Е. С. Языковая ситуация в Великобритании как отражение национального самосознания / Е. С. Игнатова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – №2. – С. 12-17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-velikobritanii-kak-otrazhenie-natsionalnogo-samosoznaniya> (дата обращения: 17.02.2025).
58. Ильиных А. Л. Перевод ток-шоу: проблемы передачи комического / А. Л. Ильиных, науч. руководитель С. С. Краева, к.ф.н. // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики, 2019. – С. 227-231.
59. Каспранский Р. Р. Проблемы нормы и нормативности в языкознании // Проблемы нормы и вариативности в реализации высказывания: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Каспранский Р. Р. – Горький, 1990. – С. 3–15.
60. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
61. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта, М.: Наука, 2011. – 463 с.
62. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
63. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва: ФЛИНТА, 2021. — 360 с.
64. Крысин, Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике / Л. П. Крысин // Современный русский язык социальная и функциональная дифференциация. — М.: Языки славянской культуры. – 2003. – С. 11-25.
65. Лабов У. О механизме языковых изменений / У. Лабов; пер. Е. В. Падучевой // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика; под общ. ред. Н. С. Чемоданова. – Москва: Прогресс, 1975. – С. 199-228.

66. Лабов, У. Отражение социальных процессов в языковых структурах / У. Лабов; пер. Ю. Д. Апресяна // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика; под общ. ред. Н. С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 320-336.
67. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов; пер. Ю. Д. Апресяна // Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика; под общ. ред. Н. С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 96-182.
68. Лавриненко И. Н. Критерии классификации кинодискурса / И. Н. Лавриненко // Дискурсология: Семантика и прагматика. – Харьков: Вестник ХНУ, 2012. – №1003. – С. 41-44.
69. Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: автореф. дисс. канд. филол. наук / Е. Г. Ларина. – Волгоград, 2004. – 23 с.
70. Левицкий А. Э. Функциональный подход в современной лингвистике / А. Э. Левицкий // *Studia Linguistica*. – 2010. – №. 104. – С. 31-38.
71. Левицкий, А. Э. *An Advanced Course of the Theory of English Phonetics* / А. Э. Левицкий, Л. А. Гаращук. – Винница: ПП Фолиант, 2005. – 71 с.
72. Лихачёв Э. В. Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Э. В. Лихачёв. – Нижний Новгород, 2017. – 22 с.
73. Маковский М. М. Английские социальные диалекты. – М., 1982. – 137 с.
74. Мартине А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. Пер. с франц. Изд. 2 / А. Мартине. М., 2006. – 264 с.
75. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике.- Вып.3.- М.: Прогресс, 1963. – С.366-566.
76. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях / А. Мартине. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 261 с.

77. Медведева Т. В. Инновации в системе английских аппроксимантов: ошибки или маркеры развития? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2017. — №10 (783). — С. 129-137.
78. Медведева Т. В. О типах и причинах звуковых изменений (британская, американская и русская лингвистические традиции) / Т. В. Медведева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — №1 (712). — С. 143–152.
79. Медведева Т. В., Безбородова М. В. Изменения в современной системе британского произносительного стандарта (на примере вокализма) / Т. В. Медведева, М. В. Безбородова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — №15 (754). — С. 166-174.
80. Мележик К. А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности: дис. д. филол. наук: 10.02.04 / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова". 2018. – 635 с.
81. Мележик К. А. Социолингвистическая вариативность дискурса английского «реального» телевидения (на материале реалити-шоу «Большой Брат»): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / К. А. Мележик. – Донецк, 2009. – 20 с.
82. Мележик К. А. Стратификационная вариативность составляющих языковой ситуации / К. А. Мележик // Социальные аспекты языковой вариативности: Монография. А. Д. Петренко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко, Д. М. Храбскова. – С.: «Предприятие Феникс», 2013. – С. 72-121.

83. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
84. Михалева О. Л., Зайцева О. М. Основы риторики: коммуникативные качества хорошей речи / О. Л. Михалева, О. М. Зайцева. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 2009. — 148 с.
85. Михальченко В. Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее / В. Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 1999. – № 1 (1). – С. 22-28.
86. Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
87. Мурай О.В. О некоторых причинах предпочтений в произношении молодого поколения юго-восточного региона Великобритании // Сегментный и супрасегментный аспекты звучащего текста: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Медведева Т.В. – М., 2001. – С. 96–111.
88. Мурай О.В. Позиционная вариативность монофтонгов в речи молодежи Великобритании: (Экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2005. – 24 с.
89. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика / Л. Б. Никольский. – М., 1976. – 166 с.
90. Онищенко Ю. В. Диалектное нивелирование на территории Великобритании на примере распространения l-вокализации в британском произносительном стандарте / Ю. В. Онищенко // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы VII Международного научного конгресса. Симферополь, 2022. — С. 134-138.
91. Онищенко Ю. В. Интрузивные и соединительные согласные в британском произношении / Ю. В. Онищенко // В сборнике: Социофонетика и

фоностилистика: От теории к практике. Материалы IV Межрегиональной научной конференции. Симферополь, 2021. — С. 29-31.

92. Онищенко Ю. В. К вопросу о фонетическом изменении / Ю. В. Онищенко // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VIII международной междисциплинарной научной конференции / общ. ред. А.Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2024. – С. 119–126.

93. Онищенко Ю. В. Реализация паттернов ассимиляции в регистре неформального общения в речи британцев (на материале ток-шоу) / Ю. В. Онищенко // В сборнике: Социофонетика и фоностилистика: От теории к практике. Материалы V Межрегиональной научной конференции. Симферополь, 2022. — С. 37-39.

94. Онищенко Ю. В. Современные особенности английского произношения на материале речи женщин - участниц дискурса массмедиа Великобритании / Ю. В. Онищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 102–107.

95. Онищенко Ю. В. Социофонетический и фоностилистический аспекты аллофонического варьирования альвеолярной смычной взрывной фонемы [t] в британском произносительном стандарте английского языка на материале речи участников теле- и кинодискурса Великобритании / Ю. В. Онищенко // Филология: научные исследования, 2018. — №4. — С. 130-140.

96. Онищенко Ю. В. Стандартное произношение в картине современной языковой ситуации в Великобритании и Евросоюзе / Ю. В. Онищенко // Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике: материалы VII Межрегиональной научной конференции / ред. А.Д. Петренко. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 24–27.

97. Онищенко Ю. В. Стилистические особенности английской разговорной речи (британский вариант) в жанре комедийного ток-шоу / Ю. В. Онищенко // Ученые

записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки, 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 179-192.

98. Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) / М. В. Панов // Развитие современного русского языка. – М., 1963. – С. 5-27.

99. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / М. В. Панов; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.

100. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика Учебник для университетов / М. В. Панов – М.: Высш. школа, 1979. – 256 с.

101. Перепечкина С. Е. Фоностилистическая вариативность речи преподавателей Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: – 10.02.04 / С. Е. Перепечкина. – Киев, 2004. – 20 с.

102. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации: монография / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского, 2011. – 274 с.

103. Петренко А. Д. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. // А. Д. Петренко. – Симферополь: Ариал, 2017. – 51 с.

104. Петренко А. Д. Социальные аспекты языковой вариативности: Монография / А. Д. Петренко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко, Д. М. Храбскова. – С.: «Предприятие Феникс», 2013. – 276 с.

105. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: Монография / А. Д. Петренко. – Киев: Ридна мова, 1998. – 255 с.

106. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 /А. Д. Петренко. – Киев, 1999. – 36 с.
107. Петренко А. Д., Онищенко Ю. В. Актуальные тенденции реализации гласных монофтонгов в британском произносительном стандарте (на материале речи участников комедийного ток-шоу) / А. Д. Петренко, Ю. В. Онищенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки, 2022. — Т. 8. — № 4. — С. 73-87.
108. Петренко А. Д., Онищенко Ю. В. Современные тенденции реализации дифтонгов в речи участников дискурса масс-медиа Великобритании (на материале ток-шоу) / А. Д. Петренко, Ю. В. Онищенко // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IX Международного научного конгресса / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024.– С. 346–351.
109. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Социофонетические аспекты вариативности языка / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. – Ярославль: Издательство: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017. – Т 2. – С. 107-116.
110. Петренко А. Д. Петренко Д. А. К 120-летию формирования немецкой произносительной нормы / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Иностранные языки в высшей школе. – 2018. – №1 (44). – С. 7–16.
111. Петренко А. Д. Петренко Д. А. Опыт социофонетического изучения звучащей речи / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Иностранные языки в высшей школе. – 2019. – №3 (50). – С. 23–36.
112. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Социофонетические аспекты языковой вариативности / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Известия Южного федерального

университета: Научный журнал. – Ростов на Дону: Издательство ЮФУ, 2014. – №4. – С. 150-161.

113. Петренко А.Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. Коллективная монография / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик, Т. В. Бридко, А. В. Пономарева, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, К. Г. Иштоян. – Москва: Перо, 2015. – 491 с.

114. Петренко Д. А. Проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике / Петренко А.Д., Петренко Д.А., Храбскова Д.М., Мележик К.А., Бридко Т.В., Пономарева А.В., Ласкова М.В., Лазарев В.А., Иштоян К.Г. // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. Коллективная монография. – М.: Перо, 2015. – С. 18-103.

115. Петренко Д. А. Социофонетическая вариативность произношения политических деятелей Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. А. Петренко. – Киев, 2003. – 20 с.

116. Петренко Д. А. Языковая ситуация в Германии с точки зрения функциональной и социальной дифференциации / Д.А. Петренко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2006. – № 76. – С. 21 – 24.

117. Пешковский А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.

118. Пономарёва А. В. Социальная гетерогенность речи жителей г. Эссен (Германия): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Пономарёва. – Донецк, 2013. – 20 с.

119. Попова М. В. Влияние иноязычного акцента на формирование социального портрета говорящего (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / М. В. Попова. – Москва, 2020. – 25 с.

120. Поповская А. Я. Интерференциальная фоностилистическая вариативность социолекта носителей близкородственных языков (на материале социолекта идиш-билингвов) : автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Я. Поповская. – Нижний Новгород, 2017. – 24 с.
121. Потапов В. В. Разработка проблем вариативности английской речи в трудах российских лингвистов: XXI век / В. В. Потапов // Норма и вариативность в языке и речи. Сборник научных трудов. Сер. "Теория и история языкознания" РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Науч.-информ. Исслед. Отд. Языкознания; Отв. Ред. Казак Е.А., Москва, 2017. – С. 9 – 39.
122. Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: Фонетическая дифференциация // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1997. – Т. 56, № 3. – С. 52–62.
123. Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопр. языкознания. – М., 2002. – № 1. – С. 103–130.
124. Потапова Р. К. Современная немецкая речь: произносительная норма и вариативность / Р. К. Потапова // Норма и вариативность в языке и речи. Сборник научных трудов. Сер. "Теория и история языкознания" РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Науч.-информ. Исслед. Отд. Языкознания; Отв. Ред. Казак Е.А., Москва, 2017. – С. 91 – 122.
125. Ремизов В. А., Мовчан А. С. Природа комического и формы его репрезентации в современном российском телевидении / В. А. Ремизов, А. С. Мовчан // Вестник МГУКИ. – 2016. – №3 (71). – С. 93–98.
126. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии / А. А. Реформатский. – Москва: Наука, 1970. – 527 с.
127. Салихов А. Ю. Коммуникативно-прагматические особенности дискурса ток-шоу на примере телепередач США / А. Ю. Салихов // Вестник ЧелГУ. 2014. – №6 (335). – С.78–81.

128. Саркисян О. Н. Гендерные особенности языковой репрезентации комического (на материале американских развлекательных ток-шоу «The Daily Show with Jon Stewart» и «The Chelsea Lately»): автореф. дисс. канд. филол. наук / О. Н. Саркисян. – Пятигорск, 2014. – 14 с.
129. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.
130. Семенюк Н.Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов / Н.Н. Семенюк // Языковая норма: Типология нормализационных процессов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 23–44.
131. Серебренников Б.А. Общее языкознание / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1965. – 276 с.
132. Тарева Е. Г., Бурнакова К. Н. Фононовации в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы / Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова [и др.] – Москва, Языки Народов Мира, 2024. – 324 с.
133. Устинович Е. А. Социофонетическая вариативность сегментного состава английского языка бурскоанглийских билингвов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Устинович. – Донецк, 2008. – 20 с.
134. Федотова Ю. Б. Фоностилистическая вариативность социолекта лондонских студентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. Б. Федотова. – Донецк, 2014. – 20 с.
135. Храбскова Д. М. Фонетическая эволюция французской речи этнических француско-немецких билингвов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Д. М. Храбскова. – Киев, 2007. – 20 с.
136. Чемоданов Н. С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании / Н. С. Чемоданов // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 5–33.

137. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского литературного языка целостность, устойчивость, вариативность: Диссер. . доктора филол.наук. – М., 1986. – 425 с.
138. Швейцер А. Д. Вариативность языковой нормы в территориальном и социальном аспектах (На материале современного английского языка) / А. Д. Швейцер // Slovo a slovesnost. – 1975. – Vol. 36. – №1. – С. 1-7.
139. Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1976. – С. 31-41.
140. Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 39–48.
141. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. –М.: Наука, 1983. – 216 с.
142. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 102–110.
143. Шевченко Т.И. Типологический взгляд на вариативность вокализма и интонации в современном английском языке // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М., 2013. – С. 168–182.
144. Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров / Т. И. Шевченко. – Дубна: Феникс+, 2017. – 256 с.
145. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39.
146. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: Сб. статей. – Л.: Наука, 1974. – С. 141–146.

147. Шор Р. О. Язык и общество / Р. О. Шор. – М: Работник просвещения, 1926. – 152 с.
148. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С.193-230.
149. Ярцева В. Н. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1977. – 342 с.
150. Abercrombie D. Elements of General Phonetics / D. Abercrombie. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. – 203 p.
151. Altendorf U. Estuary English. Levelling at the Interface of RP and South-Eastern British English / U. Altendorf. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. – 187 p.
152. Altendorf U., Watt D. The Dialects in the South of England: phonology / U. Altendorf, D. Watt // A Handbook of Varieties of English. – Vol. 1: Phonology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 1168p. – P. 178-204.
153. Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M. Social Psychology (7th ed.) / E. Aronson, T. D. Wilson, R. M. Akert. – Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 2010. – 624 p.
154. Auer P., Hinskens F., & Kerswill P. Dialect Change: Convergence and Divergence in European Languages / P. Auer, F. Hinskens, P. Kerswill. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2005. – 432 p.
155. Bell A. Language style as audience design / A. Bell // Language in Society. – 1984. – № 13. – P. 145–204.
156. Bjelaković A. The vowels of contemporary RP: Vowel formant measurements for BBC newsreaders / A. Bjelaković // English Language and Linguistics. – 2017. – Vol. 21. – Iss. 3. – P. 501–532.
157. Bierwisch M. Social Differentiation of Language Structure / M. Bierwisch // Language in Focus / ed. by A. Kasher. Dordrecht: Reidel. –1976. – P. 407-456.
158. Biressi A., Nunn H. Class and Contemporary British Culture / A. Biressi, H. Nunn. – London: Palgrave Macmillan. – 2013. ISBN 9780230240568. – 244 p.

159. Bordwell D. *The way Hollywood tells it: story and style in modern movies* / D. Bordwell. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2006. – 298 p.
160. Bowie D. *Language change over the lifespan: a test of the apparent time construct* / D. Bowie // *Penn Working Papers in Linguistics*. – 2005. – № 11. – P. 45-58.
161. Britain D. *Dialect contact and phonological reallocation: “Canadian raising” in the English Fens* / D. Britain // *Language in Society*. – 1997. № 26. – P. 15-46.
162. Bubl Claudia M. *The linguistic construction of character relations in TV drama: Doctoral dissertation*. – Saarbrücken: University of Saarbrücken, 2006. – 294 p.
163. Bucholtz M. B. *Geek the Girl: language, femininity, and female nerds* / M. B. Bucholtz // *Gender and Belief Systems. Proceedings of the Fourth Berkeley Women and Language Conference*. – 1998. – P. 119–131.
164. Bucholtz M. B. “Why be normal?”: *language and identity practices in a community of nerd girls* / M. B. Bucholtz // *Language in Society*. – 1999. – № 28. – P. 203-223.
165. Cheshire J. *Variation in an English Dialect* / J. Cheshire. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 156 p.
166. Cheshire J. *Women and Language* / J. Cheshire // *Les Femmes*. – Neuchâtel: Musée d'ethnographie, 1992. – P. 141-163.
167. Collins B., Mees I. M. [First published 1981], *The Phonetics of English and Dutch (5th ed.)* / B. Collins, I. M. Mees // Leiden : Brill Publishers, 2003. – 267 p.
168. Coupland N. *Style-shifting in a Cardiff work-setting* / N. Coupland // *Language in Society*. –1980. – № 9. – P. 1-12.
169. Cruttenden A., *Language in Infancy and Childhood* / A. Cruttenden. – Manchester University Press. – 1979. – 193 p.
170. Cruttenden A. *Gimson’s Pronunciation of English. Fifth edition* / A. Cruttenden. – London: Arnold, 1994. – 304 p.

171. Cruttenden A. *Gimson's pronunciation of English, Sixth Edition* / A. Cruttenden. – London: Hodder Arnold, 2001. – P. xx+139.
172. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English. Eighth ed. L.* / A. Cruttenden. – N. Y.: Routledge, 2014. 410 p.
173. Crystal D. *Language and time.* – URL: http://www.bbc.co.uk/voices/yourvoice/feature2_4.shtml (дата обращения 20.12.2024).
174. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language* / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003 [2nd ed.]. – 506 p.
175. Crystal, D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics (6th edn)* / D. Crystal. – Oxford: Blackwell, 2008. – 530 p. – URL: www.mohamedrabeea.com/books/book1_3891.pdf (дата обращения 20.12.2024).
176. Crystal D., Davy D. *Investigating English Style* / D. Crystal, D. Davy. – Indiana University Press, 1969. – 264 p.
177. Culpeper J. *History of English, 2nd ed.* / J. Culpeper. – Routledge, 2005. – 134 p.
178. Delingpole J. *Thank God I Don't Have that Ghastly Sense of Entitlement that Eton Instils* / J. Delingpole // *The Spectator*. – 17 December 2011. Retrieved 21 October 2017. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/thank-god-i-don-t-have-that-ghastly-sense-of-entitlement-that-eton-instils/> (дата обращения 20.12.2024).
179. Deshaies-Lafontaine D. *A socio-phonetic study of a Quebec French community: Trois-Rivieres* / D. Deshaies-Lafontaine. Doctoral thesis, UCL (University College London), 1974. – 390 p.
180. Docherty G. J. & Watt D. *Chain shifts* / G. J. Docherty, D. Watt // *The Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. – Amsterdam: Pergamon. – 2001. – P. 303-307.
181. Docherty G. J., Foulkes P., Tillotson J., & Watt D. *On the scope of phonological learning: issues arising from socially structured variation* / G. J. Docherty, P. Foulkes, J. Tillotson, D. Watt // *Laboratory Phonology VIII*. – Berlin: Mouton. – 2006. – P. 393-421.

182. Douglas Leda. Reality TV is, Like, Literally Ruining the English Language. Literally. 10.10.2016. – URL: <https://www.languagetrainers.co.uk/blog/2016/10/10/reality-tv-is-like-literally-ruining-the-english-language-literally/>.(дата обращения 26.02.2018).
183. Dressler W. U. & Wodak R. Sociophonological methods in the study of sociolinguistic variation in Viennese German / W. U. Dressler, R. Wodak // *Language in Society*. – 1982. – № 11. – P. 339–370.
184. Dwankowski C. The World of TV Series – How They Affect Us. Updated 04.03.2017. – URL: <https://ndla.no/en/node/77012?fag=56850> (дата обращения 26.02.2018).
185. Eckert P. The meaning of style / P. Eckert // *Texas Linguistics Forum* 47. –№ 11. – 2004. – P. 41–53.
186. Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation / P. Eckert // *Annu. Rev. Anthropol*, 2012. – P. 87–100.
187. Evans Ian. 'New affluent workers' and 'precariats'? Britain's classes get makeover – URL: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2013/0403/New-affluent-workers-and-precariats-Britain-s-classes-get-makeover> (дата обращения 20.12.2024).
188. Fabricius A. T-glottalling between stigma and prestige / A. Fabricius // Ph.D. dissertation, Copenhagen Business School. – 2000. – 180 p.
189. Firth J. R. *Papers in Linguistics, 1934– 1951* / J. R. Firth – London: Oxford University Press, 1957. – 233 p.
190. Fishman J. A. *The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society* / J. A. Fishman. – Rowley, Mass.: Newbury House, 1972. – 250 p.

191. Fabricius A. Variation and change in the trap and strut vowels of RP: a real time comparison of five acoustic data sets / A. Fabricius // Journal of the International Phonetic Association. – 2007. – № 37. – p. 293-320.
192. Foulkes P. & Docherty G. J. The social life of phonetics and phonology / P. Foulkes, G. J. Docherty // Journal of Phonetics. – 2006. – № 34. – P. 409-438.
193. Foulkes P., Scobbie M.J., Watt D. Chapter 19. Sociophonetics / P. Foulkes, M.J. Scobbie, D. Watt // The Handbook of Phonetic Sciences, Second Edition. – Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 703-754.
194. Green L. J. African American English: A Linguistic Introduction / L. J. Green. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 271 p.
195. Eriksen I. B. From L Vocalization to TH Fronting. A Study of Five Consonant Variables in Estuary English / I. B. Eriksen. – University of Oslo. – Oslo, 2015. – 123 p.
196. Hawkins S. & Midgley J. Formant frequencies of RP monophthongs in four age groups of speakers / S. Hawkins, & J. Midgley // Journal of the International Phonetic Association. – 2005. – № 35. – P. 183-199.
197. Honey J. Does Accent Matter?: The Pygmalion Factor / J. Honey. – London: Faber & Faber, 1989. – 256 p.
198. Johnstone B. & Bean J. M. Self-expression and linguistic variation / B. Johnstone, J. M. Bean // Language in Society. – 1997. – № 26. – P. 221-246.
199. Jones D. The Pronunciation of English / D. Jones. – The University Press, 1909. – 153 p.
200. Jones D. English pronouncing dictionary, 18th edition, ed. Peter Roach, Jane Setter & John Esling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 614 p.
201. Jones S., Bradwell P. As You Like It: Catching Up in an Age of Global English. London: Demos, 2007. – 115 p.
202. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle / Braj B. Kachru // Quirk R., Widdowson H. (eds.). English

in the world: Teaching and learning the language and literatures. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–36.

203. Kerswill P. Sociolinguistic approaches to language change: Phonology / P. Kerswill // In: Wodak, Ruth, Johnstone, Barbara and Kerswill, Paul, (eds.) Sage handbook of sociolinguistics. London: SAGE Publications. – 2010. – P. 219-235.

204. Kerswill P. & Williams A. Creating a new town koine: Children and language change in Milton Keynes / P. Kerswill, A. Williams // Language in Society. – 2000. – № 29. – P. 65-115.

205. Kerswill P. Models of linguistic change and diffusion: new evidence from dialect leveling in British English/ P. Kerswill // Reading Working Papers in Linguistics 6. – 2002. – P. 187–216.

206. Kiesling S. F. Variation and men's identity in a fraternity / S. F. Kiesling // Journal of Sociolinguistics. – 1998. – № 2. – P. 69-100.

207. Koerner K. Toward a History of Modern Sociolinguistics / K. Koerner // American Speech. – 1991. – № 66. – P. 57–70.

208. Kortmann B., Upton C. Introduction: varieties of English in the British Isles / B. Kortmann, C. Upton // A Handbook of Varieties of English. – Vol. 1. – Berlin, 2004. – 1168 p. – P. 25-35.

209. Kroes Rosalie. Language awareness. – URL: <https://languageawarenessbyrosalie.weebly.com/social-dialects.html> (дата обращения 20.12.2024).

210. Labov W. The Study of Language in Its Social Context / W. Labov // Advances in the Sociology of Language / ed. by J.A. Fishman. Vol. 1. – The Hague: Mouton, 1976. – P. 92-151.

211. Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular / W. Labov. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.

212. Labov W., Yaeger M., & Steiner R. A Quantitative Study of Sound Change in Progress / W. Labov, M. Yaeger, R. Steiner. – Philadelphia: US Regional Survey, 1972. – 337 p.
213. Labov W. The art of sounding and signifying / W. Labov // Language in its Social Setting. – Washington, DC: Anthropological Society of Washington, 1974. – P. 84-116.
214. Labov W. Principles of Linguistic Change: in 3 vol / W. Labov. – Vol. 2. Social Factors. – Malden, MA: Blackwell Publishers, Inc., 2001. – Pp. xxviii + 572 p.
215. Labov, W. Atlas of North American English: Phonology and Phonetics / W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. – Berlin : Mouton/de Gruyter, 2006. – 332 p.
216. Ladefoged P. A course in phonetics (3rd ed.) / P. Ladefoged. – Fort Worth: Harcourt College Publishers, 1993. – 289 p.
217. Lave J. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation (Learning in Doing: Social, Cognitive and Computational Perspectives) / Jean Lave, Etienne Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 138 p.
218. Lindblom B. Explaining phonetic variation: a sketch of the H&H theory / B.Lindblom // Speech Production and Speech Modelling. – Dordrecht: Kluwer, 1990. – P. 403-439.
219. Local J. Phonetic detail and the organisation of talk-in-interaction / J. Local // Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences. – Saarbrücken, 2007. – P. 1-10.
220. Mayor Barbara. Radio and the English language. 4.07.2014. – URL: <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/culture/english-language/radio-and-the-english-language> (дата обращения 20.12.2024).
221. Mcalpine F. Five bizarre things about British television. – URL: <http://www.bbcamerica.com/anglophenia/2012/01/five-bizarre-things-about-british-television> (дата обращения 20.12.2024).

222. Meinhold G. Deutsche Standardausssprache: Lautschwächungen und Formstufen / G. Meinhold. – Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. – 147 s.
223. Meyerhoff M. Communities of practice / M. Meyerhoff // Handbook of Language Variation and Change. – Oxford: Blackwell, 2002. – P. 526-548.
224. Milroy J. Language ideologies and the consequences of standardization / J. Milroy // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – № 5. – P. 530-555.
225. Milroy L. Language and Social Networks, 2nd edn. / L. Milroy. – Oxford: Blackwell, 1987. – 248 p.
226. Nahkola K. & Saanilahti M. Mapping language changes in real time: a panel study on Finnish / K. Nahkola, M. Saanilahti // Language Variation and Change. – 2004. – № 16. – P. 75-92.
227. Pierrehumbert J. B., Beckman M., & Ladd D. R. Conceptual foundations of phonology as a laboratory science / J. B. Pierrehumbert, M. Beckman, D. R. Ladd // Phonological Knowledge: Conceptual and Empirical Issues, Oxford: Oxford University Press. – 2000. – P. 273-303.
228. Przedlacka, J. Estuary English and RP: Some recent findings [Текст] / J. Przedlacka // Studia Anglica Posnaniensia. — Poznan: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2001. — Vol. 36. — P. 35-50.
229. Ramsaran S. RP: fact and fiction / Susan Ramsaran // Studies in the Pronunciation of English: A Commemorative Volume in Honour of A.C. Gimson. – London: Routledge, 1990. – P. 178-190.
230. Reid E. Social and stylistic variation in the speech of children: Some evidence from Edinburgh / E. Reid // Sociolinguistic Patterns in British English London: Arnold, 1978. – P. 151-71.
231. Roach P. English phonetics and phonology: a practical course. 4th ed. / P. Roach // Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 231 p.

232. Roberts J. Hitting a moving target: acquisition of sound change in progress by Philadelphia children / J. Roberts // *Language Variation and Change*. – 1997. – № 9. – P. 249-266.
233. Romaine S. Post-vocalic /r/ in Scottish English: Sound change in progress? / S. Romaine // *Sociolinguistic Patterns in British English*. – London: Arnold, 1978. – P. 144-58.
234. Rosewarne D. Estuary English / D. Rosewarne // *Times Educational Supplement*, 19th October, 1984. URL: <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
235. Rosewarne D. Estuary English – tomorrow’s RP? / D. Rosewarne // *English Today*. – 37, Vol. 10, No. 1 (January 1994). – URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosew94.htm> (дата обращения: 15.04.2018).
236. Savage M., Devine F. A New Model of Social Class? Findings from the BBC’s Great British Class Survey Experiment / Mike Savage, Fiona Devine, [...], and Andrew Miles. – Volume 47, Issue 2. First published online April 2, 2013. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0038038513481128> (дата обращения: 20.11.2024).
237. Sachs J. Cues to the identification of sex in children’s speech / J. Sachs // *Language and Sex: Difference and Domination*. – 1975. – P. 152-71.
238. Scobbie J. M. Interspeaker variation among Shetland islanders as the long term outcome of dialectally varied input: Speech production evidence for fine-grained linguistic plasticity / J. M. Scobbie // *QMUC Speech Science Research Centre Working Paper*. – 2005. URL: <https://eresearch.qmu.ac.uk/handle/20.500.12289/140?show=full> (дата обращения: 20.11.2024).
239. Scobbie J. M. Biological and social grounding of phonology: Variation as a research tool / J. M. Scobbie // *Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences*. – Saarbrücken, 2007. – P. 225-228.

240. Schmitt H. The case for the epsilon symbol (ε) in RP DRESS // *Journal of the International Phonetic Association*. — № 37 (3). — P. 321—328.
241. Sederholm E. Perception of gender in ten-year-old children's voices / E. Sederholm // *Logopedics Phoniatrics Vocology*. —1998. — № 23. — P. 65-68.
242. Seidlhofer B. English as a lingua franca and communities of practice / Barbara Seidlhofer // Sabine Volk-Birke and Julia Lippert, eds. *Anglistentag 2006 Halle Proceedings*. — Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2007. — P. 307–318.
243. Smith J., Durham M., & Fortune L. “Mam, my trousers is fa'in doon!": community, caregiver, and child in the acquisition of variation in a Scottish dialect / J. Smith, M. Durham, L. Fortune // *Language Variation and Change*. — 2007. — № 19. — P. 63-99.
244. Stuart-Smith J. Empirical evidence for gendered speech production: /s/ in Glaswegian / J. Stuart-Smith // *Laboratory Phonology IX*. — Berlin: Mouton, 2007. — P. 65-86.
245. Stuart-Smith J., Pryce Gw., Timmins C., Gunter B. Television can also be a factor in language change: evidence from an urban dialect / J. Stuart-Smith, Gw. Pryce, C. Timmins, B. Gunter // *Language*. — 2013. — University of Glasgow, United Kingdom. — Volume 89, №3. — P. 501-536.
246. Swales, J. *Genre Analysis* / John Swales. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 272 p.
247. *The SAGE Handbook of Sociolinguistics* / Ruth Wodak, Barbara Johnstone, Paul E Kerswill (eds.). — SAGE Publications Ltd, 2010. — 648 p.
248. Tolson A. *Television Talk Shows. Discourse, Performance, Spectacle* / A. Tolson // Routledge. — 2014. — 222 p. URL: <https://www.crcpress.com/Television-Talk-Shows-Discourse-Performance-Spectacle/Tolson/p/book/9781138011311> (дата обращения: 20.11.2024).

249. Trudgill P., *Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society* / P. Trudgill. – London: Penguin, 1983 (rev. ed.). – P. 34-35.
250. Trudgill P. *The Social Differentiation of English in Norwich* / P. Trudgill. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – 211 p.
251. Trudgill P. *The sociolinguistics of modern RP.* / P. Trudgill // *Sociolinguistic variation and change.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. – 197 p.
252. Upton C. *Received Pronunciation* / C. Upton // *A Handbook of Varieties of English.* – Vol. 1: Phonology. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – 1168p. – P. 217-231.
253. Vrabel T. *Lectures in theoretical phonetics of the English language and method-guides for seminars* / T. Vrabel. – Ungvar: Polyprint, 2009. – 176 p.
254. Walker, R. *Pronunciation for international intelligibility* / R. Walker. – 2001. – URL: <http://www3.telus.net/linguisticsissues/internationalintelligibility.html> (дата обращения: 20.11.2024).
255. Wassink A. B. & Dyer J. *Language ideology and the transmission of phonological change: changing indexicality in two situations of language contact* / A. B. Wassink, J. Dyer // *Journal of English Linguistics*, № 32. – 2004. – P. 3-30.
256. Wassink A. B., Wright R. A., & Franklin A. D. *Intraspeaker variability in vowel production: an investigation of motherese, hyperspeech and Lombard speech in Jamaican speakers* / A. B. Wassink, R. A. Wright, & A. D. Franklin // *Journal of Phonetics.* – 2007. – № 35. – P. 363-79.
257. Watson K. *Liverpool English* / K. Watson // *Illustrations of the IPA. Journal of the International Phonetic Association.* – Volume 37, Issue 3. – 2007. – p. 351-360.
258. Wells J. C. *Accents of English: Volume 1. An introduction* / J. C. Wells. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 277 p.
259. Wenger E. *Communities of Practice* / Etienne Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 336 p.

260. Wenger E., McDermott R. A., Snyder W. *Cultivating Communities of Practice: A Guide to Managing Knowledge* / Etienne Wenger, Richard Arnold McDermott, William Snyder. Harvard Business School Press, 2002. – 284 p.
261. Whiteside S. Sex-specific fundamental and formant frequency patterns in a cross-sectional study / S. Whiteside // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 2001. – №110. – p. 464-478.
262. Wikström J. An acoustic study of the RP English LOT and THOUGHT vowels / J. Wikström // *Journal of the International Phonetic Association*. – April 2013. – № 43(01). DOI:10.1017/S0025100312000345 [Electronic Resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/259431942_An_acoustic_study_of_the_RP_English_LOT_and_THOUGHT_vowels (дата обращения: 20.11.2024).
263. Williams A., Kerswill P. *Dialect levelling: change and continuity in Milton Keynes, Reading and Hull* / A. Williams, P. Kerswill. – Foulkes and Docherty (eds.). – 1999. – P. 141–162.
264. Wolfram W. & Thomas E. R. *The Development of African American English: Evidence from an Isolated Community* / W. Wolfram, E. R. Thomas. – Oxford: Blackwell, 2002. – 256 p.
265. Wolfram W. *A Linguistic Description of Detroit Negro Speech* / W. Wolfram. – Washington, DC: Center for applied linguistics, 1969. – 237 p.
266. Worsham Sabrina Lea. *Media’s Influence on Social Norms and Identity Development of Youth* [Electronic Resource]. URL: http://www.personal.psu.edu/bfr3/blogs/applied_social_psychology/2011/11/medias-influence-on-social-norms-and-identity-development-of-youth.html (дата обращения: 20.11.2024).

Интернет-ресурсы и базы данных:

267. Лучшие ТВ-шоу для изучения английского языка. – URL: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/latest-news/best-tv-shows-for-learning-english/> (дата обращения: 20.11.2024).
268. Специфика телевидения как вида СМИ. – URL: <https://www.history-journal.ru/index.php?request=full&id=129> (дата обращения: 20.11.2024).
269. [bbc.co.uk](https://www.bbc.co.uk/), 2013 – URL: <https://www.bbc.co.uk/> (дата обращения: 20.11.2024).
270. BBC News. Why have the white British left London? 20 February 2013. – URL: <https://www.bbc.com/news/uk-21511904> (дата обращения: 20.11.2024).
271. CILT, the National Centre for Languages. 13 February 2005. – URL: <https://web.archive.org/web/20050213180755/http://www.cilt.org.uk/faqs/langspoken.htm> (дата обращения: 20.11.2024).
272. Ethnologue. English. – URL: <https://www.ethnologue.com/language/eng> (дата обращения: 20.11.2024).
273. English language. – URL: <https://www.britannica.com/topic/English-language> (дата обращения: 20.11.2024).
274. International Phonetic Alphabet. Keyboard. <https://ipa.typeit.org/full/>.
275. Languages across Europe. – URL: http://www.bbc.co.uk/languages/european_languages/countries/uk.shtml (дата обращения: 20.11.2024).
276. Linguistics. /t/ sound is pronounced like [ts] in British – URL: <https://linguistics.stackexchange.com/questions/37707/t-sound-is-pronounced-like-ts-in-british-english> (дата обращения: 20.11.2024).
277. List_of_The_Graham_Norton_Show_episodes. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_The_Graham_Norton_Show_episodes (дата обращения: 20.11.2024).

278. Migration statistics. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn06077/#:~:text=What%20are%20the%20UK's%20latest,net%20migration%20figure%20of%20782%2C000> (дата обращения: 20.11.2024).
279. Nomis. Official Labour Market Statistics. – URL: <https://www.nomisweb.co.uk/> (дата обращения: 20.11.2024).
280. Main language by sex by age // Nomis : official labour market statistics. – URL: http://www.nomisweb.co.uk/census/2011/LC2104EW/view/2092957703?rows=main_language&cols=c_age,free (access data: 10.09.2014).
281. PhoTransEdit. – URL: <http://www.photransedit.com/> (дата обращения: 20.11.2024).
282. Presenting: looking and sounding your best: 2.07.2013. – URL: <http://www.bbc.co.uk/academy/journalism/article/art20130702112133445> (дата обращения: 20.11.2024).
283. Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences, Barcelona, August 3-9, 2003. 1125–8. (ICPhS-15) – URL: <https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/index.html#> (дата обращения: 20.11.2024).
284. Project Britain. British Life and Culture. – URL: <http://projectbritain.com/> (дата обращения: 20.11.2024).
285. SBE. Sidney Wood and SWPhonetics. <https://swphonetics.com/articulation/accents/sbe/> – URL: (дата обращения: 20.11.2024).
286. Subtitles for Movies, Documentaries, etc. – URL: <https://subsaga.com/> (дата обращения: 20.11.2024).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АЯ – английский язык

ВП – вокалическое пространство

ДВ – диапазон варьирования

ЛФШ – Ленинградская фонологическая школа

МФА – Международная фонетическая ассоциация

СВ – стандартный вариант

СЛН – Стандартный лексический набор Дж. Уэллса

СР – спонтанная речь

ПН – произносительная норма

ШГН – «Шоу Грэма Нортонa»

ЕЕ – Estuary English, Эстуарный английский

EPD – English Pronouncing Dictionary

MLA – Лондонский мультикультурный английский

RP – Received Pronunciation

YM – young males, молодые мужчины

YF – young females, молодые женщины

MM – middle males, мужчины средней возрастной группы

MF – middle females, женщины средней возрастной группы

OM – older males, мужчины старшей возрастной группы

OF – older females, женщины старшей возрастной группы

ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЛАСНЫХ МОНОФТОНГОВ

[ɪ]	ненапряженный гласный переднего ряда верхнего подъема
[ɪ̞]	ненапряженный гласный переднего ряда верхнего подъема пониженной разновидности;
[i̯]	ненапряженный гласный среднего ряда верхнего подъема;
[i]	напряженный гласный переднего ряда верхнего подъема
[i:]	неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъема
[e]	неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема
[e:]	долгий неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема;
[e̞]	неогубленный гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема низкой разновидности
[ɛ]	неогубленный гласный среднего ряда средне-нижнего подъема
[æ]	ненапряженный гласный переднего ряда нижнего подъема
[ɐ]	ненапряженный гласный среднего ряда нижнего подъема
[ä]	ненапряженный гласный переднего ряда нижнего подъема, смещенный к центру
[a]	ненапряженный гласный переднего ряда нижнего подъема
[æ:]	долгий гласный переднего ряда нижнего подъема
[a:]	долгий гласный переднего ряда нижнего подъема
[ɒ]	гласный заднего ряда нижнего подъема
[ɔ̞]	гласный заднего ряда средне-нижнего подъема низкой разновидности
[ɒ:]	долгий гласный заднего ряда нижнего подъема
[ʌ]	неогубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема
[ɔ]	огубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема
[ʌ:]	долгий неогубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема
[o]	огубленный гласный заднего ряда средне-верхнего подъема
[ɵ]	огубленный гласный среднего ряда верхнего\средне-верхнего подъема
[ʊ]	ненапряженный огубленный гласный заднего ряда верхнего\средне-верхнего подъема
[y]	ненапряженный огубленный гласный переднего\средне-переднего ряда верхнего подъема
[y̞]	ненапряженный огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема пониженной разновидности

[y]	ненапряженный огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема продвинутый вперед
[ϕ]	огубленный гласный среднего ряда верхнего\средне-верхнего подъема пониженной разновидности
[u:]	огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема
[Y]	огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема отодвинутый назад
[ϕ:]	огубленный гласный среднего ряда верхнего подъема
[a:]	долгий неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема
[ɔ:]	огубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема
[ɜ]	долгий неогубленный гласный среднего ряда средне-нижнего подъема
[ɜ̃]	долгий неогубленный гласный среднего ряда средне-нижнего подъема пониженной разновидности
[õ:]	огубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема сдвинутый к центральному ряду
[ɯ:]	огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема сдвинутый к центральному ряду
[ö]	огубленный гласный заднего ряда средне-верхнего подъема сдвинутый к центральному ряду
[ʏ]	ненапряженный огубленный гласный переднего\средне-переднего ряда верхнего подъема сдвинутый к переднему ряду
[ø]	огубленный гласный среднего ряда средне-верхнего подъема
[ø̃]	огубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема
[i̯]	напряженный гласный переднего ряда верхнего подъема пониженной разновидности
[ə]	ненапряженный гласный среднего ряда среднего подъема
[ə̃\ə]	ненапряженный гласный среднего ряда средне-закрытого подъема
[i̯]	экстракраткий ненапряженный гласный переднего ряда верхнего подъема

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГЛАСНЫЕ ФСП В ТРАДИЦИОННОМ И ДЕМОКРАТИЧНОМ БРИТАНСКОМ СТАНДАРТЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ RECEIVED PRONUNCIATION [Upton, 2004].

Table 1. The vowels of RP and trad-RP

Vowel	RP	shared RP/trad-RP	trad-RP
KIT		ɪ	
DRESS	ɛ		e
TRAP	ɑ		æ
LOT		ɒ	
STRUT		ʌ	
FOOT		ʊ	
BATH	ɑ: ~ ɑ		ɑ:
CLOTH	ɒ		ɒ ~ ɔ:
NURSE	ɔ:		ɜ:
FLEECE		i:	
FACE		eɪ	
PALM		ɑ:	
THOUGHT		ɔ:	
GOAT	əʊ		əʊ ~ oʊ
GOOSE		u:	
PRICE	aɪ		aɪ
CHOICE		ɔɪ	
MOUTH		aʊ	
NEAR		ɪə	
SQUARE	ɛ:		ɛə
START		ɑ:	
NORTH		ɔ:	
FORCE		ɔ:	
CURE	ʊə ~ ɜ:		ʊə
happY		i	
lettER		ə	
commA		ə	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ФОНЕТИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ RP
 КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Подъем	Гласный
Высокий	[i:], [u:]
Высокий средний	[ɪ], [ʊ]
Низкий средний	[e], [z:], [ɔ:], [ə]
Низкий	[æ], [ʌ], [ɑ:], [ɒ]

Ряд	Гласный
Передний	[i:], [ɪ], [e], [æ]
Средний	[z:], [ə], [ʌ]
Задний	[u:], [ʊ], [ɔ:], [ɑ:], [ɒ]

По принципу стабильности артикуляции выделяют:

- 1) монофтонги, в том числе исторически краткие гласные [ɪ], [ʊ], [e], [ə], [æ], [ʌ], [ɒ] и исторически долгие гласные [i:], [u:], [z:], [ɔ:], [ɑ:];
- 2) дифтонги [eɪ, aɪ, əɪ, aʊ, əʊ, ɪə, eə, ʊə] [Шевченко, 2017].

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

- а) губно-губные [p, b, m, w]; губно-зубные [f, v];
- б) дентальные (межзубные и зубные) [θ, ð]; альвеолярные [d, t, n, l, s, z]; заальвеолярные [dʒ, ʒ]; палатально-альвеолярные [ʃ, ʒ];
- в) дорсальные: палатальный [j]; велярные [k, g, ŋ];
- г) глоттальные (гортанные) [h, ʔ].

По способу образования преграды:

- а) носовые смычные [m, n, ŋ];
- б) смычные взрывные [p, b, t, d, k, g];
- в) фрикативные [f, v, s, z, θ, ð, ʃ, ʒ, h];
- г) аппроксиманты: [j, r]; центральный [w]; латеральный [l];
- д) дрожащий (шотландский) [r];

е) аффрикаты [dʒ, tʃ]

ж) дополнительно используемые символы IPA: [X] глухой увулярный фрикативный аспирированный; [χ] глухой велярный фрикативный.

Table of English Consonants								
	Bilabial	Labio-dental	Dental	Alveolar	Post-alveolar	Palatal	Velar	Glottal
Plosive	p b			t d			k g	
Affricate					tʃ dʒ			
Fricative		f v	θ ð	s z	ʃ ʒ		(x)	h
Nasal	m			n			ŋ	
Lateral approximant				l				
Approximant	w				r	j		

Классификация согласных фонем британского варианта АЯ (EPD)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СООТНОШЕНИЕ СТАНДАРТНЫХ, РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ И СУБСТИТУЦИЙ АЛЛОФОНАМИ

КИТ	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	92,17%	3,69%	4,14%
Младшая гр., жен.	87,68%	5,81%	6,51%
Средняя гр., муж.	89,21%	5,16%	5,64%
Средняя гр., жен.	91,25%	3,77%	4,97%
Старшая гр., муж.	94,55%	1,21%	4,24%
Старшая гр., жен.	93,12%	2,29%	4,59%
DRESS	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	98,16%	0,31%	1,53%
Младшая гр., жен.	87,43%	1,14%	11,43%
Средняя гр., муж.	97,98%	0,40%	1,61%
Средняя гр., жен.	95,20%	0,74%	4,06%
Старшая гр., муж.	100%	0%	0%
Старшая гр., жен.	96,05%	0%	3,95%

TRAP	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	88,38%	1,52%	10,1%
Младшая гр., жен.	71,77%	4,84%	23,39%
Средняя гр., муж.	76,00%	6,50%	17,50%
Средняя гр., жен.	64,07%	5,39%	30,54%

Старшая гр., муж.	90,24%	4,88%	4,88%
Старшая гр., жен.	92,73%	1,82%	5,45%

ЛОТ	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	94,82%	2,59%	2,59%
Младшая гр., жен.	88,06%	2,99%	8,96%
Средняя гр., муж.	90,96%	4,26%	4,79%
Средняя гр., жен.	92,07%	1,83%	6,10%
Старшая гр., муж.	89,36%	2,13%	8,51%
Старшая гр., жен.	96,15%	0%	3,85%

STRUT	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	98,14%	0,62%	1,24%
Младшая гр., жен.	88,68%	2,83%	8,49%
Средняя гр., муж.	99,36%	0,64%	0%
Средняя гр., жен.	97,35%	0,66%	1,99%
Старшая гр., муж.	100%	0%	0%
Старшая гр., жен.	97,92%	0%	2,08%

FOOT	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	74,55%	18,64%	6,82%
Младшая гр., жен.	71,01%	13,02%	15,98%
Средняя гр., муж.	92,00%	3,00%	5,00%
Средняя гр., жен.	84,97%	7,77%	7,25%
Старшая гр., муж.	88,24%	1,96%	9,80%
Старшая гр., жен.	90,00%	1,25%	8,75%

BATH	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	94%	0%	5,71%
Младшая гр., жен.	92,16%	0%	7,84%
Средняя гр., муж.	96,63%	0%	3,37%
Средняя гр., жен.	100,00%	0%	0%
Старшая гр., муж.	100,00%	0%	0%
Старшая гр., жен.	100,00%	0%	0%

NURSE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	88,24%	0%	11,76%
Младшая гр., жен.	52,17%	0%	47,83%

Средняя гр., муж.	85,94%	0%	14,06%
Средняя гр., жен.	77,78%	0%	22,22%
Старшая гр., муж.	100%	0%	0%
Старшая гр., жен.	75,00%	0%	25,00%

FLEECE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	92,31%	1,28%	6,41%
Младшая гр., жен.	88,55%	0,60%	10,84%
Средняя гр., муж.	92,93%	0%	7,07%
Средняя гр., жен.	96,71%	0%	3,29%
Старшая гр., муж.	97,44%	0%	2,56%
Старшая гр., жен.	96,72%	0%	3,28%

THOUGHT	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	92,86%	2,86%	4,3%
Младшая гр., жен.	72,12%	3,85%	24,04%
Средняя гр., муж.	92,80%	2,40%	4,80%
Средняя гр., жен.	89,36%	0%	10,64%
Старшая гр., муж.	100%	0%	0%
Старшая гр., жен.	95,00%	0%	5,00%

GOOSE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	85,42%	1,4%	13,2%
Младшая гр., жен.	86,79%	0%	13,21%
Средняя гр., муж.	62,92%	0%	37,08%
Средняя гр., жен.	64,84%	0%	35,16%
Старшая гр., муж.	82,50%	0%	17,50%
Старшая гр., жен.	89,13%	0%	10,87%

HAPPY	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	93,86%	1,44%	4,7%
Младшая гр., жен.	84,81%	0,63%	14,56%
Средняя гр., муж.	93,26%	0,75%	5,99%
Средняя гр., жен.	92,93%	0%	7,07%
Старшая гр., муж.	98,39%	0%	1,61%
Старшая гр., жен.	97,73%	0%	2,27%
GOAT	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	69,2%	5,6%	25,20

Младшая гр., жен.	50,3%	10,3%	39,4%
Средняя гр., муж.	53,81%	19,73%	26,46%
Средняя гр., жен.	50,27%	5,35%	44,39%
Старшая гр., муж.	66,67%	0%	33,33%
Старшая гр., жен.	65,71%	4,29%	30,00%

SQUARE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	64,91%	7,02%	28,07%
Младшая гр., жен.	47,6%	4%	49%
Средняя гр., муж.	32,08%	5,66%	62,26%
Средняя гр., жен.	32,56%	11,63%	55,81%
Старшая гр., муж.	53,85%	0%	46,15%
Старшая гр., жен.	66,67%	0%	33,33%

PRICE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	81,68	0%	18,32%
Младшая гр., жен.	80,1%	0%	20%
Средняя гр., муж.	85,97%	0%	14,03%
Средняя гр., жен.	84,31%	0,33%	15,36%
Старшая гр., муж.	97,96%	0%	2,04%
Старшая гр., жен.	88,35%	0%	11,65%

NEAR	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	58,82%	4,55%	38,64%
Младшая гр., жен.	29%	8%	63,2%
Средняя гр., муж.	44,44%	4,94%	50,62%
Средняя гр., жен.	28,13%	0%	71,88%
Старшая гр., муж.	50%	0%	50%
Старшая гр., жен.	76,19%	4,76%	19,05%

FACE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	96,07%	0%	0,6%
Младшая гр., жен.	90%	1,3	9,3%
Средняя гр., муж.	94,37%	0%	5,63%
Средняя гр., жен.	91,54%	0,77%	7,69%
Старшая гр., муж.	100,00%	0%	0%
Старшая гр., жен.	91,94%	1,61%	6,45%

MOUTH	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	77,4%	0,00%	22,6%
Младшая гр., жен.	51,7%	0,00%	48,3%
Средняя гр., муж.	48,10%	0,00%	51,90%
Средняя гр., жен.	53,49%	0,00%	46,51%
Старшая гр., муж.	57,89%	0,00%	42,11%
Старшая гр., жен.	79,17%	0,00%	20,83%

VOICE	Стандарт. вар-т, %	Редуцировано, %	Аллофоны, %
Младшая гр., муж.	91,67%	0,00%	8,33%
Младшая гр., жен.	100,00%	0,00%	0,00%
Средняя гр., муж.	89,00%	0,00%	11,00%
Средняя гр., жен.	84,62%	0,00%	15,38%
Старшая гр., муж.	100,00%	0,00%	0,00%
Старшая гр., жен.	80,00%	0,00%	20,00%

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СРЕДНИЕ ЧАСТОТНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИЙ
ГЛАСНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ
МОНОФТОНГИ

ФСП	KIT	
	F1	F2
Младшая, жен.	583	2197
Младшая, муж.	501	1959
Средняя, жен.	544	2181
Средняя, муж.	430	1902
Старшая, жен.	534	2145
Старшая, муж.	436	1724
ЭП 2001, жен.	432	2296
ЭП 2001, муж.	382	1958

ФСП	DRESS	
	F1	F2
Младшая, жен.	784	1843
Младшая, муж.	660	1688
Средняя, жен.	710	1902
Средняя, муж.	579	1653
Старшая, жен.	663	1979

Старшая, муж.	583	1600
ЭП 2001, женщины	645	2287
ЭП 2001, мужчины	560	1797

ФСП	TRAP	
Группа	F1	F2
Младшая, жен.	918	1652
Младшая, муж.	807	1555
Средняя, жен.	892	1652
Средняя, муж.	732	1459
Старшая, жен.	858	1759
Старшая, муж.	766	1467
ЭП 2001, женщины	1011	1759
ЭП 2001, мужчины	732	1527

ФСП	LOT	
Группа	F1	F2
Младшая, жен.	690	1124
Младшая, муж.	638	1096
Средняя, жен.	681	1131
Средняя, муж.	586	1007
Старшая, жен.	667	1077
Старшая, муж.	685	1009
ЭП 2001, женщины	602	994
ЭП 2001, мужчины	593	866
ФСП	STRUT	
Группа	F1	F2
Младшая, жен.	791	1316
Младшая, муж.	719	1260
Средняя, жен.	782	1347
Средняя, муж.	679	1220
Старшая, жен.	744	1329
Старшая, муж.	696	1202
ЭП 2001, женщины	813	1422
ЭП 2001, мужчины	695	1224

ФСП	FOOT+		FOOT-	
	F1	F2	F1	F2
Группа				
Младшая, жен.	542	1766	598	1379
Младшая, муж.	511	1847	472	1298
Средняя, жен.	488	1767	540	1204
Средняя, муж.	447	1592	447	1299
Старшая, жен.	482	1638	536	1213
Старшая, муж.	336	1716	465	1295
ЭП 2001, женщины	414	1203	414	1203
ЭП 2001, мужчины	414	1051	414	1051

ФСП	BATH, START	
	F1	F2
Группа		
Младшая, жен.	839	1183
Младшая, муж.	718	1210
Средняя, жен.	819	1237
Средняя, муж.	662	1098
Старшая, жен.	741	1192
Старшая, муж.	721	1113
ЭП 2001, женщины	779	1181
ЭП 2001, мужчины	687	1077

ФСП	NURSE	
	F1	F2
Группа		
Младшая, жен.	749	1582
Младшая, муж.	593	1415
Средняя, жен.	732	1508
Средняя, муж.	566	1465
Старшая, жен.	653	1636
Старшая, муж.	576	1380
ЭП 2001, женщины	650	1593
ЭП 2001, мужчины	513	1377

ФСП	FLEECE	
	F1	F2
Группа		
Младшая, жен.	486	2565
Младшая, муж.	395	2251
Средняя, жен.	508	2646

Средняя, муж.	373	2173
Старшая, жен.	408	2560
Старшая, муж.	343	1973
ЭП 2001, женщины	319	2723
ЭП 2001, мужчины	275	2221

ФСП	THOUGHT	
Группа	F1	F2
Младшая, жен.	541	961
Младшая, муж.	504	892
Средняя, жен.	503	956
Средняя, муж.	458	826
Старшая, жен.	506	854
Старшая, муж.	555	923
ЭП 2001, женщины	431	799
ЭП 2001, мужчины	453	642

ФСП	GOOSE+		GOOSE-	
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	464	2057	525	1273
Младшая, муж.	393	1864	403	1195
Средняя, жен.	469	1997	460	1275
Средняя, муж.	379	1746	382	1273
Старшая, жен.	418	1680	377	1249
Старшая, муж.	383	1632	397	1242
ЭП 2001, женщины	339	1396	339	1396
ЭП 2001, мужчины	302	1131	302	1131

ФСП	HAPPY	
Группа	F1	F2
Младшая, жен.	495	2484
Младшая, муж.	411	2104
Средняя, жен.	473	2534
Средняя, муж.	366	2117
Старшая, жен.	473	2446
Старшая, муж.	367	1820

ДИФТОНГИ

ФСП	GOAT+		GOAT-	
	ЯДРО			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	727	1565	666	1646
Младшая, муж.	641	1352	607	1420
Средняя, жен.	695	1705	692	1722
Средняя, муж.	595	1320	583	1520
Старшая, жен.	636	1695	631	1637
Старшая, муж.	503	1215	577	1298
ФСП	ГЛАЙД			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	480	1806	499	1412
Младшая, муж.	420	1639	448	1242
Средняя, жен.	465	1909	500	1362
Средняя, муж.	440	1642	489	1201
Старшая, жен.	456	1872	495	1211
Старшая, муж.	467	1425	385	1077
	ЯДРО		ГЛАЙД	
ЭП 2001, жен.	619	1578	380	1267
ЭП 2001, муж.	537	1266	491	1113
ФСП	PRICE		FACE	
	ЯДРО			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	832	1286	682	1787
Младшая, муж.	746	1194	596	1668
Средняя, жен.	854	1336	691	1808
Средняя, муж.	686	1106	597	1490
Старшая, жен.	754	1346	623	2045
Старшая, муж.	743	1177	560	1533
ФСП	ГЛАЙД			

Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	591	2087	515	2422
Младшая, муж.	516	1825	413	2115
Средняя, жен.	584	2249	515	2439
Средняя, муж.	501	1807	386	2102
Старшая, жен.	546	2222	460	2543
Старшая, муж.	519	1809	373	1980
	ЯДРО			
ЭП 2001, жен.	822	1275	581	2241
ЭП 2001, муж.	734	1117	587	1945
	ГЛАЙД			
ЭП 2001, жен.	359	2591	416	2204
ЭП 2001, муж.	560	2209	413	2130

ФСП	NEAR		CURE	
	ЯДРО			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	516	2348	-	-
Младшая, муж.	461	1982	489	1404
Средняя, жен.	553	2282	502	1225
Средняя, муж.	424	1916	429	1636
Старшая, жен.	459	2327	-	-
Старшая, муж.	403	1674	-	-
	ГЛАЙД			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	533	1956	-	-
Младшая, муж.	503	1641	615	1246
Средняя, жен.	656	1708	512	1456
Средняя, муж.	501	1618	628	1708
Старшая, жен.	522	1675	-	-
Старшая, муж.	516	1408	-	-
	ЯДРО			

ЭП 2001, жен.	399	2514	420	1157
ЭП 2001, муж.	382	2096	426	1028
	ГЛАЙД			
ЭП 2001, жен.	417	1846	485	1258
ЭП 2001, муж.	489	1615	587	1250

ФСП	MOUTH+		MOUTH-	
	ЯДРО			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	-	-	934	1688
Младшая, муж.	-	-	694	1589
Средняя, жен.	-	-	872	1700
Средняя, муж.	816	1600	699	1504
Старшая, жен.	-	-	820	1578
Старшая, муж.	733	1189	708	1301
ФСП	ГЛАЙД			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	-	-	617	1408
Младшая, муж.	-	-	642	1232
Средняя, жен.	-	-	658	1297
Средняя, муж.	577	1675	600	1100
Старшая, жен.	-	-	607	1195
Старшая, муж.	447	1359	646	1161
	ЯДРО		ГЛАЙД	
ЭП 2001, жен.	901	1538	403	1088
ЭП 2001, муж.	780	1368	650	1193

ФСП	SQUARE+		SQUARE-	
	ЯДРО			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	734	1598	818	1791

Младшая, муж.	599	1649	641	1796
Средняя, жен.	712	1694	806	1894
Средняя, муж.	-	-	588	1708
Старшая, жен.	-	-	649	2026
Старшая, муж.	351	1323	635	1493
ФСП	ГЛАЙД			
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	838	1808	647	1454
Младшая, муж.	565	1897	615	1492
Средняя, жен.	587	1920	661	1626
Средняя, муж.	-	-	525	1327
Старшая, жен.	-	-	674	1756
Старшая, муж.	633	1386	536	1341
	ЯДРО		ГЛАЙД	
ЭП 2001, жен.	691	2210	751	1883
ЭП 2001, муж.	538	1864	655	1594

ФСП	VOICE			
	ЯДРО		ГЛАЙД	
Группа	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	532	1042	433	1954
Младшая, муж.	531	960	548	1974
Средняя, жен.	613	974	567	2162
Средняя, муж.	492	899	527	1790
Старшая, жен.	584	1061	524	1806
Старшая, муж.	532	866	380	1476
	ЯДРО		ГЛАЙД	
ЭП 2001, жен.	428	879	334	2520
ЭП 2001, муж.	477	824	454	1919

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГЛАСНЫХ ФСП

Сравнение показателей ФСП открытого подъема по признаку подъема (F1)

ФСП	TRAP	STRUT	BATH	LOT	THOUGHT
Группа	F1	F1	F1	F1	F1
Младшая, жен.	918	791	839	690	541
Младшая, муж.	807	719	718	638	504
Средняя, жен.	892	782	819	681	503
Средняя, муж.	732	679	662	586	458
Старшая, жен.	858	744	741	667	506
Старшая, муж.	766	696	721	685	555
ЭП 2001, жен.	1011	813	779	602	431
ЭП 2001, муж.	732	695	687	593	453

Сравнение показателей ФСП средне-переднего ряда по признаку ряда (F2)

ФСП	TRAP	LETTER
Группа	F2	F2
Младшая, жен.	1652	1625
Младшая, муж.	1555	1506
Средняя, жен.	1652	1585
Средняя, муж.	1459	1403
Старшая, жен.	1759	1654
Старшая, муж.	1467	1353

Сравнение положения гласного [ɪ] в монофтонгах и дифтонгах

Женщины		NEAR	PRICE	FACE	KIT	happY
Участницы ШГН	F1	459-553	546-591	460-515	534-583	473-495
	F2	2282-2348	2087-2222	2422-2543	2145-2197	2446-2534
ЭП	F1	399	359	416	432	-
	F2	2514	2591	2204	2296	-

Мужчины		NEAR	PRICE	FACE	KIT	happY
Участники ШГН	F1	403-461	501-519	373-413	430-501	366-411
	F2	1674-1982	1807-1825	1980-2115	1724-1959	1820-2117
ЭП	F1	382	560	413	382	-
	F2	2096	2209	2130	1958	-

Сравнение ФСП [e] в дифтонге FACE и монофтонге DRESS

ФСП	FACE		DRESS	
	F1	F2	F1	F2
Участницы ШГН	623-691	1787-2045	663-784	1843-1979
Участники ШГН	560-597	1490-1668	579-660	1600-1688
ЭП 2001, женщины	581	2241	645	2287
ЭП 2001, мужчины	587	1945	560	1797

Сравнение [э:] в дифтонге VOICE и монофтонге THOUGHT по признаку подъема (F1)

ФСП	VOICE	THOUGHT
Группа	F1	F1
Младшая, жен.	532	541
Младшая, муж.	531	504
Средняя, жен.	613	503
Средняя, муж.	492	458
Старшая, жен.	584	506
Старшая, муж.	532	555
ЭП 2001, жен.	428	431
ЭП 2001, муж.	477	453

Сравнение [э:] в дифтонге VOICE и монофтонгах LOT, THOUGHT по признаку ряда (F2)

ФСП	VOICE	LOT	THOUGHT
Группа	F2	F2	F2
Младшая, жен.	1042	1124	961
Младшая, муж.	960	1096	892
Средняя, жен.	974	1131	956
Средняя, муж.	899	1007	826
Старшая, жен.	1061	1077	854
Старшая, муж.	866	1009	923
ЭП 2001, женщины	879	994	799
ЭП 2001, мужчины	824	866	642

Сравнение положения [ɪ] в монофтонге KIT и дифтонге VOICE

ФСП	KIT		VOICE	
	F1	F2	F1	F2
Младшая, жен.	583	2197	433	1954
Младшая, муж.	501	1959	548	1974

Средняя, жен.	544	2181	567	2162
Средняя, муж.	430	1902	527	1790
Старшая, жен.	534	2145	524	1806
Старшая, муж.	436	1724	380	1476
ЭП 2001, жен.	432	2296	334	2520
ЭП 2001, муж.	382	1958	454	1919

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Фонемный инвентарь гласных ФСП современного разговорного RP на материале речи британцев-участников «Шоу Грэма Нортон»

ФСП	ОСН. (ПО F1, F2)	МОН. (АЛЛОФОНЫ)	ДИФ.(АЛЛОФОНЫ)
KIT	[ɪ] ~ [ɪ̃]	[ĩ] ≥ 3% OM, OF	
DRESS	[e] ~ [ẽ]	[a] ≥ 3% YF	[au] 2,8% YF
TRAP	[æ] ~ [ä] F~ [ẽ] M	[a]/[ẽ] ≥ 20 Y, MF	
LOT	[ɒ]	[ɒ:] M [o/ɔ] Y ~ [ɑ/a] OM	[ɒɔ] ≥ 2% MF
STRUT	[ʌ]	[ʌ:] ~ [a] YM	
FOOT	[ʊ] ~ [u]	[ʊ] YM, F MF~ [ɪ] YF ~ [u:] OM	[eu]/[ɔu]/[ɪu] YF
BATH	[ɑ:]	[ʌ]	
NURSE	[ɜ:] ~ [ɜ̃]	[ɜ:] M ~ [ɜ̃:] / [ẽ:] F ~ [ɑ:] YF	[ɜ:æ] MF 10% [ɜ:ə] OF 10% [ɜ:o] OF 5%
FLEECE	[i:] ~ [ĩ:] F ~ [ĩ:] M	[i] ≤ 5% [ɪ]/[ĩ] ≤ 3% YF	[ei:/ii:] YM 2%, OM 3% [i:ə] MM ≤ 2%
THOUGHT	[ɔ:]	[u/u:] 15% YF ≤ 5% MF	[ɔ:u] YF 3% OF ≥ 3%
GOOSE	[u:] ~ [ũ:]	[y:] YF, MF, MM [ũ:] YF [u:] YM, MM	[i:u]/[ĩu:] 15% MF 7% MM [i:] 7% MM
HAPPY	[ɪ] ~ [ĩ]	[i:] all 4% YF ≤ 3% MF	[əi]/[ei] 4% YF 2% YM [ii:] 3% YF
GOAT	[ə̃] ~ [əu]	[o-ö-ø-ø]: [o/ɔ:] ≥ 12% YM [ə] 14% OM	[ə̃ə̃/ə̃y] MF, OF [ə̃ə̃/ə̃y] [ə̃u] YF

		[o-ø-ø] 5% OF [ø] 13% MF, 11% YF	[əʊ] MF, YF [öʊ/öu] OM
SQUARE	[eə] ~ [æe] ~ [e:]	[e:] all 49% MM 30% OM [e] [ɛ:] F, [ə:] M	[ea] [æe] ≤10% MF [eɪ] OM 8%
PRICE	[ʌɪ]/[aɪ]	[a/ʌ] 16% YF	[ʌɪ]/[aɪ] F [ʌi̯]/[aɪ̯] M [ʌ]/[æe] YM YF
NEAR	[iɪ] ~ [iə] [i̯ə]/[i̯ə] ~ [i:]	[i:] all 35% YF 47% MF [i:] ≤12% YM YF [i̯:] OM	[i̯]/[i̯:ə]/[i̯:ə] YM MM [ie],[ia] OM [ii] MF [i:i] YF
FACE	[ɛɪ/ɛɪ] ~ [əɪ]	[e:] 2% YF [ɜ]/[e] 3,5% YF, 2% MF [æ] ≥1% [ɜ]/[e] 2% YM [e:] 1,5% [ɜ]/[e] 2% MM	[eɪ:] 2% YF
MOUTH	[aʊ] ~ [aʊ/æə] F ~ [aʊ/ɜʊ] M	[a] all 23% MF [ɑ:] all 28% MM	[aʊ] 8-11% [aə] 11% OM [aɔ] 7% YF
VOICE	[ɔɪ]/[ɔi̯]	[ɔ] 8% YM 7% OF	[ɔə] 20% OF
CURE	[ʊə]	[ɜ:] / [ɔ:]	[ʊ̯ö]/[ʊ̯ə]/[ʊ̯u]

Аббревиатуры и сокращения, используемые в Приложении 6:

ОСН. – основной вариант реализации гласной переменной согласно данным, полученным при расчете средних значений формант F1 и F2.

МОН. – основные аллофоны-монофтонги, имеющие наибольшее соотношение реальных реализаций переменных в речи

ДИФ. – основные аллофоны-дифтонги, имеющие наибольшее соотношение реальных реализаций переменных в речи

YM – young males, молодые мужчины

YF – young females, молодые женщины

MM – middle males, мужчины средней возрастной группы

MF – middle females, женщины средней возрастной группы

OM – older males, мужчины старшей возрастной группы
 OF – older females, женщины старшей возрастной группы

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДИСТРИБУЦИИ L-ВОКАЛИЗАЦИИ

Контекст	Мл.муж.		Млад.жен.		Сред.муж.		Сред. жен.		Стар.муж.		Стар.жен.	
	всего	вок.	всего	вок.	всего	вок.	всего	вок.	всего	вок.	всего	вок.
l-w/o /__# (well, still)	6	4	7	2	12	1	6	0	6	0	6	1
l-w/o /__C (bold, girls)	99	27	78	17	50	8	74	23	19	2	20	3
l-w/o /when syllabic (bottle)	26	8	45	11	71	15	29	9	15	0	14	1
Всего	131	39	130	30	133	24	109	32	40	2	40	5

Всего L-вокализации			
Группа	всего	вок.	Общее соотношение реальных реализации [l-w/o/]
Млад.муж.	131	39	30%
Млад.жен.	130	30	23%
Сред.муж.	133	24	18%
Сред. жен.	109	32	29%
Стар.муж.	40	2	5%
Стар.жен.	40	5	13%

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАСНЫХ ФСП ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ L-ВОКАЛИЗАЦИИ

ФСП	Младшие группы	Средние группы
[ɔ:]	[Yy:]/[uY:]/[Y:]/[ɔ] Kyd (called) kɪ ku:d sku:u wɪtʃ 'fɪ: Y: redɪ 'aɪ ku:l jɛu Yweɪz, Y:l 'hi: dɪ'rektə kYld	[Yy:]/[uY:] Called – kYy:ld, kuY: d, All my - 'θɪŋk U:l maɪ
[ɔ:]	[ɔ:u] 'ɔ:uweɪz, ɔ:Yweɪs,	[ɔ:u] called kɔ:ud
[ɔ:]	[ɔ:/o] 'ɔ:weɪz, [o] əweɪz	-
[əʊ]	-	[oY] Old – oYd Told - toʊld
[əʊ]	-	[ɔ:]/[o] hold, 'hɔ:ldɪŋ
[e]	[e]-[au] əz waul	[eaə] , əʊvə'weaəlmɪd
[e]	[u] , wul 'aɪðə: wY je ðeə wYl bi	
[e]	[e]-[a] əz wal	[a]- ɔ:l ɪn wel ɔ:lɪ ɪn wal
[i:]	i:u fi:ul rar?	kɔ:ld ni:l kɔ:ld ni:əl

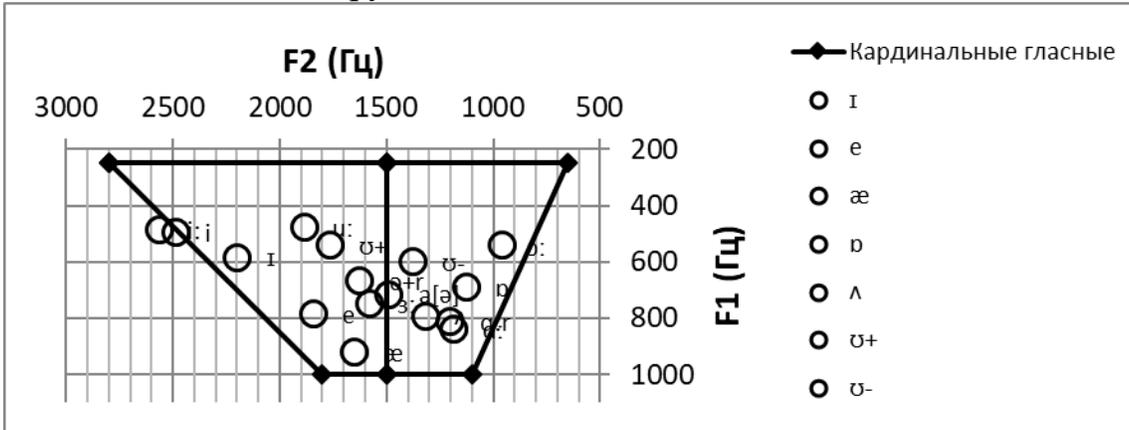
[з:]	-	[eo]- gз:l geol
[u:ə]	-	[uY:]/[u:ə] -'dзу:əlz 'dзуY:lz 'dзу:əlz
[ɪ]	[ɪ]-[ɪu(ə)] steal it 'struə? 'it film-frum 'frumɪŋ	-
[ɪ]	[ɪə] fi ə m [ɪə] frɒm [ea] fealmz [əw] fəwm	-

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. УЧАСТНИКИ ШГН И ЭПИЗОДЫ, СОДЕРЖАЩИЕ РЕЧЬ, ИССЛЕДУЕМУЮ В РАБОТЕ

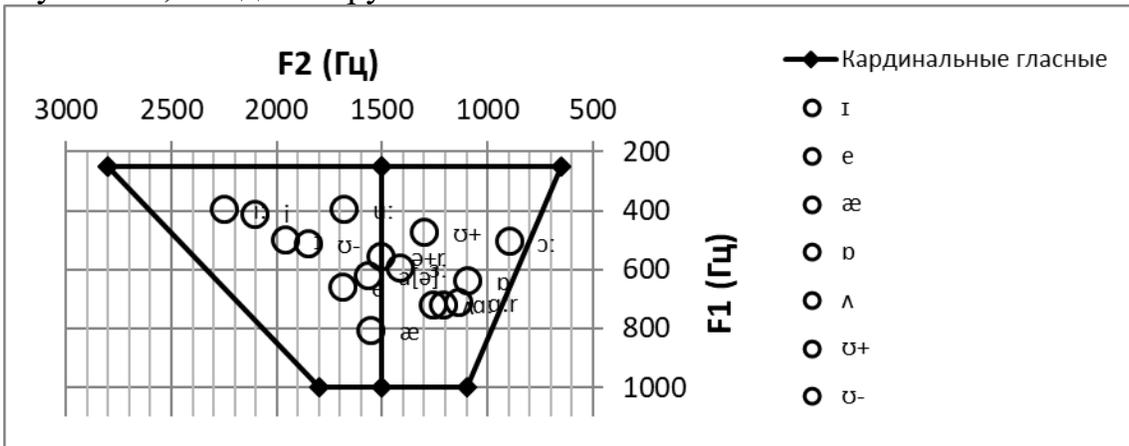
Участник	Появление в эпизоде ШГН (номер выпуска, дата)	Дата рождения	Группа
Eddie Redmayne	№306, 28.10.2016, №375, 26.10.2018	6.01.1982	Младшая, мужчины (YM)
Daniel Radcliffe	№302, 30.09.2016, №321, 17.02.2017	23.07.1989	
Tom Holland	№358, 6.04.2018, №403, 21.06.2019	1.06.1996	
Taron Egerton	№377, 9.11.2018, №479, 4.02.2022	10.11.1989	
Jack Whitehall	№294, 13.05.2016, №324, 7.04.2017	7.07.1988	
Jude Law	№305, 21.10.2016, №375, 26.10.2018	29.12.1972	Средняя, мужчины (MM)
Benedict Cumberbatch	№306, 28.10.2016, №360, 20.04.2018	19.07.1976	
Martin Freeman	№333, 9.06.2017, №313, 23.12.2016	8.09.1971	
Hugh Laurie	№282, 22.01.2016, №421, 24.01.2020	11.06.1959	
Ralf Feinnes	№280, 8.01.2016, №510, 20.10.2023	22.12.1962	
Sir Ian McKellan	№322, 24.02.2017, №377, 9.11.2018	25.05.1939	Старшая, мужчины (OM)
Sir Elton John	№345, 1.12.2017, №466, 22.10.2021	25.03.1947	
Sir Patrick Stewart	№322, 24.02.2017, №389, 8.02.2019	13.07.1940	
Sir David Attenborough	№282, 22.01.2016, №307, 4.11.2016	8.05.1926	
Sir Rod Stuart	№270, 16.10.2015, №371, 28.09.2018	10.01.1945	
Emily Blunt	№358, 6.04.2018, №382, 21.12.2018	23.02.1983	Младшая, женщины (YF)
Claire Foy	№307, 4.11.2016, №341, 27.10.2017	16.04.1984	
Carey Mulligan	№377, 9.11.2018, №449, 22.01.2021	28.05.1985	
Cara Delevigne	№264, 19.06.2015, №341, 27.10.2017	12.08.1992	
Daisy Ridley	№347, 15.12.2017, №416, 20.12.2019	10.04.1992	
Gwendoline Christie	№347, 15.12.2017, №398, 17.05.2019	28.10.1978	Средняя, женщины (MF)
Rachel Weisz	№333, 9.06.2017, №270, 16.10.2015	7.03.1970	
Emma Thompson	№341, 27.10.2017, №421, 24.01.2020	15.04.1959	
Catherine Tate	№305, 21.10.2016, №383, 31.12.2018	12.05.1968	
Olivia Colman	№383, 31.12.2018, №411, 8.11.2019	30.01.1974	
Helena Bohnam Carter	№368, 15.06.2018, №411, 8.11.2019	26.05.1966	Старшая, женщины (OF)
Dame Julie Andrews	№410, 1.11.2019	1.10.1935	
Dame Helen Mirren	№313, 23.12.2016, №352, 19.01.2018	26.07.1945	
Dame Mary Berry	№360, 2.04.2018	24.03.1935	
Miriam Margoyles	№281, 15.01.2016, №419, 10.01.2020	18.05.1941	
Dame Judi Dench	№387, 25.01.2019, №335, 23.06.2017	9.12.1934	

ПРИЛОЖЕНИЕ 9. РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНЫХ ФСП В РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ГРУППАХ (МОНОФТОНГИ)

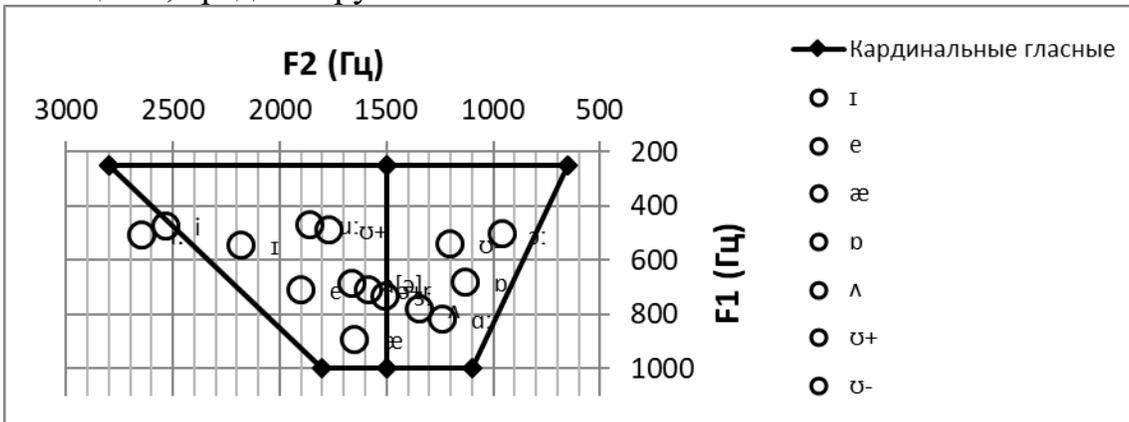
Женщины, младшая группа

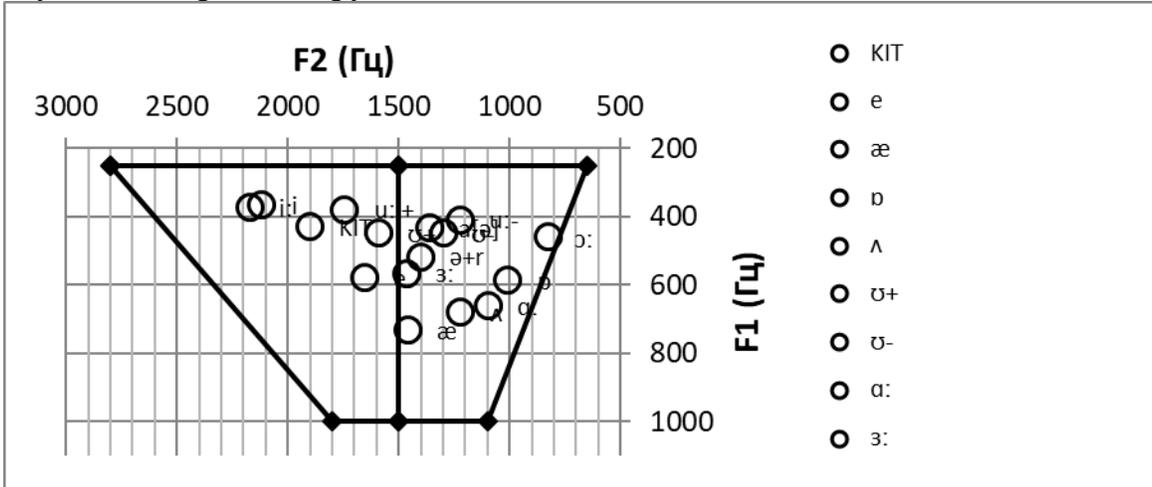
Мужчины, младшая группа

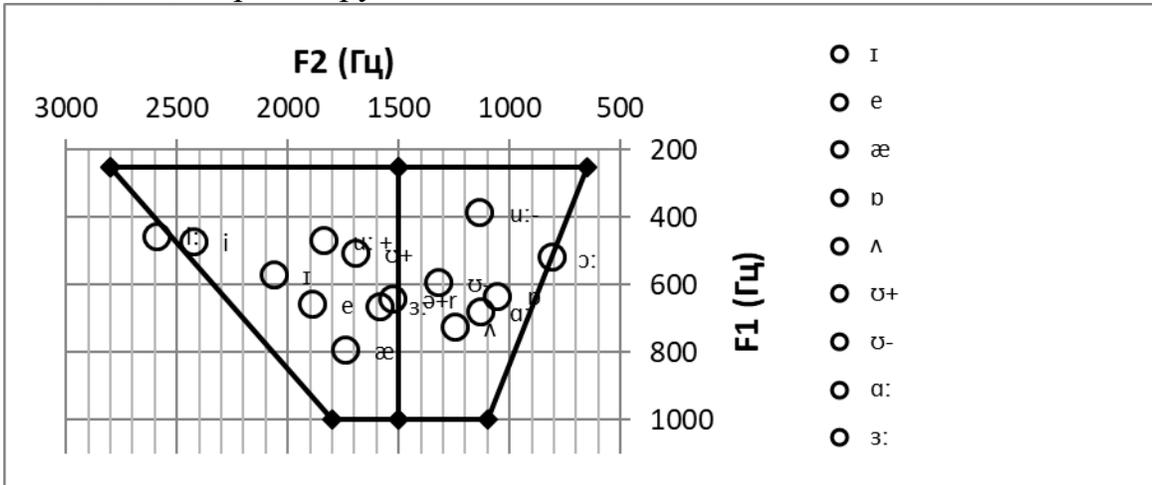
Женщины, средняя группа

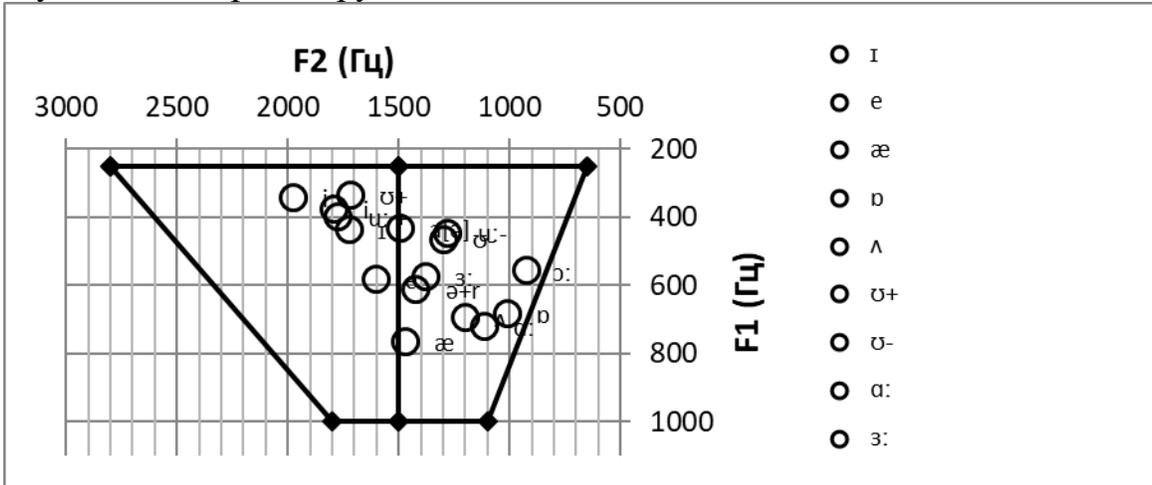
Мужчины, средняя группа

Женщины, старшая группа

Мужчины, старшая группа

ПРИЛОЖЕНИЕ 10. ИННОВАЦИИ В ЮЖНО-БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ [Altendorf, 2003]

Table 1: Linguistic variables

<i>Variables with the resulting non-RP variants</i>	<i>Example</i>	<i>Wells (1998)</i>	<i>Rosewarne (1984, 1994)</i>	<i>Coggle (1993)</i>
H Dropping	[ænd] for <i>hand</i>	–	not mentioned	–/+
MOUTH vowel monophthong	[ma:f] for <i>mouth</i>	–	not mentioned	not mentioned
TH Fronting	[fɪŋk] for <i>think</i>	–	not mentioned	–/+
Intervocalic T Glottalling	['bʌʔə] for <i>butter</i>	–	–	–/+
Non-intervocalic T Glottalling	[bʌʔ] for <i>but</i>	+	+	+
L Vocalization	[miok] for <i>milk</i>	+	+	+
Yod Coalescence	[tʃu:n] for <i>tune</i>	+	+	+
Yod Dropping after /t, d, n/	[tu:n] for <i>tune</i>	not mentioned	+	–
diphthong shift in GOAT	(?) [gəʊʔ] for <i>goat</i>	+	not mentioned	+
ST Palatalization	(?) [ʃtrɪkt] for <i>strict</i>	Pilot Study		
GOOSE Fronting	[güz] for <i>goose</i>			
FOOT Fronting	[füt] for <i>foot</i>			

ПРИЛОЖЕНИЕ 11. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЛАСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ [Altendorf, Watt, 2004: 183]

Map 4. Modern Dialect areas

ПРИЛОЖЕНИЕ 12. СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИФТОНГА [əʊ]
«photographed»: субституирование монофтонгом в речи мужчины средней
возрастной группы [əʊ] → [ə]

